

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ДИСКУССИИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
СЕВЕРА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В XIX - НАЧАЛЕ XXI ВВ.:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, ДИСКУССИИ, НОВЫЕ ПОДХОДЫ**

Сборник научных статей

Ответственный редактор д.и.н. С.И. Боякова

Якутск 2021

УДК 338(470+571)(082)
ББК 65.9(2Рос)(я43)
С 692

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Рецензенты:
д. социол. н. И.И. Подойницына,
к.и.н. Е.П. Антонов

Составитель: к.и.н. А.И. Архипова

Социально-экономическое развитие Северо-востока России в XIX – начале XXI вв.: исторический опыт, дискуссии, новые подходы. Сборник научных статей [Электронный ресурс]. – Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2021. – 154 с.

Сборник научных статей подготовлен на основе материалов Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие Северо-востока России в XIX – начале XXI вв.: исторический опыт, дискуссии, новые подходы», состоявшейся 20–21 сентября 2021 г., где были представлены проблемы экономического и социокультурного развития Крайнего Севера и Дальнего Востока в широкой исторической ретроспективе и перспективе.

Издание адресовано специалистам по истории, этнографии, экономике, социологии, студентам и преподавателям, всем интересующимся историей и современным состоянием социально-экономического развития северных территорий.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Боякова С.И.)	6
----------------------------------	---

Раздел 1. Исторический опыт управления северными территориями и региональный дискурс социально-экономических реформ

<i>Почеревин Е.В.</i> Деятельность местных администраций Восточной Сибири по содержанию дорожной инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв.	9
<i>Бровченко М.И.</i> Аграрная политика России XX века в контексте современного крестьяноведения	14
<i>Коробейников А.С.</i> Из «страны изгнания» в «страну будущего»: социально-экономическая трансформация Якутии в постимперской России. 1894–1930 гг.	19
<i>Никитина С.Е.</i> Русские в устье Индигирки: коммуникативные практики по административному обустройству мещанского общества в XIX в.	27
<i>Юрганова И.И.</i> Гештальт миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на северо-востоке Азии	33
<i>Петрова В.Д.</i> Начало радиостроительства в Якутии в 1920-е гг.	36
<i>Алексеева Л.В.</i> Продовольственная ситуация в Ямало-Ненецком округе в годы Великой Отечественной войны	44
<i>Николаев Д.А.</i> История деятельности и структура Ленского объединенного речного пароходства в 1970–1980-е гг.	50
<i>Дабиев Д.Ф.</i> Об экономических исследованиях в Туве в период 1945–1960 гг.	55
<i>Петров П.П.</i> Историки и история в лицах: З.В. Гоголев – исследователь социально-экономической истории Якутии	63

Раздел 2. Проблемы социально-экономического и этносоциального развития арктических регионов: актуальные подходы и стратегии исследования

<i>Иванова Т.С., Степанова А.Н.</i> Взаимодействие власти, бизнеса и общества при пользовании недрами в Арктике: новые ориентиры	70
<i>Маклашова Е.Г.</i> Изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера: о разработке этносоциологической методологии	77
<i>Боякова С.И.</i> Коренные малочисленные народы Севера в условиях нового индустриального освоения Якутии: социальные риски и защита среды обитания	84
<i>Урожаева Т.П.</i> Браки и разводы в городах Иркутской области в 1998–2018 гг. (на материалах периодической печати)	90
<i>Москвитина Н.Г.</i> Характеристика группы самозанятых в якутском социуме	95
<i>Астахова И.С.</i> Источники для изучения повседневной жизни в городских поселениях якутской Арктики во второй половине XX века	103

<i>Васильева Н.Д.</i> Национальная школа на Севере Якутии в послевоенный период	109
<i>Егоров П.М., Трофимова Л.Д.</i> Здравоохранение в районах проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии в первой половине 1980-х годов	113
<i>Сулейманов А.А.</i> Социогуманитарное изучение арктических районов Якутии: трансформация исследовательских парадигм и подходов во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в.	117

Раздел 3. Аграрная история Якутии: традиции и перспективы исследований

<i>Бровченко М.И.</i> Основы традиций якутской аграрной истории и актуальность современных подходов в исследованиях аграрного развития	126
<i>Винокурова Л.И.</i> Аграрные исследования в Якутии: опыт и перспективы	130
<i>Боякова С.И., Такакура Х.</i> Изучение развития гидромелиорации в контексте аграрной истории Якутии	139
<i>Бурнашева Н.И.</i> Вовлечение трудящихся Якутии в управление производством в 1920–1930-е годы (из научного наследия С.И. Ковлекова)	143
<i>Санникова Я.М.</i> Традиционное хозяйство Арктики в постсоветский период в контексте аграрной истории Якутии XX в.	148

• ПРЕДИСЛОВИЕ •

В настоящем сборнике научных статей публикуются материалы Всероссийской научно-практической конференции «Социально-экономическое развитие Северо-востока России в XIX – начале XXI вв.: исторический опыт, дискуссии, новые подходы», состоявшейся 20–21 сентября 2021 г. в г. Якутске. Целью конференции являлось обсуждение новых подходов в изучении современного социально-экономического развития северных территорий, анализ исторического опыта управления экономикой Севера и региональный дискурс экономических реформ.

В работе конференции приняли участие исследователи из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Института экономики и организации промышленного производства СО РАН; Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило ДВО РАН; Иркутского государственного университета, Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина; Нижневартовского государственного университета, Центрально-Европейского университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова и др. Работа конференции проходила по четырем секциям: исторический опыт управления северными территориями и региональный дискурс социально-экономических реформ; проблемы социально-экономического и этносоциального развития арктических регионов: актуальные подходы и стратегии исследования; исследовательские подходы к оценке социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера; устойчивое развитие сельских сообществ и безопасность жизнедеятельности в условиях изменения климата.

В пленарных докладах и секционных выступлениях участники конференции – историки, экономисты, юристы, социологи – представили свое видение, обозначили актуальные подходы и стратегии исследования проблем социально-экономического развития регионов, промышленно-транспортного освоения, этносоциальных и демографических процессов на Северо-востоке России; различные аспекты управления экономикой Севера в контексте досоветского, советского и постсоветского исторического опыта; особенности урбанизационных процессов в Арктике; взаимодействие власти, бизнеса и общества при решении социальных проблем; возможности устойчивого развития территорий и безопасности жизнедеятельности в условиях изменения климата и пандемии COVID-19. Поступивший материал сгруппирован в двух разделах: «Исторический опыт управления северными территориями и региональный дискурс социально-экономических реформ» и «Проблемы социально-экономического и этносоциального развития арктических регионов: актуальные подходы и стратегии исследования».

В рамках конференции также был проведен круглый стол «Аграрная история Якутии: традиции и перспективы исследований», посвященный памяти кандидата исторических наук, доцента С.И. Ковлекова. Данное научное мероприятие должно было состояться год назад в рамках празднования юбилея Института и приурочено к 90-летию со дня рождения крупного исследователя истории Якутии XX века. Однако из-за неблагоприятной эпидемиологической ситуации в связи с пандемией COVID-19 Круглый стол был перенесен и состоялся в рамках конференции.

Видный якутский ученый, историк Семен Ипатьевич Ковлеков (20.09.1930–9.03.2003) родился в Мегино-Алданском наслеге Таттинского района ЯАССР (ныне Томпонского улуса РС (Я)). В 1967 г. он защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук по теме «Профсоюзы Якутии (1917–1932 гг.)». В 1965–1979 гг. – доцент, зам. декана по учебной работе Историко-филологического факультета ЯГУ. С 1979 и до конца жизни работал в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и ИГИ АН РС (Я). Автор 9 монографий, более 100 научных статей.

На рубеже 1970-х – 1980-х гг. на С.И. Ковлекова была возложена трудная миссия зачинателя изучения аграрной истории второй половины XX в., создания школы якутских историков-аграрни-

ков советского периода. Результатом этой работы стали фундаментальные монографии ученого «Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.)» (Якутск, 1992), «Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.)» (Якутск, 1993), статьи «Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг.» в сборнике «Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996): проблемы коренных преобразований» (Якутск, 1999) и др. Для включения в настоящее издания были отобраны наиболее интересные и оригинальные выступления, прозвучавшие на Круглом столе. Они составили третий раздел сборника «Аграрная история Якутии: традиции и перспективы исследований».

Состоявшийся серьезный разговор, активная дискуссия по всем направлениям рассмотренных проблем экономической истории, позволили не только обобщить имеющиеся наработки, но и обозначить новые векторы фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследований, выявить мировые и отечественные тренды, аккумулировать возможности сотрудничества в изучении социально-экономического развития Северо-востока России.

С.И. Боякова, доктор исторических наук

**РАЗДЕЛ 1.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ
СЕВЕРНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ДИСКУРС СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ**

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ АДМИНИСТРАЦИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО СОДЕРЖАНИЮ ДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Почеревин Евгений Владимирович
к.и.н., доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета
им. В.М. Шукшина, г. Бийск
pev2@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности местных администраций Восточной Сибири по содержанию транспортной инфраструктуры в конце XIX – начале XX вв. Показано место земских бюджетов в организации масштабных дорожно-изыскательских работ. Рассмотрены затраты местных бюджетов на строительство и ремонт мостов и других дорожных сооружений. Изучена роль губернских администраций в распределении объёма натуральной дорожной повинности между населением. Особые трудности в этой сфере испытывали власти Якутской области, сталкиваясь с нехваткой человеческих ресурсов и непониманием со стороны коренного населения. Наибольшие затраты из областного земского бюджета приходились на обеспечение речных перевозов. Иллюстрацией повседневных забот властей губернского и уездного уровней может служить процесс составления и утверждения ежегодного расписания дорожных участков между отдельными волостями и сельскими обществами. Изучение документов Иркутского губернского управления показало, что уездным исправникам и строительному отделению приходилось решать многочисленные управленческие задачи. Среди них не только распределение людских ресурсов, но и рассмотрение ходатайств от волостных и сельских обществ, определение трудовых норм, определение статуса дорог.

Ключевые слова: дорожная инфраструктура, местная администрация, Восточная Сибирь, конец XIX – начало XX вв.

ACTIVITIES OF LOCAL ADMINISTRATIONS OF EASTERN SIBERIA ON MAINTENANCE OF ROAD INFRASTRUCTURE AT THE LATE XIX – BEGINNING XX CENTURIES

Pocherevin Evgeny Vladimirovich
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor at the Department of historical,
legal and social-humanitarian disciplines,
Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk
pev2@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of local administrations of Eastern Siberia on the maintenance of transport infrastructure in the late 19th – early 20th centuries. The place of zemstvo budgets in the organization of large road and survey works is shown in the article. The costs of local budgets for the construction and repair of bridges and other road structures are considered. The role of provincial administrations in the distribution of the volume of road construction duties among the population is studied. The authorities of the Yakutsk region experienced particular difficulties in this area, faced with a shortage of human resources and misunderstanding on the part of the indigenous population. The largest expenditures from the regional zemstvo budget fell on the provision of river transportation. An illustration of the day-to-day concerns of the provincial and uyezd authorities is the process of drawing up and approving the annual timetable of road sections between some volosts and rural communities. A study

of the documents of the Irkutsk provincial administration showed that the district police officers and the construction department had to solve numerous administrative tasks. These include not only the distribution of human resources, but also the consideration of applications from rural municipality and rural communities, the definition of labor standards, the definition of the status of roads.

Keywords: road infrastructure, local administration, Eastern Siberia, late XIX - early XX centuries.

Развитию дорожной инфраструктуры Восточной Сибири посвящено значительное количество работ. Среди них можно указать на работы П.Л. Казаряна [1; 2], рассматривающих историю развития основных транспортных магистралей региона. Енисейская транспортная инфраструктура исследована Т.А. Кискидосовой [3] и В. И. Федоровой [11]. Однако участие губернских (областных) администраций в содержании дорожной сети не было исследовано. Данная статья имеет целью показать основные направления деятельности местных властей Восточной Сибири по организации ремонтно-строительных работ на дорогах региона в конце XIX – начале XX вв.

На совещании 1906 г. по развитию транспортной инфраструктуры Сибири, проходившем в Иркутске, рассматривались и проблемы грунтовых дорог. Совещание признало необходимым не только поддерживать в исправном состоянии Московский стратегический тракт, но и продолжать строительство мелких дорог¹.

Несмотря на то, что масштабные строительные проекты осуществлялись за государственный счёт, губернские финансы также использовались на эти цели. Так, Иркутское генерал-губернаторство с 1897 г. регулярно включало в свой бюджет ежегодный расход в объёме 20000 руб. на изыскательские и дорожно-строительные работы². С 1909 г. сумма была увеличена до 25000 руб. в год [8, с. 2–3].

Используя эти средства, местные администрации пытались решить наиболее насущные проблемы в дорожной сфере. Так, в 1909-1910 гг. проводилось исследование о Ольхоне с целью проведения там дороги. Было проведено изучение состояния Приленского тракта и организация взрывных работ «в наиболее опасных участках». В Якутской области делалась рекогносцировка местности с целью проведения зимнего почтового тракта от железной дороги до г. Якутска и трассы между с. Нельканом и портом Аян³. Наиболее затратными оказались изыскательские работы при проектировании Усинского тракта в Енисейской губернии. На это было затрачено около 30000 руб.⁴

Однако основной деятельностью местных администраций в дорожной сфере было не строительство новых магистралей, а поддержание существующих путей сообщения в приемлемом состоянии. Сибирский тракт, несмотря на перевод его в 1901 г. в разряд просёлочной дороги, требовал внимания местных властей. Так, иркутский генерал-губернатор испрашивал разрешение о выделении из земских средств по 20000 руб. в год на ремонт тракта в течение трёхлетия 1900–1902 гг. Вышестоящие инстанции позволили использовать средства из общих сметных остатков⁵. В смете на 1903–1905 гг. на содержание дороги выделялось по 2770 руб. в год⁶.

Сметой Енисейской губернии на 1906–1908 гг. планировалось отпускать 4060 руб. в год на ремонт дорожных сооружений, расположенных на тракте. В Иркутской губернии на содержание 10 мостов предполагалось затрачивать по 5998 руб. ежегодно⁷. На период 1915–1917 гг. в бюджетных планах енисейской губернской администрации закладывались расходы на содержание тракта объёмом 10900 руб. в год [7, с. 5].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1288, оп. 23. 1906 г. д. 50, л. 98 об.–99.

² Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ), ф. 152, оп. 52, д. 2, л. 371–371 об.

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 25, оп. 8, д. 1012, л. 219–220, 274.

⁴ Там же, л. 220.

⁵ ГАТ, ф. 152, оп. 40, д. 178, л. 463.

⁶ Там же, л. 30 об.–32.

⁷ Там же, л. 236 об.–238.

Кроме Сибирского тракта требовалось содержать и другие дороги. Так, в смете Якутской области на 1912–1914 г. было отпущено на «дорожную повинность» 5000 руб. в год. В проекте бюджета на 1915–1917 гг. – 6493 руб. в год [10, с. 1–2]. Проектом сметы предусматривался ремонт двух мостов по Виллойскому почтовому тракту общей стоимостью 1779 руб., то есть по 593 руб. в год. На поддержание в исправности моста через р. Малую Черепаниху в Олекминском округе требовалось 400 руб. в год. Предполагалось построить дамбу на болотистой местности, тем самым сократить длину моста. Также планировалось использовать средства, оставшиеся неизрасходованными в течение текущего трёхлетнего периода, на капитальный ремонт Амгинского (бывшего Аянского) и Охотского трактов [10, с. 2–3]. В проекте областного бюджета на 1915–1917 гг. большая часть выделяемых сумм предназначалась на содержание перевозов через реки. Лодочные перевозки на Верхоянском тракте через р. Алдан, р. Тумару, р. Неру, р. Юдому – 640 руб. в год. Кроме того, в наступавшем трёхлетии планировалось финансировать за счёт областного земского сбора еще семь речных переправ на Охотском тракте, ранее содержавшихся местным «иногородческим» населением [10, с. 1–2]. Самый большой расход (2000 руб. в год) предназначался на функционирование «паровой переправы» через р. Лену в с. Даркылах. Еще в обзоре Якутской области за 1908 г. указывалось, что переправа через р. Лену была устроена примитивно и совершенно не соответствовала требованиям времени. Между тем, в летнее время на ней наблюдался высокий трафик – местное население везло в г. Якутск масло и скот для продажи и запасалось необходимыми товарами. Администрацией области было запланировано устройство паромной переправы, расход на которую был внесён в земскую смету [5, с. 43]. Возможно, к 1914 г. она функционировала и была обозначена в проекте сметы как «паровая переправа».

В енисейской губернской смете на 1900–1902 гг. предусматривалось выделение около 7300 руб. в год на постройку дорожных сооружений на Ачинско-Минусинском тракте. На содержание других дорог губернии отпускалось по 5700 руб. в год¹. В трёхлетний период 1903–1905 гг. предполагалось строительство двух, а также ремонт трёх мостов по Енисейскому почтовому тракту, возведение трёх мостов и сооружение двух водоотводных труб по Ачинско-Минусинскому тракту. На все мероприятия выделялось по 11200 руб. в год². На следующее трёхлетие 1906–1908 гг. сметой предусматривалось строительство трёх мостов и двух дамб на Красноярско-Енисейском почтовом тракте, двух мостов и дамбы на Ачинско-Минусинском тракте. Всего планировалось выполнять работы на сумму 9700 руб. ежегодно³.

Ещё большим размахом отличалась Иркутская губерния. Там на 1903–1905 гг., было запланировано строительство 14 мостов только по Якутскому тракту. Кроме того, предполагалось проведение серии ремонтных работ на других магистралях. Всего ассигновывалось по 13800 руб. в год⁴. На 1906–1908 гг. было запланировано сооружение двух мостов на Братском торговом тракте, а также проведение ремонта дорожного полотна на остальных крупных дорогах губернии. Ассигнования из земского бюджета выражались в сумме 11000 руб. в год⁵. В трёхлетие 1909–1911 гг. на постройку двух мостов на Братском тракте губернская администрация предполагала затратить 10800 руб., а на ремонт шести мостов по Тункинскому тракту планировалось отпустить 8300 руб. [8, с. 2]. В смете на 1912–1914 гг. значились большие расходы, чем прежде. Всего на постройку и ремонт дорожных сооружений предполагалось выделять по 52000 руб. в год. Кроме того, на корректировку особо опасного участка Тункинского тракта в проект сметы было внесено 76700 руб. [9, с. 2]. Их можно было использовать после составления и утверждения технических смет.

Поддержание в «проезжем состоянии» больших и малых дорог в Якутской области обеспечивалось, в основном, с помощью натуральной повинности. В условиях малонаселённости и огром-

¹ ГАТ, ф. 152, оп. 40, д. 178, л. 373–373 об.

² Там же, д. 224, л. 30 об.–32.

³ Там же, л. 236 об.–237.

⁴ ГАТ, ф. 152, оп. 40, д. 178, л. 537 об.

⁵ Там же, л. 236 об.–237.

ных пространств региона, выполнение возложенных на население обязанностей было тяжёлым бременем. В обзоре Якутской области за 1897 г. указывалось, что очень трудоёмким для местного населения было содержание Амгинского тракта. Особенно же трудно было обслуживать Охотский тракт, который пролегал «большею своей половиною по совершенно безлюдным местам». В целом, отмечалось неравномерное распределение дорог по населённым местам, что приводило к неравномерному распределению дорожной повинности. В 1890 г. администрацией области был поднят вопрос об уравнивании дорожной повинности между «инородческими» улусами. В обзоре области за 1897 г. год было указано, что предварительные работы по уравниванию повинностей ещё не были закончены, ввиду «не вполне сочувственного отношения к делу инородцев» [4, с. 43]. В 1911 г. администрацией области было предложено, в целях упорядочения дорожного дела, заменить натуральную повинность денежными взносами. Но, население «нашло это для себя неудобным», поэтому вопрос оставался открытым. «Во всяком случае, – рассуждал автор обзора области за 1911 г., – было бы более целесообразным дело устройства дорог из неопытных рук ... якута, передать в руки администрации, тем более что ... иноходец ещё не осознаёт пользы в благоустройстве путей сообщения» [6, с. 130].

Деятельность местных администраций губернского и уездного уровня можно увидеть, исследуя процесс составления и утверждения ежегодного расписания дорожных повинностей. В качестве примера такой работы можно рассмотреть журнал общего присутствия Иркутского губернского управления от 11 апреля 1911 г. На рассмотрение присутствия был представлен проект распределения натуральных повинностей на текущий год, составленный строительным отделением губернского управления. При его подготовке учитывались предложения уездных исправников и ходатайства отдельных сельских обществ. В отличие от других руководителей уездной администрации, представивших прошлогодние проекты распределения дорожных участков между населением уезда, верхоленский исправник препроводил в губернское управление совершенно новую схему. Она была разработана на специальном съезде уполномоченных представителей от волостей уезда. Члены съезда предлагали вести исчисление трактовых участков от границ Киренского уезда, а не от Иркутского, как прежде. Кроме того, верхоленским съездом было подано два ходатайства. Крестьяне просили губернскую администрацию принять меры «к ограждению дорог от повреждения грузами громадной тяжести» и о взыскании с виновных денежных средств на покрытие расходов по восстановлению дорожного полотна. Также съезд ходатайствовал о выработке нормы, определяющей количество работников и лошадей, которое должен был обеспечить подрядчик при ремонте трактов. Это требовалось для корреляции затрат при подрядном и натуральном способах обслуживания дорог¹.

В проекте иркутского уездного исправника впервые к несению дорожной повинности было привлечено население, живущее в отдаленной местности уезда. На них возлагалось содержание вьючной тропы от с. Лиственничного до с. Большого Голоустного, которое имело важное значение. Нижнеудинский исправник просил увеличить количество выставляемых рабочих на исправление Братского тракта. Балаганский исправник просил о назначении работников от ряда волостей и «инородных ведомств» не только на ремонт Тыреть-Жигаловского тракта, но и дорог, лежащих в пределах этих территориальных образований. Также он выдвигал предложение о привлечении населения, не занятого на ремонте вышеуказанной дороги, к исправлению Московского тракта и подъездных путей.

Губернским управлением были рассмотрены ходатайства от отдельных сельских обществ и «инородческих ведомств». Просьба Алагуевского ведомства Иркутского уезда об освобождении его от ремонта Якутского тракта для работы на своих проселочных дорогах, была отклонена. Не были удовлетворены еще ряд аналогичных ходатайств. Просьба Осинской волости Балаганского уезда, поддержанная крестьянским начальником, нашла поддержку губернских чиновников. Волость постиг неурожай, поэтому от неё не назначались рабочие, так же, как и в текущем 1910 г.

¹ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 41, д. 1500, л. 6 об.

Смоленская волость Иркутского уезда ходатайствовала о приписке дополнительных рабочих из других волостей на участок Кругобайкальской дороги, исправляемый населением волости. По заключению уездного исправника, участок тракта был в достаточной мере обеспечен рабочей силой, поэтому просьба была отклонена.

Косостепская волость просила о переводе Ольхонской просёлочной дороги в разряд торговых трактов, чтобы её можно было включить в общее распределение дорожной повинности по Верхленскому уезду. Однако на уездном съезде большинством участников была признана нецелесообразность этого шага. Четыре волости и три «инородческих ведомства» этого же уезда ходатайствовали о разрешении исполнять дорожную повинность наймом. Поскольку это не противоречило закону, губернское управление удовлетворило просьбу.

Ново-Удинская волость Балаганского уезда высказывала просьбу об облегчении для неё дорожной повинности на Тыреть-Жигаловском тракте, поскольку считало доставшийся ей участок самым трудным на трассе. Просьба не получила удовлетворения, поскольку волость являлась наиболее близко расположенной к обсуждаемому участку.

Баженовская волость и Ныгдинское «инородческое ведомство» Балаганского уезда ходатайствовали о привлечении Вознесенского винокуренного завода к участию в ремонте моста на р. Голуметь, поскольку он обслуживал, главным образом, интересы этого предприятия. Уездный исправник также разделял это мнение. Просьба была удовлетворена¹.

Таким образом, рассмотрев деятельность губернских и областных администраций Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв., можно сделать ряд выводов. Руководство Иркутского генерал-губернаторства имело возможность использовать средства местного бюджета на организацию масштабных изыскательских работ. Однако основная деятельность разворачивалась в сфере поддержки существующих дорог. Сибирский тракт, утративший былое значение, продолжал эксплуатироваться. Из земского бюджета Иркутской и Енисейской губерний в начале XX в. выделялись средства на строительство и ремонт дорожных сооружений, расположенных на основных магистралях региона, причём финансирование имело устойчивую тенденцию к увеличению. Значительная часть дорожных работ производилась крестьянским и «инородческим» населением. Администрация Якутской области сталкивалась со значительными трудностями при организации натуральной дорожной повинности. Осуществлялись попытки равномерно распределить её тяжесть между населением, заменить денежными выплатами. Значительные ресурсы затрачивались на обеспечение речных перевозов, близ г. Якутска, вероятно, функционировала пароходная паромная переправа. Губернский и уездный уровень власти был задействован в распределении объёмов натуральной повинности между сельскими обществами региона. Из анализа журнала Иркутского губернского управления видно, что круг разбираемых вопросов был широк: рассмотрение ходатайств волостей, определение статуса дорог, выработка трудовых нормативов.

Список литературы:

1. Казарян П.Л. Иркутско-Якутский почтовый тракт: история становления // Управление мегаполисом. – 2008. – №6. – С. 53–63.
2. Казарян П.Л. Якутско-Аянский тракт // Земля иркутская. – 2004. – № 3(26). – С. 12–20.
3. Кискидосова Т.А. Транспортная инфраструктура Енисейской губернии и ее влияние на развитие торговли конца XIX – начала XX вв. // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сборник материалов II регион. молодеж. науч. конф. –Новосибирск, 2008. – С. 112–119.
4. Обзор Якутской области за 1897 г. – Якутск, 1899. – 67 с.
5. Обзор Якутской области за 1908 г. – Якутск, 1910. – 73 с.
6. Обзор Якутской области за 1911 г. – Якутск, 1913. – 204 с.
7. Свод предположений местного начальства и заключение Совецания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Енисейской губернии на 1915–1917 гг. – Петроград, 1915. – 102 с.

¹ГАТО, ф. 3, оп. 41, д. 1500, л. 6–12.

8. Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1909–1911 гг. – СПб, 1908. – 89 с.

9. Свод предположений местного начальства и заключение Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Иркутской губернии на 1912–1914 гг. – СПб, 1911. – 61 с.

10. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Якутской области на 1915–1917 гг. – Петроград, 1915. – 66 с.

11. Федорова В.И. Развитие транспортной сети в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Экономическое развитие Сибири: материалы Сибирского историч. форума. – Красноярск, 2016. – С. 39–43.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_02
УДК 338.43.02(470+571)

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XX ВЕКЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЯ

Бровченко Марфа Иннокентьевна,
к.и.н., доцент,
г. Москва,
18081947@rambler.ru

Аннотация: Цель написания статьи состоит в рассмотрении проблем аграрной политики России XX века в ракурсе политического и классового диктата партии, взаимоотношения крестьянства с государственной системой по вопросам земельной собственности и форм производства в контексте основных теорий крестьяноведения. Тема исследования – аграрная политика Советского государства в XX веке с ее сложнейшей историей, сыгравшей определенную роль в развитии страны. В качестве объекта исследования представлены основные направления государственной аграрной политики руководства страны. В статье основными методами выступили историко-сравнительный, типологический, структурно-функциональный. Рассмотрение вопросов аграрных реформ и мероприятий в разные периоды XX века осуществлялось в проблемно-хронологическом плане, что позволило представить целостную систему явлений и событий социально-экономического и политического процесса, позволило определить ключевое содержание государственной политики в отношении крестьянства и оценить их последствия. Анализ российских и зарубежных работ позволяет отметить актуальность темы в ее общественно-политической и научной значимости для сравнения развития и применения новых научных подходов.

Ключевые слова: аграрная политика, землеустройство, классовый подход, консеквентность, консерватизм, крестьяноведение, крестьянство, методология, партия, реформа, экономическая политика.

AGRARIAN POLICY OF RUSSIA IN THE TWENTIETH CENTURY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY PEASANT STUDIES

Brovchenko Marfa Innokentevna,
Candidate of Historical Sciences, associate professor, Moscow,
18081947@rambler.ru

Abstract: The purpose of the article is to consider the problems of the agrarian policy of Soviet Russia from the perspective of the political class and the dictates of the party, the relationship between the peasantry from the Soviet state system on matters of land ownership and forms of production. The theme of the research is the agrarian policy of the Soviet state in the twentieth century with all its positive and negative aspects, which played a role in the development

of the country in the context of basic assessments and theories of peasant studies. The main directions of the agrarian policy of the management are considered as the object of the research. In the article the main methods were historical-comparative, typological, structural-functional. Consideration of issues of agrarian reforms and activities in different periods of the twentieth century was carried out in the problem-chronological plan, which allowed to present a holistic system of phenomena and events of socio-economic and political process, allowed to determine the key content of state policy towards the peasantry and to assess their consequences. The analysis of Russian and foreign works allows us to note the relevance of the topic in its socio-political and scientific significance for comparing the development and new scientific approaches.

Keywords: agrarian policy, land management, class approach, conservatism, peasant studies, peasantry, methodology, party, reform, economic policy.

Российская аграрная наука претерпевает за последнее время значительные качественные изменения в подходах рассмотрения проблем сельского хозяйства, в открытости постановки вопроса, в обсуждении и дискуссии, обмене результатами исследований с зарубежными коллегами, в организации конференций, посвященных важным вехам аграрного развития страны. Общественно-политическая и практическая значимость аграрного вопроса показала, что история и современность здесь наиболее тесно связаны. В 1992 году после распада Советского Союза ученые получили возможность открыто дискутировать по теме «Современные концепции аграрного развития» [7], которые поставили основным объектом своих исследований крестьянство – «класс, на основе и за счет которого возникло и во многом до сих пор развивается современное общество, городское, индустриальное, а сейчас уже и постиндустриальное» [6, с. 6]. Бескомпромиссные теоретические дискуссии под руководством В.П. Данилова и Т. Шанина, обмен мнениями с зарубежными историками, обращение к трудам соотечественников Н.И. Бухарина, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, а главное – комплексной источниковой базе – обусловили разработку новых концептуальных основ аграрной истории России.

В настоящее время невозможно исследовать современные направления аграрной истории и политики без обращения к крестьяноведению, которое получило развитие у зарубежных аграрников. Американский ученый Т. Шанин сформулировал суть этого направления аграрной науки: «С крестьяноведением как способом мышления связано то, основное, главное, чему нас учит история, – представление о параллельности развития исторических форм, а не о консеквентности их, т.е. не о последовательной цепочке развития, в которой, скажем, феодализм сменяется капитализмом, тот в свою очередь социализмом и т.д. Представлениями о смене фаз в развитии общества мы себя обманываем и оказываемся во многом слепы, рассматривая историю разных стран и разных культур» [6, с. 69]. Это теоретическое определение позволило расширить возможности исследования многих проблем аграрной политики и представление о многообразии методологических подходов и установок.

Интересна методологическая постановка проблемы о консерватизме деревенской социальной структуры, что сказалось и на политическом устройстве страны. Многие концепции таких ученых как Дж. Скотт, Т. Шанин, Ш. Мерль, М. Левин, Э. Вульф обогатили аграрную науку аналитическим инструментарием, новыми научными подходами, расширяющими возможности анализа крестьянских обществ не только как общественный класс, но позволили исследовать этот феномен изнутри. Такой подход позволяет увидеть и в российском крестьянстве тот природный консерватизм, который на разных этапах истории деревни был немаловажным фактором, влиявшим на поведение крестьянства. В.В. Кондрашин считает, что «отказ от жестких схем теории классовой борьбы, заставляя по-новому взглянуть на проблему коллективизации, хотя бы для того, чтобы получить оценку сталинской аграрной политики самими крестьянами», предполагает новый подход и новые источники исследования [6, с. 57].

С установлением Советской власти в стране в 1917 г. начала претворяться в жизнь программа ВКП(б), первоначально – социализация земли на основе уравнительного распределения земли. Эти мероприятия привлекли на сторону Советской власти симпатии основной массы крестьянства

и перевесили противостояние политических сил в пользу большевиков, которые правильно для себя оценили создавшуюся политическую ситуацию и крестьянский революционный порыв. Оценка данной ситуации вполне может перекликаться параллельно с позицией современного крестьяноведения в том, что «крестьянский менталитет составлял настолько важный фактор формирования советского общества, что недооценка его оборачивается серьезным искажением исторической реальности» [6, с. 23]. Ведь в период острых классовых противоречий понятие крестьянского менталитета в рассмотрении проблемы в расчет не бралось.

Достаточно основательно аграрная политика российского правительства на рубеже XIX и XX веков проанализирована в работе И.В. Берсневой, которая отмечала: «Политика правительства в аграрной сфере в значительной степени влияла на социальный климат в дореволюционной России, поскольку сельское хозяйство оставалось доминирующей частью экономики, а крестьяне составляли подавляющее большинство населения» [1]. В аграрной политике, отразившейся в преобразованиях и мероприятиях от Русской революции 1905–1907 годов до распада Советского Союза в конце прошлого века, заметны много акцентов на более внимательное отношение к исследованию крестьянства, «как реально существующей фигуре истории» и предоставлена возможность «во многом скорректировать и углубить общественные подходы». Так, в революции 1905–1907 гг. был преподан серьезный урок крестьянского гнева, события показали потенциальную силу и пределы терпения крестьянства.

Аграрная политика России в XX веке в основном составляла политику советской социалистической экономики и политической власти одной тоталитарной партии в целом. Крестьянские преобразования новой власти исходили из Декрета о земле. При этом власть все больше вмешивалась в деревенскую жизнь, что было продиктовано ухудшением продовольственного положения в стране и усилением политического диктата во всех сферах жизни. Здесь невозможно обойти историю одиозных комбедов, что вызвало повсеместное недовольство крестьян, отшатнувшихся от большевиков [8, с. 24], Развернувшаяся политика диктата власти дошла от Центра и до окраин страны. Отмечая эту ситуацию в Якутии, в своей статье В.П. Захаров пишет: «созданная насильем и репрессиями диктатура одной партии установила период «единомыслия и согласия» и сохранила отставание в развитии региона» [5, с. 94]. История, показывая примеры обратного колебания крестьянства от политики руководства к ее неприятию, доказала саму природу крестьянского менталитета, его отношение к тому, что касалось его самого, земли и хозяйства.

С середины 1920-х годов аграрная политика Советского государства ознаменовалась жестким классовым подходом, социальной дифференциацией, чрезмерными мерами. «Страна переходила к новому варианту решения аграрного вопроса. Генеральной линией партии стал курс на коллективизацию сельского хозяйства» [2, с. 177]. В этом направлении была проделана серьезная работа российских историков-аграрников, которые смогли поднять и предоставить научной общественности огромный пласт документов, отражающих «роль партии и местные процессы, крестьянскую реакцию, сельскохозяйственные традиции, экономические и экологические факторы» [9, с. 8]. Огромное значение оценочного, фактического характера сыграло издание «Трагедия советской деревни» в 5 томах: «Наша документальная история коллективизации и раскулачивания дает возможность по-новому взглянуть на многострадальную историю советской деревни. Она позволит международной научной общественности и просто интересующимся людям проверить существующие трактовки сталинизма на фактическом материале, отысканном в архивах, а также взглянуть на коллективизацию с разных точек зрения – с позиций политических руководителей высшего уровня, местных чиновников и функционеров, карательных органов и, конечно, с позиции самих крестьян» [9, с. 10].

По крестьяноведению «классовость» крестьянства обычно выражена сравнительно слабо, но она резко возрастает в период противостояния, конфликтов. Почему советское крестьянство оказалось таким бесправным? Не в силу ли того, что двойственный характер его предполагал и разные порывы самих крестьян в своем устройстве. По Дж. Скотту, крестьянин превосходно понимал во все времена степень своей эксплуатации, что-то принимал, а против чего-то сплывался в своих выступлениях. А также, что немаловажно, он «возлагал надежды на государство и патрона», что закономерно предусматривало ответственность и возможность государственной организации кре-

стьянского обустройства и одновременно приручало крестьян перекладывать ответственность с себя на другого. Сопоставляя тезис Дж. Скотта о том, что «крестьянское поведение, ориентации и ценности вполне и глубоко рациональны» [6, с. 50] с поведением российского крестьянства встает вопрос: насколько это проявилось в поведении последнего в тоталитарной советской системе. И.Е. Зеленин на одном из Теоретических семинаров совершенно обоснованно ставил вопрос: «В какой мере те или иные слои современного крестьянства унаследовали генетические корни и черты класса российского крестьянства, составлявшего некогда абсолютное большинство населения страны?» [6, с. 66]. Им же была затронута концепция циклической мобильности крестьянства, что очень важно иметь в виду в современных исследованиях. Так как «политика была крайне противоречивой, постоянно претерпевала резкие изменения» [6, с. 730], что сказывалось на качестве взаимоотношений крестьян и государства. Вопросы возникают один за другим, как только меняется ракурс рассмотрения проблем с позиции крестьяноведения: почему именно во время голода 1932/33 года была продемонстрирована вся мощь нарастающей репрессивной машины в отношении крестьянства? Почему уже в постсоветский период землю в собственность пожелало получить лишь 10–15% крестьян? Что за социальный феномен родился в нашей деревне? Крестьянство ли это?

Все возникшие новые условия взаимоотношений в конце XX века требовали и показывали необходимость искать стимулы расширения и улучшения производства а этом важном секторе хозяйства. Однако в начале 1990-х годов шел «разрушительный процесс без созидательного начала» и найти причины этого – проблема была из самых сложных [4, с. 10–29]. Т. Шанин, один из ведущих теоретиков крестьяноведения, изучая российские реалии в сельском хозяйстве, выделяет А.В. Чайнова, как российского крестьяноведа, и «делает парадоксальное предположение, что по мере исчезновения крестьянства значение трудов этого выдающегося исследователя будет не снижаться, но возрастать». В трудах А.В. Чайнова и Т. Шанина отчетливо сформулирован один из основных подходов в исследовании аграрной политики: «крестьянство должно быть выделено в особое исследовательское поле, требует особых подходов и методологий» [8, с. 81–82], «крестьянин, его семья и хозяйство представляют собой единое целое». Провести свои мероприятия никто не сможет, пока «не ознакомится с самим крестьянским хозяйством» [10, с. 23]. Это означало, что при разработке основных направлений аграрной политики необходимо хорошо представлять определяющие признаки характеристики самого крестьянства для конкретного времени.

В теории крестьяноведения Т. Шанин выделяет три параллельных варианта определения крестьянского хозяйства, при этом констатируя, что «особняком стоит осуществление государством коллективизации деревни как следствие возрастающей мощи современного государства и стремления революционных лидеров одним махом решить проблему развития, основываясь на социалистическом, коллективистском миросозерцании» [6, с. 85]. Следует признать, что многие преобразования в деревне в период советского государства качественно отличались от естественных путей сельскохозяйственного развития, потому что инициатива их появления и реализации исходила строго от политического руководства и административного диктата.

Один из главных выводов в изучении поставленной проблемы заключается в том, что однозначно решить и дать оценку невозможно, необходима попытка понять процесс, использовать различные подходы, не выбрасывая оценки представителей и самой советской системы. М.А. Выщан, выступая на Теоретическом семинаре по «Современным концепциям аграрного развития» оправданно отмечает, что следует «более внимательно учитывать ленинские соображения на этот счет, классификацию крестьянства в соответствии с хозяйственным укладом» [7, с. 93]. XX век наполнен многочисленными событиями, принесшими очень разные по сути, форме и последствиям результаты. В крестьяноведении известна работа профессора Пенсильванского университета М.Л. Левина «Русское крестьянство и Советская власть. Исследование коллективизации» (Нью-Йорк; Лондон, 1975), которая вызвала интересную и плодотворную дискуссию в Теоретическом семинаре 21 декабря 1993 года. В этой дискуссии М. Левин сформулировал важное положение при исследовании: «Отказ от анализа, что могло бы быть, оказывается путем к недооценке тех реальных политических сил, которые теоретически разрабатывали и политически отстаивали

несостоявшийся ход развития» [4, с. 271]. Он обоснованно и пристально обращает свое внимание на 1928–1929 годы.

И действительно, классовый подход, политика социальной дифференциации (кредитование беднейшего крестьянства, твердые цены на хлеб, налогообложение по социальным категориям) вызвали зерновой, налоговый, финансовый и ценовой кризисы. Пути преодоления кризисных явлений государственные органы искали в привычных мерах против крестьянства. Начавшаяся еще в 1925 г. политика классовой борьбы с крестьянством в начале 1928 г. приобрела характер репрессий против частных крестьянских хозяйств. Эта была волонтаристская политика, прямо противодействующая экономическим законам, а равно интересам крестьянства. «Кулацкое» поведение крестьян было не чем иным, как поведением, соответствующим рынку» [7, с. 115]. Чрезмерные меры против крестьянства, в конечном счете, означали отказ от смычки города и деревни, от лозунга «лицом к деревне». Они еще усугубили необходимость перехода к радикальным аграрным преобразованиям в стране. Утверждение в конце 1920-х годов тоталитарной системы власти в стране неизбежно привело к свертыванию НЭПа. Партия большевиков провела более тщательную подготовку по ее организации, обращая главное внимание на насаждение мер по свертыванию новой экономической политики и форсирования мероприятий по вытеснению частных крестьянских хозяйств. Мероприятия в сельском хозяйстве в 1924–1927 гг. во многих местах показали, что новая экономическая политика вывела из угрозы катастрофического разорения деревню, что крестьянин выявил альтернативу в ведении хозяйства. В этом партия и государство увидели реальную опасность для системы государственной собственности и командно-административного управления. И были мобилизованы все силы для того, чтобы пресечь естественное развитие доколхозной деревни.

Именно в эти годы сложились предпосылки для завершения одного периода острой политической борьбы и начала нового, более жесткого и бесповоротного. Серьезное внимание в подходах крестьяноведения уделено к такому явлению, как маскировка сути советских явлений терминами – коллективизация, советское государство рабочих, демократическое. «Все эти термины, хотя и не воспринимались серьезно многими на Западе, однако уводили в сторону от изучения того сложного и мучительного пути, которым страна создавала бюрократическую, властную иерархию, монополизировавшую все и вся» [6, с. 288].

Таким образом, взгляды, оценки и подходы ученых на аграрную политику России XX века претерпели определенную эволюцию в постсоветский период благодаря обращению к исследованиям известных аграрников и зарубежных ученых. Утвердившиеся в советской историографии выводы и подходы вынуждены пересмотреть, расширить, а порой уступить место новым представлениям и видениям под углом развития современного крестьяноведения. Без этого не будет всестороннего объективного исследования собственной истории или словами В.П. Данилова: «Теперь пришла пора более внимательно рассмотреть объективные обстоятельства того времени... вопроса о соотношении объективных и субъективных факторов в сложнейшем историческом процессе» [6, с. 592].

Список литературы:

1. Берснева И.В. Аграрная политика российского правительства в конце XIX — начале XX века: поиск путей развития // Гуманитарный вестник. – 2015. – Вып. 6. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/261.html>
2. Бровченко М.И. Аграрный вопрос в Якутии (1929–1940 гг.). – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2015. – 213 с.
3. Бровченко М.И. А.В. Чайнов: о земле и крестьянском хозяйстве. – М.: ООО «Мегаполис», 2018. – 142 с.
4. Данилов В.П. Судьбы сельского хозяйства в России(1861–2001гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ученые записки. – М., 2006. – 428 с.
5. Захаров В.П. Власть и общество: обвинения в буржуазном национализме в Якутии в 1920–1930-х гг. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2012. – Т.9. – Вып.2. – С. 89–94.
6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке/ под ред. В.В. Бабашкина. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.
7. Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) (обзор подготовлен Л.А. Овчинцевой) // Отечественная история. – 1995. – №3.– С. 101–134.

8. Соколов А.К. Становление советской системы. 1917-1921. – М.: 1994. – 147 с.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.

10. Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства: основные положения, хрестоматия по экономической теории / сост. Е.Ф. Борисов. – М.: 1997. – 362 с.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_03

УДК 94(571.56)“1894/1930”

ИЗ «СТРАНЫ ИЗГНАНИЯ» В «СТРАНУ БУДУЩЕГО»: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯКУТИИ В ПОСТИМПЕРСКОЙ РОССИИ. 1894–1930 ГГ.*

Коробейников Александр Сергеевич,
стажер-исследователь

Департамента истории Центрально-Европейского университета
в Будапеште и Вене (Венгрия и Австрия)
aleksandrkorobeinikov.spb@gmail.com

Аннотация: Статья реконструирует сложную и разнообразную картину постимперской Якутии, ее различные роли в административной, социальной и экономической иерархии власти. Она направлена на выяснение того, как различные субъекты в центре и на местах предполагали создание постимперского регионального пространства. Основываясь на анализе большого спектра опубликованных, а также архивных документов, автор исследует символические аспекты превращения Якутии из «страны изгнания» в «страну будущего». Формирование ЯАССР повлияло на изменение символических ролей, которые играла Якутская область до 1917 года, предоставив местной интеллигенции право распоряжаться внутренней политикой региона. Статус и роль холодной «страны изгнания» были быстро заменены на экономически обоснованную модель «страны будущего». Однако символическое завершение постимперской трансформации России, озаглавленное «великим переломом», отразилось не только на физическом избавлении от местной интеллигенции, но и на новой смене социально-экономической политики в Якутии. Фокусируясь на темах географического и геологического освоения Якутии, воображения постимперского порядка, а также экономических и пространственных трансформациях региона, статья стремится внести вклад в лучшее понимание постимперской истории России, а также в сравнительное изучение национализма, регионализма и пространственных измерений политической практики.

Ключевые слова: Якутия, Российская империя, постимперский порядок, Советский Союз, интеллигенция, природные ресурсы, производство знаний

FROM THE “LAND OF EXILE” TO THE “LAND OF THE FUTURE”: SOCIAL AND ECONOMIC TRANSFORMATION OF YAKUTIA IN POST-IMPERIAL RUSSIA, 1894-1930

Korobeinikov Aleksandr Sergeevich,
Intern-researcher

Department of History of the Central European University in Budapest and Vienna,
aleksandrkorobeinikov.spb@gmail.com

---

*Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Наследие Севера: ментальные, культурные и интеллектуальные практики освоения. Опыт столетий (междисциплинарное исследование)».

Abstract: The article reconstructs a complex and diverse picture (post)imperial Yakutia, its various roles in the administrative, social, and economic hierarchy of power. It is aimed at finding out how various subjects in the center and on the ground assumed the creation of a post-imperial regional space. Based on the analysis of a large range of published, as well as archival documents, the author explores the symbolic aspects of Yakutia's transformation from the "land of exile" to the "land of the future". The formation of the YASSR influenced the change in the symbolic roles played by the Yakut region until 1917, providing the local intelligentsia with the right to control the internal politics of the region. The status and role of the frozen "land of exile" were quickly replaced by an economically based model of the "land of the future". However, the symbolic completion of the post-imperial transformation of Russia, marked by the so-called "great break", was reflected not only in the physical disposal of the local intelligentsia but also in a new change in socio-economic policy in Yakutia. Focusing on the topics of the geographical and geological development of Yakutia, the imagination of the post-imperial order, as well as the economic and spatial transformations of the region, the article seeks to contribute to a better understanding of the post-imperial history of Russia, as well as to the comparative study of nationalism, regionalism, and spatial dimensions of political practice.

Keywords: Yakutia, Russian Empire, post-imperial order, Soviet Union, intelligentsia, natural resources, knowledge production

В силу своей сложности и разнообразия Российская империя требует регионального анализа. Отдельные регионы с отличительными характеристиками (например, время их вхождения в состав империи, географические, природные и климатические факторы, удаленность от центра империи, этнический и конфессиональный состав, уровень социально-экономического развития, иностранные влияния) представляли различные варианты имперских процессов [10, с. 425]. Междисциплинарный подход к изучению территориальной организации общества предполагает взаимодействие исторических (временных) и географических (пространственных) аспектов, рассматриваемых через комплексное исследование временной динамики эволюции и трансформации империи.

Имперский поворот в современной историографии внес значительный вклад в понимание роли и функционирования различных дискурсов и проектов, групп и регионов вне политических центров (Санкт-Петербурга и Москвы), которые, тем не менее, были тесно с ними связаны [5]. Однако нередко исследователи остаются уверенными в том, что «выбранные ими границы региона «естественны», а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения» [20, с. 16]. В этой связи возможности, предоставляемые пространственным поворотом и подходом новой имперской истории, позволяют проанализировать не только историю географической и символической трансформации определенной территории, связанной с изучаемыми регионами, но и темпоральное измерение данных трансформаций. Как отмечает Ник Бэрн, пространственный поворот больше не позволяет «принимать пространство как должное» [4, с. 381]. Хотя материальность ландшафта, окружающей среды и геологическое наследие реальны, места и пространства производятся во время человеческого взаимодействия с ними и *воссоздаются* путем их анализа и описания.

Синтез новой имперской и новой пространственной истории может дать более ясное представление о том, как конструировалось пространство с точки зрения исторических повествований и культурного производства. Пространство в России предопределило мобильность и распространение имперских и глобальных дискурсов, но также и медленные коммуникации между различными частями этого пространства, недостаточную инфраструктуру и медленные исторические изменения. Географический охват России можно рассматривать как препятствие на пути к модернизации, а также как вечный ресурс для промышленного, экономического и технологического прогресса. Объединяя исследовательские оптики новой имперской истории с ее провозглашенным принципом изучения разнообразия и новой пространственной истории, я рассматриваю комплексную историю постимперской трансформации Якутии, прослеживая, как различные интеллектуальные, научные и политические акторы как в центре, так и на местах описывали, изучали и воображали данный регион, его современное состояние и будущее социальное и экономическое развитие.

В данном случае меня интересует то, каким образом конструировалось и трансформировалось «якутское» пространство, какую роль играло пространство империи и географическое расположение Якутской области и ЯАССР, а также как различные научные, интеллектуальные и властные акторы, взаимодействуя друг с другом, формировали знания о регионе и новые символические, экономические и социальные представления о нем.

Анализируя документы имперских российских и раннесоветских центральных органов власти, отчеты и записки экспертов (географов, этнографов и геологов), а также интеллектуальное наследие местной якутской интеллигенции (первого и второго поколений), я реконструирую сложную и разнообразную картину Якутии, ее различные роли в административной и символической иерархии власти, а также исследую символические аспекты превращения Якутии из «страны изгнания» в «страну будущего». Свое внимание я фокусирую на следующих исследовательских вопросах: Какие символические и пространственные роли играла Якутия в позднеимперской и раннесоветской России? Как воспринималось пространство данного региона в центре и на местах? Почему в Якутии возникли идеи и проекты по национальному и экономическому переустройству? Кто являлся инициатором данных преобразований? Эти и многие другие вопросы помогут мне проследить своеобразие имперской ситуации в Якутии, а также продемонстрировать более глубокое понимание постимперской субъектности якутских акторов и раннесоветской экономической и социальной политики в региональном измерении.

***

На ментальной карте европейцев Якутия присутствовала как северо-восточная часть Сибири – одного из самых противоречивых пространств Российской империи. Противоречие заключалась в двойственной роли, уготовленной для данного региона: с одной стороны, огромная территория с большим потенциалом для промышленного освоения, с другой – колониальная территория, использовавшаяся как «свалка для ссылки» [3, с. 14]. В целом Сибирь рассматривалась некоторыми участниками властных отношений в качестве «переходной формы», которая после соответствующих реформ должна была привести к «той стабильной административной структуре, типичной для провинций Европейской России, которая обеспечивает свободу и развитие в рамках региональных интересов и поддерживает объединение в руках центральных институтов»¹. Иными словами, статус Сибири и ее регионов должен был быть изменен от колониального к «родному» [12, с. 170].

Несмотря на свою отдаленность и обширность, территория Якутии нередко выступала в качестве региона для научного изучения. Начиная с Великой северной экспедиции середины XVIII века и вплоть до начала XX века, Якутская область играла важную роль в производстве знаний для Российской империи [26]. Совпавшее со временем развития социальных и естественных наук – физической географии, геологии, картографии, этнографии и статистики – требование «научного завоевания» территорий Сибири и ее населения являлось важным элементом в имперской географии власти [24]. Научные экспедиции и специальные исследовательские программы, организованные по инициативе или под контролем центральной или местной администрации, должны были определить экономический потенциал регионов Сибири (орографию, гидрографию, геологию, климат, почвы, флору и фауну), проследить ход экономической ассимиляции и перспективы сельскохозяйственной и промышленной колонизации, а также разработать стратегию административного контроля в отношении коренных народов с учетом их социокультурных особенностей.

Хотя научные итоги экспедиций указывали на важность территории Якутии для производства знаний, ввиду отсутствия транспортных путей и нерелевантности региона для международной политики на протяжении XIX века для Якутской области была уготовлена роль места массовой штрафной и политической ссылки – «страны изгнания» для десятков тысяч людей [3]. Несмотря на то, что система ссылки постоянно менялась, в широком смысле она воспринималась как практический способ перемещения и колонизации, основанный на праве на легитимное насилие и наказа-

---

¹ Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). ф. 1283, оп. 60, д. 47, л. 166.

ние. Из-за изоляции и нечеловеческих условий пребывания в сибирской ссылке поэты и писатели часто представляли ее как место неизбежности для непокоренных судеб, что породило один из самых устойчивых мифов в российской культуре [6, с. 58].

Необходимость заселения огромной территории за уральскими горами и ее дальнейшего «слияния» с центральной частью позволяла Российской империи ссылать тысячи людей даже без подтверждения их противоправных действий. В сочетании с выживанием в «несвободном» открытом пространстве, удаленном от естественной социокультурной среды, это вызывало большой страх и опасения как у политических деятелей, так и у криминальных элементов. Но, как подчеркивает Эдвард Саид в своем эссе, ссылка, несмотря на травматический опыт, позволяет человеку заново открыть свое «я» [11, с. 188]. По воспоминаниям Емельяна Ярославского, якутская ссылка, с одной стороны, «отличалась особенностями, которые определялись ее отдаленностью, оторванностью, ее несколько особым составом и, наконец, условиями жизни в Якутске, значительно отличавшимися от условий жизни в ряде других мест ссылки». Однако, с другой стороны, ссылные «не были почти ничем ограничены и даже имели возможность для заработка довольно свободно передвигаться по области, участвовать в разного рода исследовательских, геологических, лесных и других экспедициях, заниматься педагогической деятельностью в качестве репетиторов» [27, с. 5–6]. Другими словами, некоторые из сосланных в «страну изгнания» имели возможность изменить свою судьбу, получив новые социальные и профессиональные позиции в сибирской или региональной иерархии власти.

Негласный статус «страны изгнания» стал причиной для недовольства и беспокойства среди якутских губернаторов. Парадоксальным образом, точно также как и для ссылных, для назначенцев из Петербурга управление Якутской областью было опытом пребывания в «ледяной стране изгнания». В этом отношении, губернаторы нередко шли на контакт с политическими ссылными, обсуждая с ними вопросы устройства региона и текущие бытовые проблемы. К примеру, Иван Иванович Крафт выражал озабоченность в вопросах экономического и социального обустройства ссылных, одновременно лоббируя вопрос о прекращении или хотя бы снижении количества криминальных ссылных в Якутскую область ввиду их негативного влияния на местных жителей [22, с. 10]. Другой губернатор – Рудольф фон Витте – высказывал недовольство «заброшенностью» и «отсталостью» области не только в экономическом и административном отношении, но и в делах научного исследования территории. По его мнению, «одно из самых видных мест в экономическом развитии края могла бы занять горная промышленность, но отсутствие путей сообщения и занимаемым обособленное положение совершенно парализуют какую бы то ни было деятельность в этом отношении. Между тем, несмотря на необследованность области ископаемые богатства ее намечаются сами собой»¹. В своих отчетах якутские губернаторы подчеркивали необходимость реформ управления огромнейшей областью империи, а также перспективность изучения территорий на предмет добычи природных ресурсов.

Вопросы государственного научного изучения территории Якутии были осложнены ввиду практической полной транспортной изоляции и отсутствия прямого железнодорожного сообщения. Поэтому не случайно по инициативе золотопромышленника и мецената Иннокентия Сибирякова в 1894–1896 годах была организована знаменитая якутская Сибиряковская экспедиция. Несмотря на то, что основной целью экспедиции было исследование влияния золотопромышленности на местное население, негласной задачей был также поиск новых месторождений золота [7, с. 285]. К концу XIX века в связи с развитием наук о земле возможности геологического анализа стали расширяться. Якутская область к тому времени была абсолютно белым пятном на карте империи с точки зрения геологического изучения. Однако довольно часто старатели сообщали о присутствии золота вдоль рек, расположенных на юге региона. Поэтому интерес к обнаружению золотых приисков был не только у имперских экспертов-геологов из Геологического Комитета, но и у частных золотопромышленников.

---

¹ РГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 459, л. 4.

Данная экспедиция представляла собой отличный пример общесибирского научного и общественного события. В состав экспедиции входили преимущественно политические ссыльные, обратившиеся к этнографии и статистике. Часть из них, включая Йохельсона, Пекарского, Майнова, руководителя экспедиции Клеменца, стали впоследствии видными научными деятелями не только в позднеимперской, но в том числе и раннесоветской России [19, с. 519]. К организации экспедиции были также приглашены представители сибирского областничества в лице Потанина и Адрианова, оба не смогли принять участие по разным причинам. Однако в качестве практического пособия были использованы этнографические программы, разработанные областниками. Помимо этого, в качестве проводников локального знания в экспедиции участвовали местные якутские представители, один из которых – Василий Васильевич Никифоров-Кюлюмнюр – стал лидером первого поколения якутской интеллигенции [16, с. 25]. Участвуя в экспедиции, местные якуты приобретали научное представление о структуре экономической жизни, демографическом положении Якутской области, вовлекались в современные имперские дискурсы (включая дискурсы областничества), которые помогали будущей якутской интеллигенции выработать язык самоописания и механизмы общественной деятельности в преддверии революционных событий 1905–1907 годов. Важно отметить, что благодаря участию в экспедиции, интеллектуалы стали воображать границы *национального* в Якутской области [2]. Через непосредственное взаимодействие с местным населением, а также посредством статистического анализа, поиска и коллекционирования предметов, представлявших археологическое значение, якутские акторы предприняли попытки национализировать пространство Якутской области, подчеркивая статус Якутии в качестве «нашего дома» в противовес России – остальной части империи.

Помимо многочисленных академических результатов Сибиряковской экспедиции, важным итогом данного события стало привлечение широкого научного и общественного внимания к территории Якутской области. О возможностях, которые таит в себе территория региона, узнали не только в Сибири, но и в Петербурге. Не случайно несколько геологических экспедиций было направлено в Якутскую область в самом начале XX века. Имперские эксперты-геологи признавали значимость территории Якутии в геологическом отношении, а также предрекали большое будущее для промышленного освоения данной территории¹. Большое внимание геологов привлекал анализ южных районов региона на предмет золотоносности. Несмотря на то, что практически все эксперты-геологи были уверены в реальной возможности открытия золотых приисков, географические, транспортные и экономические условия империи в преддверии Первой мировой войны не давали реальных возможностей для разведки и развития золотопромышленной индустрии в Якутии.

Сформировавшееся после революционных событий 1905–1907 годов первое поколение якутской интеллигенции состояло из представителей богатых якутских семей. Многие из них, включая Василия Никифорова-Кюлюмнюра, Гавриила Ксенофонтова, Семена Новгородова, получили прекрасное образование в разных уголках империи [8, с. 30]. Интеллигенты были нацелены на внутрирегиональную просветительскую деятельность, направленную на постепенное вовлечение местного населения в трансформировавшееся правовое и социальное пространство империи. Основным же требованием якутских и других сибирских акторов стало требование учреждения земского самоуправления в Сибири. Для якутской интеллигенции это был не только шаг к будущему автономному устройству области, но и возможность трансформировать представления о Якутии как внутри сибирского «лагеря», так и в потенциальном (пост)имперском пространстве в целом [21]. Уверенность якутской интеллигенции в возможностях будущего развития Якутии придавали сообщения о разведке месторождений золота, а также отчеты Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), указывавшие на перспективность промышленного освоения данной территории [18].

Во время и после революционных преобразований 1917 года дискуссии о реконфигурации территории постимперской России зачастую касались национального самоопределения и спосо-

¹ РГИА. ф. 391, оп. 3, д. 1722, л. 11.

бов учреждения автономий. Однако нередко вопросы о природных ресурсах поднимались во время обсуждений. К примеру, на сибирских съездах в Томске в 1917 году рассматривались темы использования лесных ресурсов, а в Якутске на заседаниях Якутского Комитета Общественной Безопасности помимо использования леса говорили также и о пушнине как о ценном источнике дохода¹. О промышленном освоении золотых ресурсов говорили вскользь из-за отсутствия знаний и научной экспертизы.

Раннесоветский государственный проект, в том числе, предусматривал расширение знаний о естественных производительных силах, поэтому КЕПС и другие научные институты РАН получили возможность проводить исследования, связанные с ресурсами. В первые годы советской власти территория Якутии не обозначалась в качестве ресурсоориентированной. Более того, вплоть до 1924 года Москва не обладала точной информацией о способах социально-экономического развития Якутской Автономной Советской Социалистической Республики. Однако это не означало, что якутские акторы – представители второго поколения якутской интеллигенции (Максим Аммосов, Платон Ойунский, Исидор Барахов) – не имели представлений о путях индустриализации региона.

Создание Якутской автономии в 1922 году впервые предоставило возможности для якутских акторов предлагать проекты по реформированию жизни в отдаленной окраине независимо от решений столицы. Большим подспорьем для разработки идей о будущем промышленном и социально-экономическом развитии Якутии стало открытие Алданских золотых приисков в 1923 году [25, с. 48–53]. Аммосов и другие якутские деятели в своих выступлениях и публикациях незамедлительно стали подчеркивать ключевое значение золотопромышленности для будущего Якутии. Основываясь на предварительных данных о возможной добычи золота, они формировали проекты по будущему индустриальному, транспортному и социальному развитию республики [23, с. 10].

Язык золота быстро вошел в риторiku якутского правительства. Ни одна публикация, посвященная жизни раннесоветской Якутии, не обходилась без упоминания золотых приисков и важности золота для становления новой индустриальной республики. Не случайно Аммосов все чаще стал выделять якутскую республику в качестве основного будущего золотодобывающего региона для Советского Союза [14]. Золото, по мнению якутских акторов, являлось не только способом развития индустрии в Якутии, но также и «основным языком, на котором можно говорить на международном рынке». Тем самым якутские деятели подчеркивали трансформацию образа и роли Якутии из «страны изгнания» в Российской империи в «страну будущего» в раннем Советском Союзе.

Однако основной проблемой для раннесоветских акторов в вопросе «воображения» будущего экономического и социального порядка в Якутии оставался недостаток знаний о территории и ее природных ресурсах. Именно поэтому с 1925 по 1930 год на территории республики была организована Комплексная экспедиция АН СССР по изучению естественных производительных сил Якутии [17]. Инициатива организации экспедиции принадлежит Максиму Аммосову, который, благодаря персональным связям и знакомствам в центре, обратился к Сергею Федоровичу Ольденбургу для привлечения Академии наук и КЕПС в процессы изучения Якутии. Данная экспедиция являлась наследием Сибиряковской экспедиции – некоторые ее участники были и в составе Комплексной экспедиции. Главное отличие между двумя научными событиями состояло в целях и задачах – Аммосов настаивал на обширности, комплексности исследовательских работ, чтобы как можно лучше понять, какие сферы, в частности, промышленной добычи природных ресурсов, являются наиболее перспективными для экономического развития республики [13]. Негласным девизом экспедиции стала фраза Аммосова «Якутия должна познать себя», что придавало акторности не только для Якутии в целом, но и для якутских интеллигентов в частности. По мнению якутского деятеля, знания, которые предоставляла экспедиция и их последующее

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 100–105.

применение, могли помочь республике прочно войти в состав основных индустриальных районов всего СССР.

В 1927 году Якутский Центральный Исполнительный Комитет опубликовал план развития республики на 15 лет, в котором ключевыми были вопросы развития золотопромышленности, роста дорожных покрытий, строительство железной дороги, увеличение коммуникативных каналов, а также создание прочной социальной базы для формирования жизни в условиях климата Якутии [15]. Несмотря на оптимистическую риторику якутских акторов и направленность в будущее, существовал ряд проблем, которые не позволяли реализовать намеченные идеи и проекты в перспективе ближайших лет. В первую очередь речь шла об отдаленности республики от основных международных и транспортных систем, также бюджет, выделяемый якутской республике, не мог обеспечить и десятой доли намеченных планов ввиду огромного размера Якутии. Одной из основных проблем данного региона на долгое время оставалась транспортная недоступность и отсутствие прямого железнодорожного сообщения, которые не давали Якутии возможности быстрого индустриального развития.

Объявленный в 1929 году «великий перелом» и курс на усиленную индустриализацию и коллективизацию, сопровождаемые кадровыми изменениями на местах, привели к изменению траектории развития Якутии [1]. Идеи и проекты якутских акторов по широкому индустриальному, социальному и экономическому развитию региона были заменены на более точечную, завязанную на природных ресурсах, политику, проводимую уже другими деятелями. К примеру, Максим Аммосов был выслан в Киргизскую Республику, что, как пишет Терри Мартин, было принятой политикой перестановки и замены кадров на более лояльных в конце 1920-х годов [9]. Другие лидеры якутской интеллигенции и первого и второго поколений были или арестованы, или отстранены от занимаемых административных и общественных позиций.

***

В итоге, идеи и проекты, разрабатываемые якутскими деятелями, остались нереализованными. Пример Якутии, с одной стороны, репрезентирует общие, схожие тенденции, происходившие со многими национальными окраинами/республиками в постимперской России. С другой, отдаленность, обширность и богатство территории Якутии создавали условия, при которых локальные акторы действовали практически автономно, принимая решения, отталкиваясь от доступных ресурсов внутри региона.

Сам регион претерпел большие изменения как с точки зрения его символического, политического и административного восприятия, так и с точки зрения широкого научного освоения. Если в конце XIX века Якутская область представляла собой «страну изгнания» – место для ссылки тысяч криминальных и политических осужденных, то уже во втором десятилетии XX века, благодаря усилиям якутских интеллигентов и ученых, Якутия превратилась в «страну будущего». В течение данной трансформации Якутия также приобретала новые символические роли и статусы, большую роль в которых сыграли циркулировавшие глобально дискурсы национализма, самоуправления и автономизма. Таким образом, территория, некогда считавшаяся «нежелательным» местом, стала одной из ключевых для развития экономических проектов не только для якутов, но и для Советского Союза в целом.

Список литературы:

1. 1929: «Великий перелом» и его последствия: Материалы XII международной научной конференции. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. / ред. А.К. Сорокин. – Москва: РОССПЭН, 2020. – 823 с.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London and New York: Verso, 1991. – 224 p.
3. Badcock S. A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 214 p.

4. Baron N. New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 2007. Vol. 55. – № 3. – P. 374–400.
5. David-Fox M., Holquist P., Martin A. The Imperial Turn // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2006. Vol. 7. – № 4. – P. 705–712.
6. Diment G. Exiled from Siberia: The Construction of Siberian Experience by Early-Nineteenth-Century Irkutsk Writers // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture* / ed. Galya Diment, Yuri Slezkine. – New York: Palgrave Macmillan, 1993. – P. 47–65.
7. Glebov S. Siberian Ruptures: Dilemmas of Ethnography in an Imperial Situation // *An Empire of Others: Creating Ethnographic Knowledge in Imperial Russia and the USSR* / ed. Roland Cvetkovski. – Budapest-New York: CEU Press, 2014. – P. 281–310.
8. Korobeinikov A., Antonov E. Toward a Postimperial Order? The Sakha Intellectuals and the Revolutionary Transformations in Late Imperial Russia, 1905–1917 // *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. – 2021. – Vol. 20. – № 4. – P. 27–59.
9. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca: Cornell University Press, 2001. – 528 p.
10. Remnev A. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / ed. Jane Burbank, Mark von Hagen, Anatoly Remnev. – Bloomington: Indiana University Press, 2007. – P. 425–454.
11. Said E. Reflections on Exile and Other Essays. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – 617 p.
12. Weiss C. Representing the Empire: The Meaning of Siberia for Russian Imperial Identity // *Nationalities Paper*. – 2007. Vol. 35. – № 3. – P. 439–456.
13. Аммосов М.К. Академия наук и Якутия // *Автономная Якутия*. – 1925. – 9 сент.
14. Аммосов М.К. Очередные задачи хозяйственной политики на окраинах // *Правда*. – 1924. – 2 февр.
15. Генеральный план реконструкции народного хозяйства Якутской АССР Республики на ближайшие 10–15 лет. – Якутск: Издание Госплана ЯАССР, 1927. – 248 с.
16. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. — 1917 г.). – Новосибирск: Наука, 2002. – 240 с.
17. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: Развитие науки в Якутии. – Новосибирск: Наука, 2001. – 162 с.
18. Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 181 с.
19. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: опыт интеллектуальной биографии. – Москва: РОССПЭН, 2017. – 695 с.
20. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
21. Новгородов С. Основные задачи якутской интеллигенции // *Якутские вопросы*. – 1916. – 10 сент.
22. Отчет якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907–1908 гг.). – Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1908. – 116 с.
23. К экономическим вопросам Якутии. – Якутск: Госиздат, 1924. – 34 с.
24. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской географии власти (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. – 2000. – № 3–4. – С. 343–358.
25. Хатылаев М.М. Золотопромышленность Якутии (1923–1937). – Якутск: Кн. изд-во, 1972. – 220 с.
26. Ширина Д.А. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. – Новосибирск: Наука, 1994. – 269 с.
27. Ярославский Е.М. Накануне Февральской революции в Якутске // *Ссылные большевики о Якутии: воспоминания, письма*. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – С. 5–16.

РУССКИЕ В УСТЬЕ РЕКИ ИНДИГИРКИ: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ОБУСТРОЙСТВУ МЕЩАНСКОГО ОБЩЕСТВА В XIX В.

Никитина Саргылана Егоровна,
к.и.н., научный сотрудник отдела истории
и арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
sarg_nik.ykt@mail.ru

Аннотация. В соответствии со сложившейся исторической традицией хозяйственной колонизации Ленского края известно, что в устье р. Индигирки анклав русского населения начал свое формирование с XVII в. В XIX в. в устье р. Индигирки имели место зимовья с летними рыболовными участками, обозначенные на административной карте под одним селением Русское Устье. Историческая литература темы содержит общую информацию, что жители Русского Устья представляли зашиверское, позднее верхоянское мещанское общество. Выявленные архивные документы коммуникативных практик мещанского общества Русского Устья позволяют дополнить исторические знания о русских старожилах Арктики повседневным социокультурным материалом по административно-территориальной истории побережья Северного моря в устье реки Индигирки. Административное обустройство мещанского общества в Арктике носило достаточно острый сложный характер. Изучение вопроса вносит важный вклад в развитие истории управления регионом. Интерес представляет, как имперская власть признала заслуги русского анклава и защитила равные права русских старожилов по традиционному природопользованию с окружающим миром коренного местного населения.

Ключевые слова: Якутия, Русское Устье, коммуникации, русское население.

RUSSIANS AT THE MOUTH OF THE RIVER INDIGIRKA: COMMUNICATIVE PRACTICES ON THE ADMINISTRATIVE EQUIPMENT OF THE MESHCHAN'S SOCIETY IN THE XIX CENTURY

Nikitina Sargylana Egorovna
Candidate of Historical Sciences, Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for
Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
sarg_nik.ykt@mail.ru

Abstract. In accordance with the established historical tradition of economic colonization of the Lena Territory, it is known that at the mouth of the river Indigirka enclave of Russian old-timers began its formation in the 17th century. In the 19th century, several winter residences with summer fishing dwellings were located at the mouth of the Indigirka River, on the administrative map they are indicated under one village, Russkoye Ustye. The historical literature of the topic contains general information that the inhabitants of the Russian Ustye represented the Zashiversky, later Verkhoyansk meshchanskoye society. The revealed archival documents of the communicative practices of the meshchanskoye society of the Russian Ustye make it possible to supplement the historical knowledge about the Russian old-timers of the Arctic with everyday socio-cultural material on the administrative-territorial history of the North Sea coast at the mouth of the Indigirka River. The administrative arrangement of the meshchanskoye society in the Arctic was rather acute and complex. The study of the issue makes an important contribution to the development of the history of the region's governance. It is interesting how the imperial government recognized the merits of the Russian enclave

and defended the equal rights of Russian old-timers to traditional nature management as the surrounding world of the indigenous local population.

Keywords: Yakutia, Russian Ust'e, communications, Russian population.

Историографическое состояние изучения русского населения в устье р. Индигирки в XIX в. показало высокую актуальность предлагаемой темы исследования, так как в якутской исторической науке отсутствует специальное исследование истории административного регулирования обустройства русских старожилов на арктическом побережье Якутии. Методика изучения социальной истории русских арктических старожилов в XIX в. основана на комплексном междисциплинарном подходе на стыке социальной антропологии и истории. В исследовании использованы историко-сравнительный и историко-сопоставительный методы.

В изучаемый период Якутская область входила в состав Иркутской губернии Восточно-Сибирского губернаторства. В исторической литературе русское население сибирских окраин принято разделять на две большие группы: старожилы и переселенцы. В статье М.А. Жигуновой дано наиболее полное понимание исторически сложившегося анклава русских в далеких провинциях империи: «Среди современных исследователей нет общепринятой временной границы, отделяющей сибирских старожилов от российских переселенцев. Если в ранних работах старожилами считали «первых поселенщиков» конца XVI–XVIII вв., то позднее верхняя хронологическая рамка начала смещаться до второй половины XIX в. – времени массовых переселений в Сибирь. По мере проживания в Сибири бывшие переселенцы постепенно начинали осознавать себя старожилами» [6, с. 77].

Американский исследователь Шон Поллок, сформулировавший концепцию «империя по приглашению», в изучении истории взаимодействия метрополии с провинциями особо выделяет, что коммуникативные практики следует рассматривать исключительно в их многообразии. «Это особенно важно в контексте понимания колониализма как системы политического контроля, наложенной одним обществом на другим» [14, с. 6]. Реконструкция методов управления, оценка эффективности управления органами имперской власти в регионах возможны в плоскости анализа коммуникативных практик.

Научный интерес к изучению коммуникативных практик стал специальной темой научной статьи В.С. Мирзеханова и М.В. Ковалева, ими было отмечено: «Освоение имперского пространства, развитие аппарата управления неминуемо ставило вопрос о коммуникативных практиках, иначе говоря, о способах взаимодействия с местным населением... Характер этих взаимоотношений нам видится гораздо сложнее, в обилии коммуникативных практик: сотрудничество, взаимодействие, использование имперских ресурсов в местных интересах» [9, с. 419]. Авторы считают, что «аундаментальная дилемма, которая постоянно возникала перед российскими и европейскими администраторами при управлении окраинами, выражалась в колебании между двумя стратегиями: возрастающей бюрократической рационализацией управления и (временным) приспособлением к традиционной структуре местного общества. В более общих категориях это сводилось к альтернативе между сильным преобразовательным импульсом, происходившим из самовосприятия имперских элит как агентов цивилизации, порядка и прогресса (укорененным, в свою очередь, в просвещенческой концепции «хорошего правления»), и более консервативным, постепенным подходом, предпочитающим нахождение компромисса с местными элитами и подчеркивающим темы традиции, общественной иерархии и «исторических прав» [9, с. 420].

На наш взгляд, изучение архивных источников коммуникаций местного населения с органами управления наполняет наши знания об изучаемых исторических процессах внутренним содержанием информации о повседневности взаимодействий местного населения с имперской властью не только в правовой сфере, финансовой политике, но и в повседневных заботах о благополучии региона и решении насущных задач управления краем.

Историческая традиция хозяйственной колонизации Ленского края отводит формирование анклава русского населения в устье р. Индигирки к первой половине XVII в. [11, с. 62]. Согласно

письменным источникам в 1642 году на р. Индигирке уже 142 человека (устюжане, вятичи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы) [5, с. 72] и в 1647 году на р. Колыме 396 промышленных людей уплатили оброк (налог за свой промысел) в казну [2, с. 156].

Как писал о заселении русскими старожилами устья р. Индигирки В.М. Зензинов, пребывавший в Русском Устье в 1912 г.: «До самого моря, живут по трем рукавам ее, которыми Индигирка впадает в океан, и отчасти доходят до р. Алазеи – на востоке 250 в. от Индигирки. Поселков всего насчитывается 30 с 55 „дымами“ (от 1 до 6 „дымов“ в каждом) [7, с. 16]. В XIX в. в устье р. Индигирки имели место зимовья с летними рыболовными участками, обозначенные на административной карте под одним селением Русское Устье. В устье реки Индигирки в XIX–начале XX вв. исследователем А.Г. Чикачевым обозначены следующие места проживания арктических русских: Русское Устье, Стариково, Кузьмичево, Лобазно, Косухино, Станчик, Федоровское и др. [12, с. 13].

Относительно социального статуса арктических русских В.М. Зензинов приводил рассказы русскоустинцев, что на лето 1912 г. «русские образуют верхоянское мещанское общество со своими управой и старостой, живущим в Русском Устье... Сначала предки наши, деды и отцы, имели жительство по р. Индигирке, на местах Уяндин, Ожогин, Шанском и Русском Устье, но с какого позволения вовсе нам неизвестно... потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском poste, тут же земскую избу и молитвенный дом, когда же открылся город Зашиверск, в который не переселяя нас, переименованы мы мещанами того города... Благодаря отдаленности края (от Русского Устья до Якутска нужно считать около 3.000 верст или около полутора месяцев сносной оленьей езды!) верхоянские мещане освобождены от отбывания воинской повинности, и эта милость отрезала последнюю нитку, которая могла связывать этот медвежий уголок с жизнью России [7, с. 23].

Арктические русские старожилы представляли основную часть промышленных людей, осуществивших наряду с крестьянами, так называемую, «стихийную колонизационную экспансию» сибирского пространства. При административных преобразованиях Иркутского наместничества по Указу «О составлении Иркутской губернии из четырех областей» от 6 марта 1783 г. согласно «Учреждению для управления губерний» от 7 ноября 1775 г., когда в Якутской области были образованы Якутский, Олекминский, Оленский (Вилуйский), Жиганский и Зашиверский уезды, центром последнего был определен Зашиверск. Основанный в 1639 г. в качестве зимовья, где в XVII–начале XIX вв. осуществлялся сбор ясака с окружающего населения, в 1721 году Индигирский острог получил название Зашиверска. В 1783 г. Зашиверску, с учетом построенных в нем крепости и церкви, был присвоен статус уездного города и административного центра. Здесь разместились земский исправник и другие учреждения, для общественных интересов были открыты хлебозапасный, соляной магазины и питейное заведение. К горожанам для создания многолюдности административного центра было отнесено все старожильческое русское население берегов реки Индигирки. Несмотря на дальность расстояний от г. Зашиверска оно, хотя и с учетом их занятий зверо- и рыбопромыслами, было отнесено к мещанскому сословию. Поэтому в статистике нашли отражение сведения, что горожане занимались охотой, рыбалкой и даже земледелием. Так мещанское общество арктической территории устья р. Индигирки в административном отношении было включено в городские территории малонаселенных окружных городов, несмотря на отдаление от них в сотни километров, первоначально к г. Зашиверску, после его упразднения к г. Верхоянску, что обусловило особенности их общинного управления.

Известно, что мещанство – основное городское податное сословие в Российской империи берет начало от посадских Московской Руси. Екатерининская «Жалованная грамота городам» – «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», утвержденная 21 апреля 1785 г., определила состав городского населения и регламентировала деятельность органов городского самоуправления. Была оформлена сословная организация горожан, которая положила начало новой сословно-податной системе в городах. Мещане считались отдельным сословием городских жителей, «мещанским обществом». Для причисления в мещане необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей, ремеслом или промыслами, нести с ревизской души поду-

шную подать и исполнять городские общественные службы. Нужно заметить, что при соблюдении этих условий записаться в мещане города мог каждый желающий. А вот лишиться прав мещанина мог только суд или мещанское общество. Выйти из мещан горожанин мог и по собственному желанию, с согласия мещанского общества. Мещане обладали значительными правами (особенно по сравнению с крестьянством), к числу которых относились: право на владение собственностью, право заниматься промыслами, ремеслом и мелкой торговлей, право сословного самоуправления, право на охрану личности и имущества законом [13].

О.В. Меженина в специальном исследовании о мещанстве Западной Сибири подчеркнула такие специфические особенности мещанского сословия Сибири, как отход мещан на промыслы, наличие сельских мещан, занимавшихся огородничеством, скотоводством, пчеловодством и др., а в северных территориях Томской губернии мещане занимались рыболовством, птицеводством и собирательством. Она приходит к заключению, что мещанство Сибири являлось такой социальной группой, которой присущи устойчивые пережитки традиционного общества [8, с. 19–20].

Одной из особенностей сложившегося анклава русских арктических старожилов Якутской области в условиях дальности расстояний, географической изоляции северных территорий, окруженных горной цепью, транспортной доступностью только речным путем, являлось то, что у русских старожилов происходили постоянные контакты с местными юкагирскими, как подчеркивается самими русскоустыинцами, жителями. Заключаемые брачные союзы приводили к растворению юкагирского компонента в русском населении. Уже к середине XVIII века сформировалось смешанное потомство, особая общность, в жизни которой равнозначными доминантами стали русский язык, православие, русский фольклор и свойственные аборигенам края материально-хозяйственный быт рыболовов-охотников, почитание духов-хозяев окружающей природной среды, унаследованные от предков материнского рода жизненные каноны и мифологические представления. Так сложился оригинальный русскоустыинский анклав среди арктических народов, они называли себя «местные русские», «досельные», отличая себя от приезжих «тамосных» русских. Исследователи Русского Устья отмечали в антропологическом портрете русскоустыинцев некоторые монголоидные черты, это разрез глаз, скуластость, черные прямые волосы, редкая растительность на лице, темная кожа, но подчеркивали, что у монголоидов не бывает голубых глаз, довольно часто встречающихся у русскоустыинцев [10, с. 18].

Эпоха Великих реформ внесла преобразования и в жизнь мещанского сословия. В 1863 г. подушная подать с ревизской души у мещан была заменена окладным сбором с каждого члена семьи. Как все горожане, мещане вносили налог с недвижимых имуществ. Также мещане были обязаны платить сословные общественные сборы. Переводом в мещанское сословие занималась казенная палата. В случаях каких-либо затруднений дела такого рода передавались на предварительное рассмотрение губернатору. Однако окончательное решение в таком вопросе оставалось за Министерством финансов и внутренних дел Российской империи. Мещане могли переходить из одного сословия в другое – в купечество или крестьянство, вступать в другое мещанское общество и возвращаться в прежнее состояние после рассмотрения данного вопроса мещанским обществом [1, с. 2, 4].

В данной статье предлагается рассмотреть административную историю русских старожилов Русского Устья во всей ее сложности и остроте. Впервые земельный спор верхоянского мещанского общества русскоустыинцев с якутами упоминается В.Н. Зензиновым [7, с. 21]. Позднее А.Г. Чикачев [12, с. 19], основываясь на информации В.Н. Зензинова, не раскрывая сути конфликта, отмечал, что между русскоустыинцами и якутами была земельная тяжба. Данный сюжет так и перешел в книгу Н.Б. Вахтина, Е.В. Головки, П. Швайтцера [4, с. 38] без особых подробностей. И только обнаруженное дело «Дело о порядке и переселении зашиверских мещан из с. Русское Устье в с. Ожогинск»¹ позволило более детально раскрыть факт обращения трех устьянских якутских родов о «притеснениях, чинимых зашиверскими мещанами Русского Устья» и желаемом ими переселении русских мещан из устья р. Индигирки. Дело, выявленное в фонде

---

¹НА РС (Я), ф. 26-и, оп. 1, д. 424.

Верхоянского окружного исправника, дает полную картину коммуникативной практики по разрешению земельного конфликта.

Коммуникативные траектории выстраивались от приговора мещанского схода, обращенного к верхоянскому земскому (полицейскому с 1868 г.) исправнику, который вел переписку с Якутским областным правлением и обратно. Коммуникативный диалог вылился в более чем семидесятилетнюю переписку. Неоднократно менялись места переселения: Ожогоино, Шанское, мыс Похвальный и др. Мещанское общество оттягивало переселение, которое им было предписано по Указу императора¹, под различными предлогами невозможности и обращались с просьбами к верхоянскому инспектору ходатайствовать перед высшим начальством о защите их интересов, аргументируя тем, что именно они, русские мещане, проживая на берегу «Северного моря» помогали всем российским экспедициям бескорыстным снабжением провизией, проводниками, собаками, нартами, своими знаниями побережья при картографировании арктических территорий. При этом, русские мещане Русского Устья предлагали и другие способы оставления их на прежнем месте жительства, как переход их в крестьянское состояние, если оно может позволить им остаться заниматься традиционными промыслами зверя, птицы и рыбы, что они не городские жители, которых необходимо переселить в административно определяемый город. Ведущий исследователь Арктики, доктор исторических наук С.И. Боякова отметила удивительный факт, непонятный без раскрытия этой длительной административной истории разрешения земельного конфликта по переселению русскоустыинцев на другое место. Исследовательница выявила, что чиновник по особым поручениям Якутского областного правления Г.Л. Майдель писал о жителях Русского Устья: «Вообще люди вполне довольны своим положением, но только они не хотят оставаться мещанами, а желают быть сравнены с плательщиками ясака, на которых совершенно походят образом жизни». По их просьбе Г.Л. Майдель представил соответствующее прошение якутскому губернатору А.Д. Лохвицкому, однако вскоре (1868 г.) сменилось руководство области, а затем и сам Майдель выехал за пределы Якутии, вследствие чего этот вопрос так и остался нерешенным [3, с. 61].

Автор данной статьи, предполагая, что этот земельный спор мог возникнуть как следствие работы Первой ясачной комиссии, очень скрупулезно прочитав полностью все дело, нашла подтверждение своей гипотезе. Удалось обнаружить в отписке трех устьянских инородческих родов, что их старшины еще в XVIII в., «побужденные Первой ясачной комиссией», написали о своем недовольстве «стеснением» и желании выселить из устья Индигирки русских, поскольку своей ловлей русские мещане перекрывают ход рыбы вверх по реке. При этом приговор инородческого схода заключал, что «в настоящее время [1870-е гг. – С.Н.] они не имеют ничего против оставления русского мещанского общества на прежнем месте их жительства». Важно, что императорская власть признала геополитические заслуги русского старожильского населения устья реки Индигирки, вероятно, был учтен их вклад в научное и хозяйственное освоение арктических территорий – по Указу императора Александра II об оставлении на прежнем месте с традиционным природопользованием для своего жизнеобеспечения административно мещанское общество Русское Устье было отнесено к г. Верхоянску, территориально же осталось в устье реки Индигирки.

Коммуникативный диалог по переселению русских мещанского общества из устья р. Индигирки ярко продемонстрировал активный адаптационный ресурс русских старожилов, сумевших выстроить диалоговый дискурс с региональными органами управления и добиться согласия инородческого мира, выступавшего спорной стороной конфликта. Значимым моментом, на наш взгляд, представляется геополитический фактор пребывания, повседневного проживания, освоения русскими старожилами арктических территорий. Их участие в повседневном хозяйственном, трудовом, и, аргументируемое ими – в научном освоении Арктики было признано имперской властью, и это признание определило административно-территориальное закрепление селения Русского Устья и сохранения, в отличие от современного периода, за его жителями их образа жизни и традиционного природопользования.

¹Там же, л. 1.

Список литературы:

1. Абакумова Е.А. Статус мещанина в российском обществе во 2-й половине XIX века. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. Исторические науки и археология. – 2015. – № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-meschanina-v-rossiyskom-obschestve-vo-2-y-polovine-xix-veka> (дата обращения 20.09.2021)
2. Белов М.И. История открытия Северного морского пути. В 4 томах. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. – М.: Морской транспорт, 1956. Т. 1. – 592 с.
3. Боякова С.И. Отечественные исследователи XIX – начала XX вв. о русских жителях низовьев Индигирки. // Русские арктические старожилы Якутии: сборник научных статей; [электронный ресурс] / редакция: С.Е. Никитина (отв. ред.), Е.П. Антонов]. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – С. 58–65. URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/RuskiyearchticheskiyestarozhilyYakutii.pdf> (дата обращения 20.09.2021)
4. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцгер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. – М.: Новое изд-во, 2004. – 294 с.
5. Гурвич И.С. Русские на северо-востоке Сибири в XVII веке // Труды Ин-та этнологии. – Вып. V. – Т.84. – М., 1963. – С. 71–91.
6. Жигунова М.А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // Вестник РУДН, серия История России. – 2013. – № 2. – С. 75–86.
7. Зензинов В.М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Издание второе, испр. и доп. – М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914. – 144 с.
8. Меженина О.В. Мещанство юга Западной Сибири в дореформенный период (последняя четверть XVIII - начало 60-х гг. XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук (07.00.02) / Меженина Ольга Владимировна. – Барнаул, 2005. – 24 с.
9. Мирзеханов В.С., Ковалев М.В. Европейцы и русские в колониях и на имперских окраинах: к вопросу о коммуникативных практиках // Преподаватель XXI век. Исторические науки. – 2016. – № 4. – С. 417–427.
10. Никитина С.Е. Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия): проблемы сохранения уникальной культуры. // Русские арктические старожилы Якутии: сборник научных статей; [электронный ресурс] / редакция: С.Е. Никитина (отв. ред.), Е.П. Антонов]. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – С.16–33. URL: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/RuskiyearchticheskiyestarozhilyYakutii.pdf> (дата обращения 20.09.2021)
11. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII-начало XX вв.). – Якутск: Якутское книжное издательство, 1961. – 496 с.
12. Чикачев А.Г. Русские в Арктике. Полярный вариант культуры. Историко-этнографические очерки. – Новосибирск: «Наука», 2007. – 304 с.
13. Чутчев В.С. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX–начале XX в. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук (07.00.02) / Чутчев Вадим Сергеевич. – Томск, 2005. – 24 с.
14. Pollock, S. Empire by invitation? Russian empire-building in the Caucasus in the reign of Catherine II. PhD., Dept. of History, Harvard University [Text] / S. Pollock. – Cambridge, Mass.: Harvard University, 2006. – 482 p.

ГЕШТАЛЬТ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ АЗИИ

Юрганова Инна Игоревна,
д.и.н., ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви
Института российской истории РАН, г. Москва
inna.yurganova@mail.ru

Аннотация. Современная историческая наука располагает возможностями обращения к различным методам исследования и привлечения достижений других наук. Востребованными являются мультидисциплинарные исследования, в связи с чем представляется актуальным обращение к понятию гештальта, предлагающему целостное восприятие объекта в контексте краткого анализа результатов миссионерской деятельности Русской православной церкви в одной из наиболее отдаленных и наименее освоенных имперских окраин – северо-востоке Азии в период XIX – нач. XX столетий. Установлено, что специфика проживания и ментальность северных этносов обусловили минимальность гештальта вовлеченности в православие и его незавершенность при консервации локальных арктических цивилизаций. Вместе с тем, отстраненность от христианской цивилизационной парадигмы обеспечили сохранность личности и осознания целостности с природной средой этносов северо-востока Азии.

Ключевые слова: гештальт, Русская православная церковь, миссионерская деятельность, христианизация, Чукотка, арктические этносы

GESTALT OF MISSIONARY ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN NORTH-EAST ASIA

Yurganova Inna Igorevna,
Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of the Center
for the History of Religion and the Church of the Institute of Russian History
of the Russian Academy of Sciences, Moscow
inna.yurganova@mail.ru

Abstract. Modern historical science has the ability to turn to various research methods and attract the achievements of other sciences. Multidisciplinary research is in demand, and therefore it seems relevant to appeal to the concept of gestalt, which offers a holistic perception of the object in the context of a brief analysis of the results of the missionary activity of the Russian Orthodox Church in one of the most remote and least developed imperial suburbs - the north-east of the Arctic in the period of the XIX- beginning. XX centuries. It is established that the specifics of the residence and mentality of the northern ethnic groups caused the minimality of the gestalt of involvement in Orthodoxy and its incompleteness during the conservation of local Arctic civilizations. At the same time, the detachment from the Christian civilizational paradigm ensured the preservation of the uniqueness and awareness of the integrity with the natural environment of the ethnic groups of the north-east of the Arctic.

Keywords: gestalt, Russian Orthodox Church, missionary activity, Christianization, Chukotka, Arctic ethnic groups

Современная историческая наука располагает возможностями обращения к различным методам исследования и привлечения достижений других наук. Актуальными и востребованными в настоящее время стали мультидисциплинарные/ синергетические исследования, коррелирующие мно-

говариантные и многофакторные явления и процессы. В связи с этим представляет интерес обращение к понятию гештальта в контексте анализа результатов миссионерской деятельности Русской православной церкви в одной из наиболее отдаленных и наименее освоенных имперских окраин – северо-востоке Азии в период XIX – нач. XX столетий.

Под дефиницией «гештальт» (*gestalt*, нем. – форма, структура, образ) в психологии понимается пространственно-наглядная форма воспринимаемых предметов, т.е. целостное восприятие объекта. Отсутствие подобного восприятия приводит к несоответствию, находящему выражение в противодействии чувств и действий индивида. С 1912 г. выделяется гештальт-психология. Очевидно, что жизнь человека можно представить как цепочку гештальтов как законченных, так и незаконченных. Рассмотрев в качестве объекта миссионерскую практику христианизации арктических этносов, можно выявить несоответствия в её восприятии, а также решение (инсайт) или не решение поставленных миссионерами задач.

На протяжении столетий Русская православная церковь использовала различные методы и способы миссионерской политики. В связи с дальностью и специфичностью восточных арктических территорий здесь не были применимы, практикуемые тобольскими архиереями, методы насильственного крещения и процесс христианизации в целом носил перманентный характер. С середины XVIII столетия начинается качественно новый этап миссионерства в Сибири, характеристиками которого стали массовое крещение, назначение штатных миссионеров (веропроповедников, походных священников) и разработка основных направлений и методики их деятельности, теоретической основой этого стало составленное епископом Иннокентием (Вениаминовым)¹ «Наставление священнику, назначаемого для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру» (1840), рекомендованное Синодом для всех миссий и миссионеров Русской православной церкви. В наставлении, кроме прочего, отмечались важность персональных качеств миссионеров, характерные особенности восприятия христианства местным населением и присутствовали практические советы в общении с язычниками и правила по устройству миссионерских дел. В этот период большая часть населения Восточной Сибири была окрещена и усилия миссионеров направляются к проживающим в труднодоступных местностях. С 1850 г. на северо-востоке империи действовала Чаунская (Чукотская) миссия.

Результатом успешной миссионерской деятельности является постепенная синкретизация местной религиозной архаики и модифицированных элементов той или иной мировой религии. Вслед за этим наступает религиозно-идеологическое оформление объективно сложившейся относительно гомогенной общности. Историческая специфика этносов российской Арктики состоит в том, что они, освоив уникальную природную среду региона, создали специфичную арктическую цивилизацию с характерными для нее самобытностью, системой жизнеобеспечения и своеобразием уклада жизни населения. Целью гештальта является степень осознания человеком целостности и осмысленности жизни. Те же цели, но в христианском контексте, с конечной целью русификации, т.е. осознания северными жителями гражданства Российской империи, являлись приоритетами в миссионерской деятельности Русской православной церкви. Тогда почему результаты миссионерской практики в восточной Арктике к началу XX столетия признавались малоэффективными и иерархами сибирских епархий, и высшей властью империи? [1, с.154–170].

Исторические источники свидетельствуют, что миссионерская деятельность не достигала желаемых результатов по объективным и субъективным причинам². Первые были обусловлены природными условиями, причины субъективные объяснялись, прежде всего, зависимостью Церкви от государства (финансирование, штатное расписание и др.) и цивилизационной локальностью ар-

¹ Митрополит Иннокентий (Вениаминов) (Попов Иван Евсеевич) (1797-1879), член Синода, почетный член Императорского Русского географического общества, миссионер, ученый-лингвист и этнолог, прославлен Русской Православной церковью и Православной церковью в Америке в лике Святителя - Апостола Сибири и Америки.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). ф. 746, оп. 440, д. 1261, 1274.

ктических этносов. Церковь на отдаленных окраинах империи выступала транслятором не только общехристианских, но и государственных ценностей и представители духовенства привносили в повседневность кочующего населения элементы общероссийской ментальности. Согласно Уставу об управлении инородцев (1822 г.) все аборигенное население Сибири было отнесено к особому сословию «инородцев», приравненному к крестьянскому, заняв устойчивое место в социальной структуре Российского государства. Инородцы «владели землями, ими обитаемыми» и обладали свободой вероисповедания.

Эпизодические контакты с представителями христианской ментальности не могли оказать какое-либо существенное влияние на верования и быт северян и в их сознании не сложилось образных понятий и логики христианства. В условиях Арктики человек и окружающая его среда представляли единый гештальт, понятный и привычный для восприятия. В психологии северных народов не возникло и не могло возникнуть целостного образа христианских норм и ценностей как духовной основы привычного для них векового образа жизни. В данном случае действия (крещение, венчание, посещение церковных служб и др.) не совпадали с чувствами, присутствовало непонимание происходящего и осознание этих действий необязательными и чужеродными. В поведенческом модуле чукчей, эвенов, юкагиров и других арктических этносов не сложилось единого восприятия христианской ментальности и, учитывая, что действия и их процессы формируют нарратив памяти, систематизируя факты и события по степени их важности, приверженность к православному веру не стала необходимым элементом жизнедеятельности арктических этносов и передавалась из поколения в поколение только в качестве дополнительного (но не основного и необходимого!) сегмента повседневности. Таким образом, усилия миссионеров не приводили к транскультурации и культурная «непрозрачность» северных этносов, в целом, оставалась закрытой в своей особой сущности, контактируя и взаимодействуя с христианской цивилизацией [2, с. 75].

Первая Всероссийская перепись населения (1896–1897) зафиксировала почти полное вовлечение северных этносов в государственную религию и формально они были причислены к приходским храмам или находились в ведении миссионерских станов [5, с. 2–3]. Тем не менее, в 1898 г. Тобольский епископ Агафангел уведомлял Синод, что хотя в районе действия Сургутской миссии «не было уже язычников инородцев», но «качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечались во всех сибирских епархиях [1, с. 166–167]. В отчетах настоятеля Чукотской миссии отмечается крайне редкое посещение миссии кочующим населением. Поездки миссионеров по территории миссии представляли значительные трудности как финансового характера, так и в связи с невозможностью определения мест кочевий, сложностью поисков переводчиков и дальностью пути. Отчеты станов дают представление об отсутствии систематической коммуникации миссионеров и кочующей паствы¹. К началу XX в. деятельность только одно из станов Чукотской миссии – Эломбальского, можно назвать успешной. Чукотские роды, кочующие на территории стана, ежегодно посещались миссионерами и поэтому их предлагалось передать в ведение приходских причтов, как не требующих миссионерской опеки². Однако, в случае изменения мест кочевий, приходской причт не мог быть уверенным во взаимодействии со своей паствой. Подобные прецеденты имелись, так, после строительства Чаунского храма и образования отдельного прихода (1849), через несколько лет он стал не востребуемым вследствие смены прихожанами мест кочевий.

Епархиальные архиереи, имевшие в составе своих епархий инородческое население, неоднократно обращались с просьбами и ходатайствами о повышении уровня обеспеченности миссий и миссионеров и, в целом, увеличения государственной поддержки миссионерского дела. Данные вопросы являлись предметом обсуждения и вошли в итоговые документы Всероссийских миссионерских съездов (Москва 1887, 1892; Казань 1897; Киев 1908; Херсонская губерния 1917) [4, 6]. В конце 1911 г. при Синоде было образовано «особое совещание», посвященное изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских народов Поволжья, Сибири и Дальнего Вос-

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутии) (НА РС(Я)). ф. 228-и, оп. 1, д. 537.

² НА РС(Я). ф. 228-и, оп. 1, д. 541.

тока, свидетельствующих о массовом отходе из православия крещенных бурят и народов Поволжья¹. Незавершенность православного гештальта отмечалась во всех внутренних миссиях Русской церкви, но Синодом так и не было предпринято кардинальных мер по преобразованию миссионерского дела [3].

Вместе с тем, следует отметить и успехи православной миссии на территории северо-восточной Азии. К началу XX в. отмечалась тенденция присутствия в быту инородцев элементов православия: крестики, иконы, свечи; традиция креститься перед дальней дорогой; уважение к христианской обрядности, были созданы учебные заведения для детей инородцев, выпускники которых впоследствии составили корпус местной национальной интеллигенции. Представители арктических этносов, идентифицируя себя с православием, посещали храмы, крестили детей и отмечали христианские праздники. Присутствовал религиозный синкретизм. Но гештальт вовлечения в православие оставался незакрытым и уникальность ситуации состоит в комплексе факторов, представивших возможности для консервации локальных арктических цивилизаций, их отстраненности от христианской цивилизационной парадигмы и сохранности личности и осознания целостности с природной средой.

Список литературы:

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. Вып. V: Сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Гончарова, В.А. Скубневского. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. – С. 62–70.
2. Иванова А.А., Иванова Л.М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной науке // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 410. – С. 72–76.
3. Кравецкий А.Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). – М.: Наука, 2012. – 712 с.
4. Михалев Д. Миссионерские съезды. URL: <http://www.ubrus.org/newspaper-spas-article/?id=1381> (дата обращения 01.09.2021)
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / ред. Н.А. Тройницкий: Издание Центрального статистического комитета МВД. Т.LXXX. СПб., 1905.
6. Сборник сведений о православных миссиях и деятельности Православного миссионерского общества в 2-х кн. – М., 1872. – 484 с.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_06
УДК 654.19+94(571.56)“192”

НАЧАЛО РАДИОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЯКУТИИ В 1920-е ГГ.

Петрова Валентина Дмитриевна,
соискатель Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
petrova-vd@mail.ru

Аннотация: В статье реконструирована история радиостроительства в Якутии, принявшего планомерный характер после создания Якутской Автономной Советской Социалистической республики в 1922 году. Рассмотрены предпосылки и причины развертывания сети радиостанций в регионе; при этом выявлено, что выбор места и темпы их строительства во многом были обусловлены потребностями и задачами общесоюзной экономики. Отмечено, что обострение политической ситуации в связи с борьбой с повстанчеством в ходе

---

¹ РГИА. ф. 746, оп. 440, д. 1261.

Гражданской войны, а также последующими антисоветскими восстаниями в определённой степени заметно ускорили радиостроительство в регионе. В период НЭПа появилась возможность включения золотоносного Алдана в число промышленных предприятий союзного значения, что стимулировало строительство радиостанции в южной части Якутии. Дальнейшее развитие ширококвещательного радио стало возможным в 1929 году при поддержке государственного технического ведомства Наркомпочтеля РСФСР (затем Наркомат связи СССР), которое монополично решало проблемы начинающегося радиодела на северо-востоке страны и имело право на сооружение сети радиостанций с охватом доступным ширококвещанием самых отдалённых местностей.

Ключевые слова: Якутская АССР, радиостроительство, радиостанция, Народный комиссариат почт и телеграфов СССР (Наркомпочтель).

THE BEGINNING OF RADIO CONSTRUCTION IN YAKUTIA IN THE 1920 S.

Petrova Valentina Dmitrievna,
applicant, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Yakutsk
petrova-vd@mail.ru

Abstract: The article reconstructs the history of radio construction in Yakutia, which became systematic after the creation of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic in 1922. The prerequisites and reasons for the deployment of a network of radio stations in the region are considered; the choice of location and the pace of their construction were largely determined by the needs and objectives of the all-Union economy. It is noted that the aggravation of the political situation in connection with the fight against the insurgency during the Civil War, as well as the subsequent anti-Soviet uprisings, to a certain extent accelerated radio construction in the region. During the NEP period, it became possible to include gold-bearing Aldan in the number of industrial enterprises of union significance, which stimulated the construction of a radio station in the southern part of Yakutia. Further development of broadcast radio became possible in 1929 with the support of the State technical Department of the People's Commissariat of the RSFSR (then the People's Commissariat of Communications of the USSR), which monopolistically solved the problems of the incipient radio channel in the northeast of the country and had the right to build a network of radio stations with coverage of the most remote areas with accessible broadcasting.

Keywords: Yakut ASSR, radio construction, radio station, People's Commissariat of Posts and Telegraphs of the USSR.

Определение роли радиотехнического прогресса в 1920-е гг. на обширной территории страны, где Север имел огромное значение в экономическом и геополитическом отношении, стало целью настоящего исследования, основанного на архивных документах. В указанный период стояли задачи восстановления народного хозяйства и устранения экономического упадка в стране путём расширения промышленного потенциала, а также массового обучения в связи с низким образовательным уровнем населения. При этом радио рассматривалось как составная часть культурной революции, а также как средство идеологического укрепления безопасности геополитических позиций на Северо-Востоке России, граничившего с территориями других государств. В дальнейшем создание устойчивой сети радиосвязи диктовалось производственными запросами: экономическим освоением отдалённых местностей, доставкой грузов и установлением регулярной связи с морскими судами в условиях развития арктических и каботажных плаваний.

В начале 1920-х годов Дальневосточный регион располагал лишь шестью приёмными и приёмопередающими радиостанциями в Чите, Хабаровске и во Владивостоке, которые принадлежали военным ведомствам и для населения не использовались [6, с. 395–396]. Радиостанция во Владивостоке стала первой на Дальнем Востоке (построена на средства общественности 23 декабря 1925 года) и была зарегистрирована седьмой по счёту в СССР. Активисты добровольного общества

«Пролетарское радио» (Пролетрадио) проверили дальность действия станции и качество вещания во время передачи. Слышимость оказалась вполне удовлетворительной не только в городе, но и в районах; даже в поезде Владивосток – Москва, была зафиксирована хорошая слышимость вплоть до Читы. Позднее радиостанция получила извещения об этом из Иркутска и других городов Восточной Сибири и Дальнего Востока [13, с. 108]. Как отмечает А.А. Исаев, «первое радио Приморья слушали в январе 1926 года на улицах Владивостока, в рабочих клубах Уссурийска, Сучана, Артема и Гродекова. А в феврале 1926 года по радио Владивостока прошла первая трансляция голоса из Москвы» [7, с. 102]. В сентябре 1927 г. завершилось строительство государственной радиостанции в Хабаровске, мощность которой покрывала весь Дальний Восток и охватывала часть стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Население края получило возможность принимать регулярные радиопередачи [9, с. 57-61]. Процесс распространения радиодела на территории Восточного Забайкалья длился с 1924 по 1927 гг. и прошел путь от скромных планов радиолюбителей до первых радиопередач. В сентябре 1927 года на Читинской радиостанции установили новый усилитель, позволивший принимать вещание Хабаровской радиостанции без помех. Кроме Читы, такое же широкоэ debate было установлено в Петровском заводе, Верхнеудинске [10, с. 102].

К моменту образования Якутской АССР в апреле 1922 года на ее огромной территории действовали только три маломощные радиостанции. Радиостанция в г. Якутске работала по специальному назначению Реввоенсовета с 1920 по 1924 гг. В 1921 году Якутский губернский отдел связи доставил из г. Омска приемный радиопередатчик в г. Вилюйск¹. В январе 1922 года был произведен ремонт антенны и настройка генератора, а также дополнительная постройка антенны. Этот радиопередатчик работал до 1926 года². Строительство Среднеколымской приёмопередающей радиостанции, начатое в конце 1913 года, затянулось по обстоятельствам военного времени из-за несвоевременного финансирования объекта и приобретения радиооборудования. Начавшаяся Первая Мировая война значительно усложнила строительство радиостанции. Частные радиотехнические фирмы были загружены военными заказами, невозможно было приобрести не только радиотехническое, но и электромеханическое оборудование для Среднеколымской радиостанции. После тщательных переговоров, из Петрограда во Владивосток в мае 1917 года были высланы приборы и оборудование для доставки их на Колыму на пароходе «Ставрополь». Необходимый радиоприемник старой конструкции системы Телефункен был взят из запаса радиостанции в Николаевске-на-Амуре и выслан в Среднеколымск уже зимним путём в последних числах декабря. Таким образом, радиостанция в Средне-Колымске вступила в строй только в 1918 году [5, с. 370–373].

Бездорожье и оторванность Якутии от магистральных путей сообщения, отсутствие оперативной связи создавали трудности в проведении хозяйственной и административной работы. Поэтому одним из приоритетных направлений деятельности нового советского руководства стала ликвидация существовавшей территориально-информационной изолированности, мешавшей освоению обширных пространств республики³. В этой обстановке заведующий Якутским Губернским отделом нарсвязи А.А. Пекарский информировал в апреле 1921 года наркомат почт и телеграфа Сибири (Сибпочтель) в Омске «о принятии решения, [что] необходимо начать строительство Якутской радиостанции летом 1921 года»⁴.

Первая телеграмма из г. Новониколаевска о предполагаемом строительстве радиостанции мощностью 150 кВт в г. Якутске в течение 1922 года поступила 25 октября 1921 года от заместителя уполномоченного Сибпочтеля Барановского⁵. Для обсуждения телеграммы 28 октября 1921 года было созвано заседание Якутского Губревкома, где присутствовали его председатель П. Ойунский, члены С. Аржаков, А. Козлов, Г. Ефимов. На нем был заслушан доклад А. Пекарского о детальном

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)), ф. п-182, оп. 1, д. 56, л. 35; д. 66, л. 9.

² НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 270, л. 88.

³ НА РС (Я). ф. п-2, оп. 1, д. 253, л. 8-9.

⁴ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 180, л. 6, 7.

⁵ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 161, л. 32–32 об.

рассмотрении вопроса с привлечением инженерно-технических сил и созданием рабочей комиссии по окончательному выбору места постройки. Второе заседание состоялось уже 2 ноября, на котором прослушали информацию членов рабочей комиссии в составе заведующего технической частью отдела наркомсвязи С. Дуткина, радиоинструктора Заугольного, инженера-строителя К. Атласова, заведующего Якутской электростанцией А. Федорова, представителя земельного отдела Н. Мухина, обследовавших для предполагаемого строительства местность Кангаласский камень примерно в 30 вёрстах от г. Якутска и в 4 вёрстах от селения Табага¹.

Однако продуктивная работа по подготовке к строительству Якутской радиостанции была прервана развернувшимися боевыми действиями Гражданской войны. В январе 1922 года на территории Якутского округа было объявлено военное положение, продолжавшееся до середины 1923 года. Тем не менее, несмотря на ограничительные меры, 7 февраля 1922 г., в присутствии уполномоченного Сибирского бюро по радиостроительству А.М. Кузьмина, удалось провести организационное совещание по созданию Бюро по сооружению передающей радиостанции в г. Якутске при Губернском ревкоме под председательством П.А. Ойунского². Членами нового бюро были избраны: председатель Якутского Губернского Совета народного хозяйства (далее Совнархоз) Стихарев, заведующий Губернским отделом связи А.А. Пекарский, заведующий электростанцией А.А. Федоров, член Президиума Губернского Совнархоза А.А. Семенов, а также выпускник Томского технологического института, технический инспектор по г. Якутску, инженер-строитель К.П. Атласов³. В конце февраля 1922 года обсудили сметную документацию строительства Якутской приемопередающей радиостанции. Затем сметную документацию отправили в г. Новониколаевск на рассмотрение в Сибирское управление почт и телеграфов.

Однако планирование комплексной радиофикации Якутии стало возможным только с конца апреля 1922 года⁴. В этот план вошли мероприятия по составлению проектов и смет на новые постройки, устройства и эксплуатации радиостанций на территории республики. Следует отметить, что с сентября 1922 г. Якутская АССР, наряду с Иркутской и Енисейской губерниями, и частью Бурят-Монгольской АССР вошла в Восточно-Сибирский округ Наркомата почт и телеграфов РСФСР с центром в г. Иркутске (нач. М.Е. Василевский). В первые месяцы своей работы сотрудники Восточно-сибирского окружного управления собрали сведения о состоянии радиосвязи на местах. Из Якутии не поступило никаких сообщений, и работу по сбору информации приостановили до открытия навигации на реке Лена⁵.

С марта 1922 года не было связи, как телеграфной, так и почтовой. Город Якутск находился в кольце антибольшевистских повстанческих отрядов и имел только телеграфную связь с ближайшей Табагинской почтовой станцией. С открытием навигации и с приходом дополнительных военных сил Красной Армии в течение лета 1922 года советская власть была установлена в Вилюйском и Олекминском округах и низовье Лены. Таким образом, на территории Якутской АССР антисоветский мятеж был в основном подавлен [4]. Начался период восстановления народного хозяйства, подъем экономики. Прибывшая военно-строительная телеграфная рота была брошена на ремонт телеграфной линии в городах Вилюйск, Олёкминск, Якутск⁶. Вопрос о строительстве Якутской радиостанции вновь был отложен: от начальника финансово-организационного Управления Якутской АССР А.А. Семенова 22 июля 1922 года было отправлено ответное письмо Наркому торговли и промышленности страны «о приостановлении строительства радиостанции стоимостью 500 тыс. золотом за счет Якутской республики, что в переживаемых условиях Гражданской войны является делом непосильным для республики. Разрушенное хозяйство требует восстановле-

¹ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 161, л. 10, 14.

² НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 135, л. 32.

³ НА РС (Я). ф. 49, оп. 1, д. 231, л. 38.

⁴ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 282, л. 47.

⁵ НА РС (Я). ф. 52, оп. 1, д. 178, л. 1-13 об.

⁶ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 219, л. 57 об.

ния и в этой обстановке постройка одной из больших в Сибири радиостанции будет уже не необходимостью, каковой она была бы в иное время, а роскошью. А в условиях переживаемого момента, когда нужно будет спасать население от голода, расход на [радио]станцию является ничем не оправдываемым»¹.

Определенные подвижки в деле радиостроительства в республике произошли после выхода в свет Декрета ВЦИК и Совнаркома СССР «О радиостанциях общего пользования, строящихся на местные средства» от 26 марта 1923 года. Срочная необходимость строительства радиостанции на севере Якутской АССР была продиктована соображениями организационно-технического характера. Межведомственный радиотелеграфный комитет обязывал пограничные государства заботиться о строительстве береговых радиостанций для радиосвязи и безопасности смешанного (речного и морского) судоходства [5, с. 94–95]. При этом руководство Якутской АССР решило построить на местные средства радиостанцию в 190 км арктического побережья в селении Булун. В тот период недостаточное финансирование задерживало приобретение нового оборудования, но, тем не менее, установление связи с севером республики стало чрезвычайно необходимым в момент якутских повстанческих восстаний в 1924–1925 гг. и вплоть до конца 1928 г. [2, с. 33].

Президиум Якутского ЦИК в августе 1923 года решил срочно доставить в с. Булун бывший в употреблении радиопередатчик Якутской радиостанции². Представители Якутской почтово-телеграфной конторы и Якутгосторга начали работу по переброске приемного передатчика в с. Булун летом 1924 года. Он заработал в октябре того же года и установил связь с городами Иркутск, Якутск и ближайшими полярными радиостанциями³. Однако к концу летней навигации 1925 года Якутгосторг отказался содержать Булунский радиопередатчик из-за отсутствия запасных частей и больших расходов топлива⁴. Руководство Народного комиссариата почт и телеграфа (Наркомпочтель) СССР и Постоянное представительство Якутской АССР вышли из положения, одобрив строительство коротковолновой приемопередающей радиостанции мощностью 1 кВт со сроком ввода в строй в 1929 году по плану развития электрической сети и радиосвязи в Булунском округе, как экономическом центре Якутии по добыче и сбору пушнины и береговом пункте для связи и безопасного судоходства в Северном Ледовитом океане⁵.

Следующий этап радиостроительства Якутии связан с деятельностью Комиссии Академии наук СССР Якутской республики (далее КЯР) в 1925–1930 годах. Осенью 1927 года в Булунском округе КЯР велись этнографо-экономические, охотничье-промысловые и ихтиологические исследования [3, с. 33]. Также КЯР организовала полярную геофизическую станцию на острове Большой Ляховский Северного Ледовитого океана, которая открылась 21 октября 1928 года. В начале ноября того же года на станции впервые установилась радиосвязь через приемопередающую радиостанцию на коротких и длинных волнах, которую еще в г. Ленинграде изготовил технический консультант КЯР АН СССР по вопросам организации радиосвязи полярных станций и экспедиций, инженер Сергей Илларионович Зилитинкевич (1894–1981 гг.), в будущем доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Ранее, в 1924–1930 гг., он работал в радиолaborатории известного исследователя инженера В.П. Вологодина, разработал ряд передающих радиостанций различного назначения. В 1928 г. в составе правительственной комиссии, как представитель от промышленности, участвовал в выборе мест для строительства радиоцентров в городах Сибири и Дальневосточного края.

Как сообщал в Президиум Академии наук СССР руководитель Ляховской геофизической станции Н.В. Пинегин, радиостанция в Арктике имела связь с ближайшими радиостанциями, находившимися в селении Булун, городах Якутск и Среднеколымск и могла коммуницировать по не-

¹ НА РС (Я). ф. 315, оп. 1, д. 161, л. 50.

² НА РС (Я). ф. 52, оп. 1а, д. 11, л. 12, 33.

³ Российский Государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 3527, оп. 6, д. 178, л. 373.

⁴ НА РС (Я). ф. 52, оп. 1, д. 157, л. 4.

⁵ РГАЭ. ф. 3527, оп. 6, д. 178, л. 395, 398.

обходимости со станциями Диксон, Новый порт, Маточкин Шар. В ответной телеграмме Президиума АН СССР отмечалось: «Радио было встречено общим восторгом. С уверенностью желаем дальнейшей работы на благо науки, Союза и процветания Якутии» [12, с. 120]. Ляховская радиостанция работала весьма успешно и получала от многих станций предложения о дальнейшей связи [1, с. 84].

С постепенным выходом экономики Якутии из кризиса, вызванного Гражданской войной: снижением уровня производства, нарушением хозяйственных и транспортных связей, а также переходом к новой экономической политике (НЭП) появилась возможность включить интенсивно осваивавшееся новое золотоносное месторождение в Южной Якутии в число предприятий союзного значения. Это потребовало срочного приобретения приемопередающего радиоустройства для регулярного обмена производственной информацией на промышленных приисках¹.

К этому времени Нижегородская научно-испытательная лаборатория профессора М.А. Бонч-Бруевича совместно с инженером-радиофизиком В.В. Татариновым начала новые опыты по методу расчета коротковолновых направленных антенн для радиосвязи. Эти технические достижения внедрили в начале 1925 года на магистральных линиях Томмот – Иркутск для организации регулярной радиосвязи Иркутска с Москвой и для запасных выходов на Читу и Хабаровск. Наркомпочтель СССР в середине 1925 г. организовал научно-техническую экспедицию под руководством инженера П.А. Острякова в составе больше десятка инженерно-технических и строительно-монтажных работников для установления радиосвязи в Томмоте и составления плана радиофикации на территории Якутской АССР. В результате работы экспедиции была построена вспомогательная радиостанция мощностью в 10 кВт с антенной, двумя мачтами по 65 м и силовой установкой с дизельным двигателем в 40 л.с. Передатчики работали на коротких волнах при меньших затратах. Руководитель радиолaborатории М.А. Бонч-Бруевич включил результаты работы по установке приемопередающих радиостанций в городах Томске, Иркутске и п. Томмот в отчетный доклад за 1925–1926 гг. [8, с. 131].

Радиостроительство в СССР сопровождалось созданием специальных учреждений по организации этого процесса. Первоначально Наркомпочтель СССР, Российское телеграфное агентство и Трест заводов слабых токов стали учредителями созданного в г. Москве временного акционерного общества «Радио всем». В результате объединения усилий радиовещание охватило центральную часть страны. Планомерно продолжалось радиостроительство в республиках и национальных регионах – в Татарстане, Башкортостане, Карелии [11, с. 188–189]. С декабря 1924 г. прежнее общество передало свои полномочия в АО «Радиопередача», которое в ускоренном темпе устанавливало и эксплуатировало радиостанции и радиоустановки на местах².

Начальный этап планового радиостроительства в дальних регионах в 1924–1925 гг. разработали сотрудники Главного технического управления и отдела радиосооружений при Наркомпочтеле СССР как основного учредителя АО «Радиопередача». В этот план установки приемных радиостанций вошли двадцать два отдаленных населенных пункта северо-восточной части страны, в числе которых был г. Якутск, как распределительный пункт коротковолновых линий³. При этом Сибирский революционный комитет поддержал план Наркомпочтеля о необходимости создания сети вещательных радиостанций, поскольку г. Новониколаевск, как административный центр Сибири и также распределительный пункт коротковолновых линий, нуждался в постоянной радиосвязи с Москвой⁴. Направление Новониколаевск – Якутск в некоторой степени разгружало проводную радиосеть и давало обходный резервный выход по радиомагистрالي: Москва–Новониколаевск–Якутск–Владивосток⁵. Предполагалось, что при строительстве упор будет делаться на отече-

¹ НА РС (Я). ф. 50, оп. 10, д. 55, л. 85.

² РГАЭ, ф. 3527, оп. 6, д. 49, л. 22.

³ РГАЭ, ф. 3527, оп. 6, д. 49, л. 11–26.

⁴ РГАЭ, ф. 3527, оп. 6, д. 49, л. 11–26.

⁵ РГАЭ, ф. 3527, оп. 6, д. 123, л. 13.

ственную радиотехнику с целью устранения разнотипности радиостанций и внедрения стандартных образцов радиопередатчиков, что, в конце концов, позволит освободиться от оборудования иностранных фирм.

7 января 1926 года на совещании при Наркомпочтеле в Москве при участии Якутского Представительства был утвержден план радиостроительства в республике¹. Однако договор о руководстве радиовещанием и эксплуатацией строящейся Якутской радиостанции между Якутской АССР и АО «Радиопередача» был заключен только 27 октября 1927 года. По договору с Государственным электротехническим трестом заводов слабых токов (г. Ленинград), учитывая климатические особенности и экономические трудности Якутии, объекты строительства планировали закончить в 1929 г.² Поскольку в июле 1928 года Совет Труда и Оборона принял новое постановление «О реорганизации радиовещания», согласно которому Акционерное общество «Радиопередача» было ликвидировано, а вопросами радиовещания на территории СССР стал управлять до января 1933 г. ведомственный технический учредитель – Народный комиссариат почт и телеграфов (Наркомпочтель РСФСР), затем Наркомат связи СССР, то руководство строительством Якутской радиостанции перешло к этим органам.

23 октября 1928 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об очередных задачах радиофикации СССР», наметившее новую программу радиостроительства в центре и регионах [11, с. 212–214]. Это постановление в определенной мере также форсировало строительство Якутского радиоцентра. Якутский горисполком выделил место на улице Иркутской для строительства радиоцентра, в котором бы разместились коротковолновая радиостанция и вещательная студия. Тем самым проблема радиосвязи в столице республики была бы решена³. К строительству привлекли радиоинженеров и радиотехников из г. Иркутска, строителей по установке радиооборудования из Треста заводов слабых токов (Ленинград) и для проектно-монтажно-строительных работ из Треста «Электросвязьстрой» (Ленинград)⁴.

Сибирское Управление связи занималось снабжением необходимым радиооборудованием, а торговые организации г. Якутска доставляли установочные радиопринадлежности. Государственный контрольный орган по строительству при Якутском городском исполкоме обследовал качество проведенной работы, после чего выявленные технические неисправности были устранены в период ввода в эксплуатацию объекта в течение 8 месяцев⁵. Представительство Якутской АССР при Президиуме ВЦИК в г. Москве оперативно решало все технические вопросы радиостроительства. Для этого осуществлялся тщательный контроль над поступлением бюджетных средств и отправкой радиооборудования, направлялись на учебу местные кадры, подбирались не достающие в республике квалифицированные работники инженерно-технических и строительных специальностей. Консолидированные усилия позволили осенью 1930 г. принять Якутский радиоцентр к эксплуатации.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в результате политики районирования республики были упразднены округа и образованы районы⁶. Во вновь созданных районных административных единицах, согласно постановлению Совнаркома республики «О развитии радиофикации и радиовещания в Якутской АССР», принятого 20 сентября 1929 года, было проведено радиофицирование⁷. Межведомственное совещание в Якутском радиоузле для улучшения обеспечения электрической энергией действующих радиообъектов в связи с вводом в эксплуатацию комплекса Якутского Радиоцентра и одновременной связи с районными радиостанциями рекомендовало строительство

¹ НА РС(Я), ф. 315, оп. 1, д. 270, л. 83.

² НА РС(Я), ф. 315, оп. 1, д. 276, л. 5.

³ НА РС(Я), ф. 52, оп. 27, д. 4, л. 10–10 об.

⁴ НА РС(Я), ф. 315, оп. 1, д. 276, л. 6.

⁵ НА РС(Я), ф. 52, оп. 7, д. 91, л. 9–10.

⁶ НА РС(Я), ф. 50, оп. 57, д. 3, л. 10.

⁷ НА РС(Я), ф. 52, оп. 6, д. 5, л. 18.

новой Якутской центральной электрической станции (ЯЦЭС)¹. Сооружение ее первой очереди началось в 1929 году, ввод в эксплуатацию состоялся 7 ноября 1937 года². Строительство ЯЦЭС значительно усилило энерговооруженность производственных предприятий Якутской АССР, в том числе ускорило темпы радиостроительства в регионе.

Таким образом, реконструкция начального этапа радиостроительства на обширной территории Якутской АССР в 1920-е гг. позволяет показать, в каких сложных условиях оно происходило. Экстремальный климат, природно-ландшафтные особенности, нестабильная политическая ситуация, экономическая разруха, отсутствие путей сообщения существенно осложняли развитие радиофикации в республике, которая едва ли бы смогла состояться без финансовой, технической и кадровой поддержки Центра. В результате слаженной работы, общими усилиями – Наркомпочтеля СССР и РСФСР, Академии наук СССР, Восточно-Сибирского округа связи, руководства Якутской АССР, местных производственных предприятий и общественных организаций – к концу 1920-х удалось создать сеть радиостанций в регионе, ставшей составной частью системы радиофикации страны.

Список литературы:

1. Антонов Ю.К. От экспедиции к обсерватории (1925–1930 гг.) // Якутский архив. – 2005. – № 1 (16). – С. 78–89.
2. Боякова С.И. Плавание в восточном секторе Арктики в 1920-х – начале 1930-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1 (1). – С. 32–37.
3. Виттенбург Е.П. Комиссия Академии наук по изучению производительных сил Якутской АССР (1925–1930 гг.): организация и методика работы: исторический очерк. – Якутск: Бичик, 2008. – 200 с.
4. Успехи нашей экспедиции // Ленский Коммунар. – 1922. – 27 июля.
5. Глущенко А.А. Место и роль радиосвязи в модернизации России (1900–1917 гг.). – СПб: ВМИРЭ, 2005. – 709 с.
6. Дальний Восток России в эпоху советской модернизации: 1922 г. – начало 1941 г. / под общ. ред. чл.-корр. РАН В. Л. Ларина; отв. ред. Л. И. Галлямова. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 2.). – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 656 с.
7. Исаев А.А. Радио как проводник политико-информационной работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг.: на примере Приморского края // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 4. – С. 100–107.
8. Петрова В.Д. Из истории радиофикации Якутии: Алданская радиостанция // Вестник Томского государственного университета. – Томск. – 2015. – № 399. – С. 129–132.
9. Погарцев В.В. Становление системы радиовещания на Дальнем Востоке РСФСР (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Четвертые Гродековские чтения: Материалы регион. научно-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России» / Под. ред. Н. И. Дубининой. – Хабаровск, 2004. – Ч. 2. – 327 с.
10. Пряженникова М.В. Становление и развитие радиофикации на территории Восточного Забайкалья (1920–1930-е гг.) // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. – 2011. – № 3 (27). – С. 100–104.
11. Псурцев Н.Д. Развитие связи в СССР (1917–1967 гг.). – М.: Связь, 1967. – 480 с.
12. Пути великих свершений. Книга третья. Т. 5. Якутия познает себя [Сост. А. П. Яковец и др.; науч. ред. С.И. Боякова]. – Владивосток: Изд-во Русский остров, 2016. – 228 с.
13. Хисамутдинова Н.В. От «Пролетрадио» к регулярному вещанию // Теория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2016. – №1. – С. 104–112.

¹ НА РС (Я), ф. 52, оп. 9, д. 28, л. 118–119.

² НА РС (Я), ф. 3, оп. 3, д. 1331, л. 21.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Алексеева Любовь Васильевна
д.и.н., профессор,
профессор кафедры истории России и документоведения,
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск
lvalexeeva@mail.ru

Аннотация. В статье на основе современных исследований и архивных источников рассматривается продовольственная ситуация, сложившаяся в одном из регионов Крайнего Севера РСФСР – Ямало-Ненецком национальном округе в годы Великой Отечественной войны. Автором представлен анализ продовольственных ресурсов края, источников питания населения. Основное внимание уделено выявлению доли собственных ресурсов в обеспечении населения округа продовольствием. Автор акцентирует внимание на рассмотрении дискуссионных и малоизученных вопросов, касающихся состояния сельскохозяйственного производства в округе, объемов государственных поставок продуктов питания в рамках северного завоза. Представлен фактический материал о продовольственном снабжении различных категорий населения: коренное (ненцы), старожильческое (преимущественно русские), спецконтингент (бывшие «кулаки», а также депортированные по национальному признаку / административно высланные) и временно проживающие (эвакуированные и спецпереселенцы, завербованные на рыбные промыслы). Автор приходит к выводу, что в зависимости от принадлежности к той или иной группе продовольственное положение существенно отличалось. Установлены различия в снабжении продовольствием различных районов округа. Выявлено, что районы снабжались неравномерно. Отмечается ухудшение продовольственного положения в округе с 1943 г., когда были введены карточки. Автор придерживается вывода, что имевшиеся продовольственные ресурсы и продукты, поступающие в рамках северного завоза, хоть и не могли полностью удовлетворить потребности населения, но обеспечивали необходимый минимум питания.

Ключевые слова: продовольствие, ресурсы, завоз, округ, снабжение, продукты, норма, население, война.

FOOD SITUATION IN THE YAMALO-NENETS REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alekseeva Lubov Vasilievna,
Doctor of Historical Sciences, professor,
professor of the Department for Russian History and Documentation Studies,
Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk
lvalexeeva@mail.ru

Abstract. The article, based on modern research and archival sources, examines the food situation in one of the regions of the Far North of the RSFSR - the Yamalo-Nenets National District during the Great Patriotic War. The author presents an analysis of the food resources of the region and the food sources of the population. The main attention is paid to the identification of the share of own resources in the provision of the population of the district with food. The author focuses on the consideration of debatable and little-studied issues concerning the state of agricultural production in the district, the volume of state food supplies within the framework of the northern delivery. It presents factual material on the food supply of various categories of the population: indigenous (Nenets), old-timers (mostly Russians), special contingent (former "kulaks", as well as those deported on ethnic grounds / administrative deportees) and temporary residents (evacuated and special settlers, enlisted in the fishing industry). The author concludes that depending on one or another group the food situation differed significantly. Differences in food supply in different districts of the

YNND were established. It is revealed that the districts were supplied unevenly. The deterioration of food situation in the district since 1943, when the cards were introduced, is noted. The author concludes that the available food resources and products received as part of the northern delivery, although not able to fully meet the needs of the population, but the necessary minimum of food was provided.

Keywords: food, resources, import, county, supply, food, norm, population, war.

Введение. Исследователи лишь только приступают к изучению вопроса продовольственного положения национальных округов Севера Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Обеспечение собственными продовольственными ресурсами и роль северного завоза в снабжении населения Ямало-Ненецкого округа в годы войны являются дискуссионными вопросами. Ряд исследователей утверждают, что округ в годы войны перешел на самообеспечение, а северный завоз прекратился. Так, В.П. Петрова, в многотомной истории Ямала пишет: «В годы войны завоз на Север сельскохозяйственной продукции прекратился» [6, с. 289], схожего мнения придерживаются О.В. Рябкова и Т.В. Козельчук [9, с. 61]. В более поздней публикации В.П. Петрова скорректировала предыдущее утверждение, отметив не прекращение, а «сокращение северного завоза» [8, с.135]. Б.У. Серазетдинов справедливо подчеркивает, что с началом войны количество завозимых грузов и их ассортимент сильно сократились [10, с. 97]. Недостаточно изученными остаются такие сюжеты, как ассортимент и количество завозимых продуктов, процент удовлетворения ими запросов населения, а также вопросы транспортировки, складирования, хранения и распределения поступающих продуктов питания.

Малоизученным вопросом является и развитие сельского хозяйства в условиях неблагоприятного климата и вечной мерзлоты, ставшего вынужденной мерой (в частности – динамика посевных площадей и численность поголовья скота по секторам; валовое производство продуктов земледелия и животноводства, доля собственного сельхозпроизводства в обеспечении продовольствием населения). Некоторые авторы придерживаются мнения, что посевы увеличились кратно. Так, Ю.А. Морозов считает, что в 1945 г. посевная площадь в округе составила 356 га [5, с. 59], т.е. в два раза больше, чем в 1940 г., и как следствие, идет утверждение об увеличении продуктов земледелия местного производства, с чем согласиться едва ли возможно. В.П. Петрова, подчеркивая сложное положение сельского хозяйства, считает, что в 1945 г. произошло некоторое улучшение [6, с. 294], что также спорно. О.В. Рябкова и Т.В. Козельчук, исследовавшие развитие земледелия на Ямале в годы войны считают, что отрасль была сохранена. Общая площадь посевных земель открытого грунта в Ямало-Ненецком округе в период с 1941 по 1945 годы увеличилась в 1,5 раза [9, с. 348].

Исследователи едины во мнении, что продовольственное положение населения всех групп в годы войны ухудшилось, в частности, тундровых ненцев [10, с. 96], колхозников [6, с. 294]. В.П. Петрова в целом оценивает продовольственное обеспечение населения как тяжелое [7, с. 33]. Лучше снабжались рабочие государственной рыбной промышленности и охотники, а рыбаки–колхозники обеспечивались хуже [1, с. 137]. Мало изучен и вопрос о личных подсобных хозяйствах граждан, а также роль иных источников питания, таких как охота, рыбалка, сбор дикоросов.

Результаты. До 1944 г. округ находился в составе Омской области. На его территории имелось 6 районов, объединявших 18 сельских и один городской советы. 14 августа 1944 г. была образована Тюменская область и Ямало-Ненецкий округ вошел в ее состав¹. В августе 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в округе были созданы два новых района: Тамбейский и Гыдо-ямский за счет разукрупнения существующих (из Ямальского и Тазовского районов) и один район – Красноселькупский был присоединен из Красноярского края, с населением 2689 человек². Таким образом, к концу войны в Ямало-Ненецком округе стало 9 районов и 36 сельсоветов³.

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. р-814, оп. 1, д. 212а, л. 1.

² ГАТО, ф. р-814, оп. 1, д. 212, л. 101.

³ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), ф. п -135, оп. 1, д. 314, л. 32.

Численность населения в 1940 г. составляла 43500 человек [4, с. 42]. На фронт призвали 8982 человека. Приток населения в виде спецпереселенцев и депортированных (около 8 тыс. человек) [1, с.98], а также 3604 эвакуированных [4, с. 41] привел к увеличению численности населения в округе. На 1 января 1945 г. было учтено 49175 человек¹. По социально-экономическому положению население можно разделить на четыре группы: коренное (ненцы), они составляли 51,3%² старожильческое (преимущественно русские), спецконтингент (бывшие «кулаки», а также депортированные по национальному признаку /административно высланные) и временно проживающие (эвакуированные и спецпереселенцы, завербованные на рыбные промыслы). В зависимости от принадлежности к той или иной группе продовольственное положение существенно отличалось.

В условиях катастрофического начала войны и потери продовольственных ресурсов Европейской части СССР продуктов в стране не хватало. Несмотря на ухудшение положения с продовольствием в стране, северный завоз сократился, но не остановился. В округ завозили хлеб (в виде муки), крупы, сухофрукты, жиры, чай, сахар, спирт, кондитерские изделия (сушка, конфеты). Хуже обстояло дело со снабжением овощами и молочными продуктами. Так, в докладной записке «О командировке в Ямало-Ненецкий округ по вопросу проверки работы ОК ВКП (б)» (1941 г.) подчеркивалось, что «население зимой без овощей. Картофель не завозится, т.к. замерзает в пути»³.

В протоколе заседания бюро Ямальского ОК ВКП (б) от 3 сентября 1942 г. сообщалось, что теплоходами «Боцман Лайне», «Морж», пароходом «Коммунист», на баржах «Газовская», «Северная», «Надымская», «Шаланда № 2» доставлен хлеб⁴. В протоколе от 11 октября 1942 г. заседания бюро Ямальского ОК ВКП (б) отражен вопрос о завозе муки и овощей в районы округа. План завоза был не выполнен. Все продукты должны были поступить к 5 октября, но «большинство муки и овощей в округ не пришли. Надымский, Ямальский, Приуральский районы могут остаться без продуктов» - сообщалось в документе⁵. Как следует из справки для Бюро Омского обкома ВКП (б), составленной по результатам проверки партийно-советских и хозяйственных организаций Ямало-Ненецкого округа (начало 1944 г.), товарозавоз в 1943 г. удалось выполнить по продовольствию на 59,9 %. Полностью округ был обеспечен мукой, маслом, кондитерскими товарами. По другим продуктам (сахар, чай, крупа) обеспеченность составляла от 54 до 90%. Картофель был завезен на 80,4 % от плана. Ощущался недостаток продуктов для полного отоваривания карточек, особенно в Шурышкарском районе, где завоз продуктов составил лишь 36,3 % от необходимого⁶. План завоза на 1944 г. предусматривал доставку в округ муки, крупы, масла животного и растительного, сахара, алкоголя, консервов, картофеля, сухофруктов, овощей⁷. Товарозавоз 1945 г. (по данным на 1 июля по муке составил 14, 5 % от требуемого количества (требовалось 7138 т, завезли – 1035 т), крупы – 4% (по плану – 1876 т, завезли – 80 т). По остальным продовольственным товарам сообщалось, что они завезены в мизерном количестве, либо вовсе не завезены⁸. Конечно, 1 июля – лишь середина навигации, грузопотоки ожидалась и в последующие месяцы.

Собственные продовольственные ресурсы в округе имелись, но были весьма ограничены обязательными поставками государству оленины и рыбы. 26 августа 1942 г. Бюро Омского обкома ВКП (б) совместно с облисполкомом приняли постановление «О развитии сельского хозяйства в северных округах»⁹. Ямало-Ненецкому окружному комитету партии была поставлена задача, направленная на развитие сельского хозяйства. Цель – максимальное снижение продовольственной нагрузки государства. По сути, округ должен был перейти на самообеспечение. Планы предусматри-

¹ ГАСПИТО, ф. п -124, оп. 1, д. 77, л. 1, 92об.

² ГАТО, ф. р – 1787, оп 1, д. 4а, л. 32.

³ Исторический архив Омской области (ИАОО), ф. 17-п, оп. 1, д. 2939, л. 100.

⁴ ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 247, л. 69–70об.

⁵ ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 248, л. 18об.

⁶ ГАСПИТО, ф. п – 124, оп. 1, д. 77, л. 16об–17.

⁷ ГАСПИТО, ф. п-135, оп. 1, д. 285, л. 53.

⁸ ГАСПИТО, ф. п-135, д.322, л.5.

⁹ ГАСПИТО, ф. п – 135, оп. 1, д. 248, л.35–35об.

вали увеличение посевных площадей в Ямало-Ненецком округе ежегодно в два раза. Выявлена следующая динамика посевов: в 1940 г. – 184,8 га¹, в 1941 г. – 212,9 га [2, с. 7], в 1943 г. – 229,7 га, в 1944 г. – 218 га², в 1945 г. – 293,7 га³. Наблюдалась положительная динамика в производстве овощей и картофеля с 3633 ц в 1940 г. до 17634 ц в 1943 г. и снижение валового сбора на треть в 1944 г., когда урожай составил лишь 12557 ц⁴. Население не было обеспечено молочными продуктами. За период с марта 1940 г. по февраль 1945 г. в колхозах округа численность крупного рогатого скота выросла до 913 голов⁵. Имевшееся стадо малопродуктивных коров колхозов и совхоза (400 голов!) не могло удовлетворить потребность в молоке. «Молока население вовсе не имеет» – писал директор Ямальского рыбтреста А. Засыпкин⁶. В 1944 г. средний надой на 1 корову составил 814 л за лактацию, суточный удой составлял – 2,4 л. В 1944 г. в Салехардском совхозе надоили 800 л от одной фуражной коровы (54% плана), сдали в кооперацию 125 ц молока (41% к плану)⁷. Всего указанный совхоз за военный период произвел молока 106400 л (1064 ц) и мяса – 134660 кг (1346,6 ц) [6, с. 290]. Несмотря на предпринимаемые усилия по развитию сельского хозяйства, округ не в состоянии был обеспечить себя полностью продуктами земледелия и животноводства. Доля собственных продуктов сельского хозяйства в обеспечении населения составляла по нашим оценкам не более 25%. Источниками питания для местного населения являлись продукты, произведенные в личных подсобных хозяйствах, а также охота, рыбалка, сбор дикоросов. Индивидуальные огороды занимали площадь в 1941 г. – 8,3 га, 1942 г. – 18,24 га, в 1943 – 36,7 га⁸.

Жизненной основой ненцев являлось оленеводство. Б.У. Серазетдиновым затронуты вопросы традиционного питания ненцев в годы войны за счет продуктов оленя: мясо, кровь, костный и головной мозг [10, с. 73]. Конечно, ненцы нуждались и в других продуктах, в том числе и хлебе. В докладной записке А. Засыпкина наркому рыбной промышленности СССР А.А. Ишкову «О мерах по дальнейшему улучшению положения коренного населения Ямало-Ненецкого округа» (1944 г.) говорилось о том, что «особым спросом пользуется среди коренного населения: чай, карамель монпансье, пряник, сушка-крендель»⁹.

Продажа населению продуктов осуществлялась через кооперативную сеть. Уже с осени 1941 г. магазины кооперации установили ограничения продаж на 1 семью в месяц: 500 г сахара, и 150 г масла. Введение же нормированного снабжения продуктами питания в округе произошло гораздо позднее, чем в других регионах страны. В.П. Петрова указывает, что это произошло 19 сентября 1943 г. в связи с постановлением окрисполкома [7, с.33]. Нами установлено, что в соответствии с решением Омского областного совета от 7 декабря 1942 г. Ямальский окружной исполком (протокол № 6 от 5 апреля 1943 г.) вводил в округе нормированное снабжение продовольствием¹⁰. Особенно ухудшение в снабжении почувствовали ненцы, а также рабочие самых северных (полярных) рыбозаводов. Для получения карточек порой не было возможности выехать в сельсовет, расстояние измерялось сотнями километров. В 1943 г. в документах окружкома отмечалось, что «то, что завозится в округ, не обеспечивает снабжения населения по нормам, установленным правительством для районов Крайнего Севера»¹¹.

¹ ГАТО, ф. р-814, оп. 1, д. 190, л. 13.

² ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 271, л. 115–116.

³ ГАСПИТО, ф. п - 135, оп. 1, д. 314, л. 31.

⁴ ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 314, л. 30об–31.

⁵ ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 314, л. 30.

⁶ ГАТО, ф. р – 1787, оп. 1, д. 4а, л. 34.

⁷ ГАСПИТО, ф. п -135, оп. 1, д. 314, л. 30об.

⁸ ГАСПИТО, ф. п – 135, оп. 1, д. 124, л. 107об.

⁹ ГАТО, ф. р – 1787, оп. 1, д. 4а, л. 34.

¹⁰ ГАТО, ф. р-814, оп. 1, д. 211, л.43.

¹¹ ГАСПИТО, ф. п-35, оп. 1, д. 271, л. 31об.

По решению Ямальского ОКРИКа от 19 марта 1943 г. вводились следующие нормы распределения хлеба (в г в день): рабочие и ИТР – 800, служащие – 600, иждивенцы – 400¹. Всей торговлей в округе занималась система рыболовпотребсоюза, имевшая 211 магазинов и 125 пекарен [7, с.33]. Рыболовецкая потребкооперация была введена повсеместно в округе после соответствующего постановления СНК СССР 1943 г. «Об увеличении норм продуктового снабжения рабочих рыбной промышленности» [1, с. 134], тогда все потребсоюзы и сельпо преобразовывали в рыбокоопы. Это было сделано для того, чтобы сконцентрировать продовольственные ресурсы в рамках одной организации. При утверждении норм целевого снабжения Наркомторг и Наркомрыбпром приняли следующие расчеты прожиточного минимума на 1 семью рыбака–колхозника при двух иждивенцах в квартал: мука – 84,2 кг; сахар – 2,5 кг; соль – 5,5; крупа – 15,1 кг; жиры – 4,8 кг; чай – 84 г². Нормы снабжения варьировались. Иногда и в сторону уменьшения. Теперь они стали регулироваться в зависимости от выполнения плана улова рыбы. Пропала материальная заинтересованность перевыполнять план у рыбаков–колхозников, т.к. рыбаки оказались в худших условиях по снабжению, чем охотники. С 1945 г. карточки хоть и были отменены, однако торговля осуществлялась по заборным книжкам (именная книжка с талонами для получения нормированных продуктов). В.В. Петрова пишет, что в 1945 г. руководство округа обратилось к правительству с просьбой оставлять в округе до 60 т рыбы (в месяц) для питания населения [7, с.33]. Полагаем, что здесь закралась ошибка. Поясним, что размер снабжения населения рыбой зависел от объема улова. Разрешалось оставлять 5% от улова [1, с. 139]. Запрет на лов рыбы для собственных нужд был признан ошибочным и снят в апреле 1945 г. только после того, как было принято Постановление ЦК ВКП (б) «Вопросы Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б)» от 9 апреля 1945 г.³ В 1945 г. на Ямале было выловлено 150,7 тыс. ц рыбы (или 150,7 т) [1, с. 56], следовательно, население могло получить в среднегодовом исчислении на питание 7535 ц (или 7,5 т), а в месяц – 627,91 кг (т.е. около 63 ц), примерно 110 кг на одного человека в год. Существовала в округе и стихийная рыночная торговля, носившая обменный характер. Официального колхозного рынка в Салехарде не имелось.

Большие проблемы со снабжением продовольствием испытывали спецпереселенцы, завезенные в навигацию 1942 г. на рыбные промыслы. Перебои с продовольствием отмечены и в 1943 г. Так, в протоколе № 147 ОК ВКП (б) сообщалось, что они в течение 2-х месяцев получали только хлеб (600–800 г в сутки), иногда его заменяли мукой⁴. Тяжело приходилось рабочим самых северных рыбозаводов, иногда им могли выдать лишь по 70–100 г хлеба в день на семью. В 1944 г. им выдавали на семью в среднем по 337 г хлеба, т.е. на 40% ниже, чем предполагалось по норме [1, с. 138]. Особенно тяжелое положение наблюдалось у ссыльных калмыков. Калмыки были завезены на Ямал в 1944 г. по линии Рыбтреста в количестве 1467 человек (624 семьи), трудоспособные составляли 876 человек. Их расселили в Шурашкарском районе и Салехарде⁵. В протоколе бюро ОК ВКП (б) № 198 от 29 декабря 1944 г. сообщалось: «Многие не могут обеспечить себя и семью питанием. Наблюдается истощение»⁶.

Система общественного питания в округе была развита крайне слабо. Столовая имелась на консервном заводе в Салехарде, еще одна столовая была в городе для прикрепленных к питанию в ней должностных лиц, а также командированных. В райцентрах также имелись небольшие столовые для ограниченного круга людей. Учителя одного из районов жаловались в окружком, что их «открепили» от столовой. Питание детей в детских садах было организовано, а вот в школах оно отсутствовало, за исключением школ-интернатов и двух детских домов. Решение об организации горячего питания школьников было принято в 1944 г., и оно касалось только Салехарда. Большинство жителей округа не могло иметь поддержку в виде общественного питания.

¹ ГАТО, ф. р-814, оп. 1, д. 211, л. 43.

² ГАТО, ф. р-1787, оп. 1, д. 4а, л. 35–36.

³ ГАСПИТО, ф. п-35, оп. 1, д. 315, л. 19.

⁴ ГАСПИТО, ф. п-35, оп. 1, д. 271, л. 19–19об.

⁵ ГАТО, ф. р-1787, оп. 1, д. 4а, л. 161.

⁶ ГАСПИТО, ф. п-35, оп. 1, д. 286, л. 115об.

Выводы. Изучение темы показало, что имевшиеся продовольственные ресурсы в Ямало-Ненецком округе и продукты, поступающие в рамках северного завоза, не могли полностью удовлетворить потребности населения, но необходимый минимум был обеспечен. Местные сельскохозяйственные ресурсы обеспечивали потребность населения в овощах и картофеле примерно на четверть. В среднем, планы завоза продовольствия в округ удовлетворялись наполовину от требуемого. Руководство области в первую очередь старались завезти муку, крупу, жиры. Выявлено, что районы снабжались неравномерно. Ухудшение продовольственного положения в округе прослеживается с 1943 г., когда были введены распределительные нормы на продукты по карточкам. Население плохо обеспечивалось овощами и неудовлетворительно молочными продуктами. Рост площадей под огороды граждан вырос в два раза по сравнению с началом войны. В целом, несмотря на ухудшение продовольственного положения в округе, оно не было критичным, позволило населению не только выжить, но и выполнять огромную производственную нагрузку, внося свой вклад в победу над врагом. В худшем положении находились спецпереселенцы северных рыбозаводов, депортированные в годы войны (в частности, калмыки и немцы).

Список литературы:

1. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 169 с.
2. Алексеева Л.В. Становление полярного земледелия в СССР (на материалах Ямала) // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 3–10.
3. Козельчук Т.В., Рябкова О.В. Полярное земледелие в Ямало-Ненецком национальном округе в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 335–352. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-4-335-352>
4. Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века. Историко-демографический анализ. – Екатеринбург: УрО РАН, 2010. – 196 с.
5. Морозов Ю.А. Агро-промышленный комплекс Ямало-Ненецкого автономного округа. – Тюмень: ЗАО «Сибирский издательский дом», 2008. – 176 с.
6. Петрова В.П. Сельскохозяйственное производство военного времени // История Ямала: в 2-х томах / Под общ. ред. В.В. Алексеева. – Екатеринбург: Изд-во «Баско», 2010. – Т. 2. Ямал современный. – Кн. 1. У истоков модернизации / Под ред. К.И. Зубкова и др. – 368 с.
7. Петрова В.П. Проблема адаптации населения Ямало-Ненецкого национального округа в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2014. – № 3. – С. 31–35.
8. Петрова В.П. Великая Отечественная война // Энциклопедия «Ямальский район» / Под ред. Чистяковой Н.Ф. – Тюмень: Центр региональных справочных изданий Тюм. гос. ун-та, 2015. – 451 с.
9. Рябкова О.В., Козельчук Т.В. Децентрализованные заготовки продуктов питания в Ямало-Ненецком национальном округе в годы Великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Салехард, 2016. – Вып. 3. Обдорья: история, культура, современность. – С. 58–62.
10. Серазетдинов Б.У. Оленеводство в Северо-Западной Сибири в межвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. 1920–1945 гг. – М., 2012. – 266 с.

ИСТОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТРУКТУРА ЛЕНСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА В 1970–1980-е ГГ.

Николаев Дмитрий Алексеевич,
младший научный сотрудник Лаборатории «Человек в Арктике»,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
nicolaev.dmitry2013@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен один из самых насыщенных периодов деятельности Ленского объединенного речного пароходства (ЛОРП), занимавшего ведущую роль в обеспечении перевозок грузов и пассажиров в Якутской АССР. На основании вновь привлеченных архивных данных показана значительная роль ЛОРП в промышленном освоении Якутии и строительстве Байкало-Амурской магистрали. Отмечено, что его деятельность не ограничивалась только производственными параметрами, в нем существовала довольно разнообразная культурно-просветительская жизнь, с элементами досуга и отдыха со своими объектами и домами культуры, и агиттеплоходами, целью которой являлось проведение воспитательной работы и повышение производительности труда.

Ключевые слова: Ленское объединенное речное пароходство, плавсостав, структура, грузооборот, Байкало-Амурская магистраль, культура, порт, обслуживание, туризм.

HISTORY OF ACTIVITIES AND STRUCTURE OF THE LENSK UNITED RIVER SHIPPING COMPANY IN THE 1970-1980s

Nikolaev Dmitry Alekseevich
Junior Researcher of the Laboratory “Man in the Arctic”,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
nicolaev.dmitry2013@yandex.ru

Annotation: The article considers one of the most intense periods of activity of the Lena United River Shipping Company (LORP), which played a leading role in ensuring the transportation of goods and passengers in the Yakut ASSR. Based on the newly attracted archival data, the significant role of LORP in the industrial development of Yakutia and the construction of the Baikal-Amur mainline is shown. It is noted that its activities were not limited only to production parameters, it had a fairly diverse cultural and educational life, with elements of leisure and recreation with its own facilities and houses of culture, and propaganda campaigns, the purpose of which was to conduct educational work and increase labor productivity.

Keywords: Lena United River Shipping Company, structure, cargo turnover, Baikal-Amur Mainline, culture, port, service, tourism.

Ленское объединенное речное пароходство (ЛОРП) до настоящего времени является важнейшим грузоперевозчиком, обеспечивающим жизнеобеспечение Республики Саха (Якутия) и роль его в экономике региона значительна и неоспорима. Рассмотрение деятельности ЛОРПа в разных аспектах и на разных этапах его работы и функционирования, в размерах и объемах перевозок грузов и пассажиров, а также в других сферах, например, в культурно-просветительской области, является достаточно актуальным.

ЛОРП до начала 1990-х гг. было одним из крупнейших в мире, по охвату территории, пароходств и связывало сразу несколько регионов дальневосточной части СССР, включая самую боль-

шую административно-территориальную единицу в мире – Якутскую АССР, север Иркутской области и частично Магаданской области, Хабаровского и Красноярского краев. По состоянию на 1987 год ЛОРП осуществлял перевозки грузов по рекам, расположенных в семи самостоятельных бассейнах: 1) река Лена (длиной 4400 километров) с притоками Киренгой (746 км), Витимом (1978 км), Олекмой (1436 км), Алданом (2273 км), Вилюем (2650 км) и другими, 2) река Яна (872 километра), 3) река Анабар (939 км), 4) река Оленек (2292 км), впадающие в море Лаптевых, 5) река Индигирка (1726 км) 6) река Колыма (2129 км) с притоками и 7) река Нижняя Тунгуска (2989 км). Общая площадь бассейнов этих рек превышает 4,5 млн квадратных километров¹.

Однако, к сожалению, до сих пор нет специальных работ, посвящённых истории и анализу деятельности ЛОРП на разных этапах его функционирования. Единственная попытка обобщения истории, определения места ЛОРП в социально-экономическом развитии Якутии была предпринята лишь в 1970 г. в юбилейном сборнике «Ленское речное пароходство» [3]. В последующем можно отметить лишь исследования журналиста А.С. Павлова по истории речного судоходства на Лене, обобщённые им в ряде публикаций в виде брошюр [8, 9] и на страницах газеты «Ленский водник», сотрудником которой он является. Отдельные аспекты деятельности ЛОРП затрагивает в своей диссертации и публикациях Г.Б. Арутюнов [1].

Данная статья написана на основе архивных источников, главным образом, это документы фонда Р-284 Ленское объединенное речное пароходство Национального архива РС (Я). Кроме того, использованы опубликованные в ведомственной газете речников «Ленский водник» отчеты, доклады, статьи начальников ЛОРПа Дубровского В.М. и Минеева В.А., ведущих специалистов Дмитриева И.А., Синяева В., Припузова В., Панченко Н., в которых рассматривались вопросы общего состояния и развития пароходства, а также стоявшие перед ним проблемы и задачи.

Историю Ленского объединенного речного пароходства можно разделить на четыре важных этапа: 1) с 1929 по 1953 гг. – предпосылки формирования, 2) с 1953 по 1972 гг. – время слияния всех пароходств в одно; 3) с 1972 по 1994 гг. – период объединенного пароходства; 4) с 1994 по 1995 – разделение пароходства.

На начало 1950-х гг. в ЯАССР, действовало три речных пароходства, подчиненных разным Министерством. Ленское речное пароходство (ЛРП) (образовано в 1929 г.) подчинялось Министерству речного флота СССР, Северо-Якутское речное пароходство «Главсевморпути» и Лензолотофлот Министерства цветной металлургии СССР. Со смертью И.В. Сталина в 1953 году, началась ликвидация системы ГУЛАг, Дальстроя и связанная с этим реорганизация всей структуры управления, в том числе и пароходств. В 1956 году было образовано Министерство речного флота РСФСР. В 1953 г. в состав Ленского речного пароходства вошло Северо-Якутское речное пароходство, а в 1957 г. – Лензолотофлот. В 1959 г. состав ЛРП пополнился Янским речным пароходством. Процесс объединения окончательно завершился в 1972 году с вхождением Колымо-Индигирского речного пароходства. Приказом Министерства речного флота РСФСР от 3 февраля 1972 года №13 Ленское речное пароходство было переименовано в Ленское объединенное речное пароходство (ЛОРП). В документах, связанных с ЛОРП, отмечается, что предметом и целью его деятельности являлось выполнение государственного плана грузовых и пассажирских перевозок по внутренним водным путям. Предприятие осуществляло следующие виды деятельности: 1) перевозка грузов и пассажиров по внутренним водным путям, включая международные перевозки; 2) добыча и реализация нерудных строительных материалов; 3) судоремонт, судостроение и машиностроение; 4) производственное и жилищное строительство; 5) торговля и посреднические услуги; 6) научно-исследовательские, опытно-конструкторские и проектные работы².

ЛОРП представлял собой единый производственно-хозяйственный комплекс, речные перевозки которого охватывали территорию сразу нескольких регионов. В состав пароходства входило сразу несколько десятков различных промышленных предприятий, заводов, портов, затонов, судовер-

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). ф.Р-284, оп. 7, д. 518, л. 2.

² НА РС(Я), ф. Р- 284. Историческая справка.

фей, пароходств, пристаней, строительных и районных управлений и отделов, которые, в свою очередь, создавали многофункциональную и разветвленную структуру, в которой работало по состоянию на 1985 год до 21 тысячи человек, объединявшую Осетровский, Киренский, Нижнеколымский, Белогорский, Якутский порты, Красноармейский, Жатайский судоремонтные заводы, 4 ремонтно-эксплуатационной базы флота: Осетровская, Алексеевская, Пеледуйская и Зырянская, 6 пристаней (Олекминская, Ленская, Нюрбинская, Хандыгская, Зырянская и Усть-Среднеканская), 3 судостроительные верфи (Качугская, Жигаловская, и Осетровская), 2 районных управления: Индигирское и Тиксинское, 4 строительных управления (Осетровское, Киренское, Якутское и Нижнеянское), Бассейновый узел связи и радионавигации, отдел материально-технического снабжения ЛОРП, Осетровский узел связи и радионавигации, отдел материально-технического снабжения и Колымское линейное речное пароходство. Основным направлением деятельности ЛОРП является и эксплуатация судов для перевозки грузов, пассажиров, а также ремонт судов, производство промышленной продукции, строительство и другое¹.

В докладах и отчетах по грузоперевозкам пароходства, в основном, на первое место ставились количественные показатели, о размерах и в объемах грузоперевозок, в ущерб качественным параметрам и приводившим к определенным диспропорциям и перегибам в отдельных отраслях. Это можно заметить по структуре завоза генеральных грузов, особенно на Крайнем Севере. Та например, за 1973 год отмечалось, что полностью были осуществлены и выполнены доставка не только промышленных, но и грузов необходимых для сельскохозяйственных нужд для колхозов и совхозов республики и скоропортящихся продовольственных товаров, включавших около 20 тысяч тонн овощей и фруктов. Самоходным и несамоходным флотом пароходства были выполнены экспедиционные рейсы и перевозки по боковым и небольшим рекам, и по более крупным рекам Витиму, Вилюю, Оленьку, Яне, Индигирке и Колыме. Согласно докладу начальника пароходства, Дубровского В.М. в навигацию 1973 года, речным транспортом воспользовалось 1 млн 320 тысяч пассажиров, что на несколько сотен тысяч больше намеченного плана. Приводились сведения, что помимо грузовых и пассажирских перевозок, действовали и туристические маршруты. В статистических данных и цифрах на 1973 год, приводилось, что было перевезено сверх плана 375 тысяч тонн с грузооборотом 252,3 млн тонно-километров. В целом отмечалось, что несмотря на некоторые издержки, плановые производственные и экономические пароходством были достигнуты, со сверхплановой прибылью 1466 тыс. рублей [3, с. 3].

Протяженность эксплуатируемой речной системы в зоне тяготения ЛОРПа составляла более 21 тысячи километров в 1978 году. На обширных пространствах Северо-Востока осуществлялись перевозки в 392 тарифных и прочих пункта для 720 получателей, получающих грузы от 86 министерств и ведомств-поставщиков, включающих около 960 отправителей². Такой охват территории позволял значительно улучшить транспортную логистику и открывал новые возможности для промышленного освоения Севера. Благодаря созданию единого речного пароходства во всем регионе, в относительно короткие сроки был создан большой современный флот. По состоянию на 1 января 1978 года пароходство имело в своем составе 675 единиц сухогрузного флота грузоподъемностью 592,3 тыс. т тоннажа. Построенный и спущенный на воду, в основном, всего за несколько десятилетий самоходный флот разросся до 245 единиц в 1977 году, с тоннажем 235,2 тыс. т. Размер нефтеналивного флота составлял 214 единиц грузоподъемностью 259,7 тыс. т, в состав которого входил танкерный 179 единиц тоннажем 217,5 тыс. т, и буксирный флот в 195 единиц мощностью 102,9 тыс. л.с.³ Ленское пароходство по объему капитального строительства занимало второе место среди пароходств СССР [11, с.2].

Большую роль пароходство сыграло в строительстве главной «великой стройки СССР» 1970-х гг. – Байкало-Амурской магистрали (БАМ), которая помимо важной экономической роли,

¹ НА РС(Я), ф. Р- 284. Историческая справка.

² НА РС(Я). ф. Р-284, оп. 4, д. 96, л. 1.

³ Там же.

имело большую военно-политическую и стратегическую значимость в связи с напряженностью, возникшей в 1969 году на советско-китайской границе. По данным только за 1974 год, речникам Лены для нужд строительства БАМа было перевезено дополнительно вне плана до 80 тыс. т грузов. [12, с. 2]. Резко были увеличены перевозки различных грузов по рекам Киренга и Алдан в связи с возведением БАМа и Южно-Якутского металлургического комплекса, что потребовало изменение структуры всего транспортного процесса.

Осуществление перевозок для БАМа позволило значительно улучшить и модернизировать речную и промышленную инфраструктуру и организацию их управления, тяготеющих к районам строительства. Выросло значение Киренского порта и его диспетчерского аппарата, в связи с увеличением объемов перевозимых грузов на его руководство была возложена ответственность за их выполнение. С 1 января 1975 г. в поселке Магистральный была организована внебалансовая пристань, приписанная к Киренскому порту. Большое внимание было уделено оборудованию флота и причала Магистральный новейшими средствами связи [2, с. 3].

Суда Ленского пароходства перевозили большое количество пассажиров и связывали логистической системой более миллиона человек. По состоянию на 1989 год пароходство осуществляло перевозки пассажиров в Иркутской области и Якутской АССР.

Появление новых пассажирских теплоходов, в 1980-х гг. ставшими впоследствии символов всего Ленского флота, способствовали быстрому развитию туристических рейсов, что значительно увеличило популярность водного транспорта. В 1989 году на двух теплоходах класса «Люкс»: «Михаил Светлов» (с 1988 г.) и «Демьян Бедный» (с 1986 г.) было выполнено восемь круизных рейсов, было обслужено свыше тысячи иностранных туристов [5, с. 3].

Обслуживание туристов и экскурсантов осуществлялось практически по всему Ленскому бассейну в пунктах: Осетрово, Киренск, Ленск, Олекминск, Якутск, Нижне-Янск, Зырянка и др. Общая протяженность пассажирских и туристских линий достигала 33,5 тыс. км. Количеством остановочных пунктов насчитывало 338, из них оборудованных причальными сооружениями было 306, не требующих причальных сооружений – 266¹.

Наибольшей численности своих работников ЛОРП достигла в конце 1980-х гг. В 1985 г. в пароходстве было занято 21564 чел., а абсолютный пик пришелся на 1987 год, когда число личного состава достигло 22468 чел. В 1989 г. их численность составляла 21970 чел. [7, с. 3]. С ростом промышленного производства на предприятиях ЛОРП увеличивалось число и их работников, занятых в этой сфере, с 5257 чел. в 1985 году до 5775 чел. в 1989 г., а в плавсоставе, она колебалось с 4016 человек до 3468, что объяснялось заменой устаревшего флота и модернизацией.

Большой проблемой в работе пароходства, была нехватка жилья, приводившая к текучести кадров и дефициту специалистов и работников в некоторых отраслях, и низкая трудовая дисциплина. Как отмечалось некоторыми авторами, высокая степень подотчетности, отнимала достаточно много времени у руководителей предприятий на их составление. По состоянию на 1990 г., предприятия ЛОРПа отчитывались почти по 150 видам наименований деятельности. Приводились сведения, что работа над составлением отчетности и планирования показателей практически не оставляла времени для анализа и разработки мероприятий по улучшению производственной деятельности предприятия. Отмечалась необходимость сократить плановые и отчетные показатели до разумного минимума. [10, с. 3].

Не только высокими производственными показателями славился ЛОРП в 1970–1980-е гг. Культурно-просветительская деятельность ЛОРПа также отличалась многообразием и многоплановостью. В архивных документах и отчетах приводилась информация, что на обширных пространствах Ленского бассейна на конец 1970-х гг., для речников пароходства действовало около 10 домов культуры, 2 клуба, 8 культбаз, 2 агиттеплохода, 12 библиотек и свыше 500 цеховых судовых красных уголков.

За навигацию 1979 год двумя агиттеплоходами «Ленинец», и «Е.Ярославский» было обслужено 4487 единиц транспортного флота, поставлено 630 концертов, проведено 747 лекций

¹ НА РС(Я). ф. 284, оп. 1, д. 519, л. 12.

и бесед, продемонстрировано 763 художественных, документальных и научно-технических фильмов .

Все это позволяет сказать, что внутри самого пароходства существовал свой отдельный мир, со своей системой определенных ценностей и традиций. Несомненно, разноплановая деятельность данных институтов, оказывала благоприятное воздействие на взаимоотношения среди работников пароходства, повышало общий уровень их образованности и осведомленности в культурной жизни страны. Немаловажную роль это также играло и в сближении людей между собой, в создании дружеских сплоченных трудовых коллективов и неформальных объединений разной направленности.

Важное место в культурно-просветительной работе отводилось приобщению к чтению. На всех культбазах и пристанях ЛОРПа выписывалась довольно разнообразная периодическая печать: одних только газет 22 наименования и журналов 17 наименований на общую сумму 1250 рублей, приобреталось свыше 2 тыс. экземпляров книг.

Из доклада начальника ЛОРП В.М. Дубровского видно, что целенаправленная воспитательская работа проводилась для повышения дисциплины и производительности труда. Так, например, в Осетровском порту специально выделялся «День дисциплины», на котором руководители грузовых районов и цехов отчитывались о конкретных мерах по укреплению дисциплины. Важную роль в каждом грузовом районе играли советы бригадиров. В качестве примера для стимулирования остальных велся специальный уголок молодого рабочего, где сообщалось о лучших производственниках, успешно совмещающих работу с учебой. На Жатайском заводе проводились мероприятия и тематические вечера, целью которых являлось поддержание хороших отношений в рабочем коллективе, таких как «Мастер золотые руки», «Ветеран труда», «Лучший по профессии», «Посвящение в рабочие». Эти мероприятия проводились по инициативе и при обязательном участии руководства завода, завкома, комитета ВЛКСМ, отдела кадров и работников ГПТУ [6, с. 2].

В целом, резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что деятельность Ленского объединенного речного пароходства в исследованный период заключалась в организации и осуществлении перевозок оборудования, грузов, строительных материалов, топлива, необходимых для организации и функционирования промышленных предприятий и объектов Севера, где значительное место занимала главная большая стройка СССР 1970-х–1980-х гг. – Байкало-Амурская магистраль. ЛОРП играл ключевую роль в цепочке поставок Северного завоза с охватом территории более 3 миллионов квадратных километров и в поддержании продовольственной безопасности региона с населением свыше миллиона человек; в доставке необходимых продуктов питания, включая скоропортящиеся овощи и фрукты, а также в обеспечении его товарами широкого потребления. До массового развития воздушного транспорта в Якутии, речные перевозки были главным видом транспорта для перевозки пассажиров и оставались им и в последующее время. Суда ЛОРП, обеспечивали транспортным сообщением сотни населенных пунктов и связывали труднодоступные районы с остальной частью страны. Его деятельность не ограничивалось только доставкой грузов и пассажиров, в системе ЛОРП имелось свое судостроение, машиностроение, существовала промышленная и жилищная сферы. Внутри этой структуры действовало свое конструкторское бюро, занимавшееся исследованиями, изысканиями и разработками, например, созданием новых кораблей и проводившее их проектные испытания и необходимые производственные мощности для их сборки и спуска на воду. Просветительская и воспитательная деятельность пароходства была довольно широкой, и отличалась разнообразием культурной жизни. В составе ЛОРП действовали дома культуры, культбазы, клубы, курсировали два агиттеплохода, работали библиотеки, существовало несколько сотен кружков художественной самодеятельности различной направленности, проводились концерты и показы фильмов, читались лекции. К сожалению, в 1994 году в связи с общим экономическим кризисом, падением уровня грузоперевозок, переходом на рыночные отношения произошло разделение ЛОРПа на несколько пароходств. Попытки восстановить былое величие ЛОРП пока еще своих результатов не дали.

Список литературы:

1. Арутюнов Г.Б. История развития водного транспорта Верхне-Ленского бассейна: 1860-1985 гг. : дисс. ... канд. ист. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 194 с.
2. Дмитриев И. Речники Лены – БАМу // Ленский водник. – 1975. – 23 апр.
3. Дубровский В.М. Решающему году пятилетки – высокие темпы грузоперевозок // Ленский водник. – 1973. – 31 марта.
4. Ленское речное пароходство: [Сборник статей] / Упр. Ленского реч. пароходства. Ленское реч. пароходство. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1970. – 307 с.
5. Минеев В. Коротко о ближайших задачах пароходства // Ленский водник. – 1990. – 21 февр.
6. О состоянии и мерах улучшения трудовой и производственной дисциплины в Ленском объединенном речном пароходстве: Доклад начальника пароходства В.М. Дубровского // Ленский водник. – 1974. – 5 янв.
7. О плане экономического и социального развития пароходства: Доклад начальника пароходства Минеева В.А. на конференции трудового коллектива // Ленский водник. – 1990. – 21 апр.
8. Павлов А.С. Капитан Богатырев. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 48 с.
9. Павлов А.С. Ленские пароходы. – Якутск; Кн. изд-во, 1994.– 80 с.
10. Панченко Н. Трудовой коллектив – хозяин своего предприятия // Ленский водник. – 1990. – 10 янв.
11. Припузов В. Капитальное строительство – итоги, перспективы // Ленский водник. – 1974. – 7 сент.
12. Синяев В. Организация перевозок в навигацию 1975 года // Ленский водник. – 1975. – 19 апр.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_09

УДК 332(571.52) “194/196”

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ТУВЕ В ПЕРИОД 1945–1960 ГГ.*

Дабиев Давид Федорович,
к.э.н., заведующий лабораторией региональной экономики,
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
г. Кызыл,
daviddabiev@yahoo.com

Аннотация. В статье дана краткая характеристика истории экономических исследований в различные периоды развития Тувы: период плановой экономики 1975–1991 гг., период экономических реформ 1990-х годов, начало двухтысячных и современный период. На основе научных работ таких ученых как Шактаржик К.О., Бегзи А.Д., Балакина Г.Ф., Анайбан З.В., Лебедев В.И., Кужугет К.С., Дабиев Д.Ф., Соян Ш.Ч. и других показаны основные проблемы экономики, влияющие на увеличение уровня бедности и низкого уровня жизни и благосостояния в республике. Для преодоления этих и других проблем показана важность и целесообразность научно-обоснованного подхода комплексного развития республики, который был бы направлен не только на освоение значительного природно-ресурсного потенциала региона, но и на возможности развития малого и среднего бизнеса в различных отраслях экономики. Реализация крупных инвестиционных проектов позволила бы, с одной стороны, реализовать экономический потенциал природных ресурсов, создать транспортную и энергетическую инфраструктуру для дальнейшего развития республики, с другой стороны – эти проекты должны учитывать и способствовать развитию малых и средних товаропроизводителей республики, которые, в целом, отражают экономические интересы населения республики.

Ключевые слова: экономика, исследования, Тува, история, ученые, ТНР, развитие, инфраструктура, промышленность, сельское хозяйство, седентеризация

---

*«Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00415» и по государственному заданию ТувИКОПР СО РАН (проект №0307-2021-0005)

ABOUT ECONOMIC RESEARCH IN TUVA IN THE PERIOD 1945-1960

Dabiev David Fedorovich
Candidate of Economic Sciences, the Head of the Regional Economy Laboratory,
Tuvian Institute for the Exploration of Natural Resources
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl
daviddabiev@yahoo.com

Abstract. The article gives a brief description of the history of economic research in various periods in the development of Tuva: the period of the planned economy of 1975-1991, the period of economic reforms of the 90s, the beginning of the two thousandth and the modern period. Based on the scientific works of such scientists as Shaktarzhik K.O., Begzi A.D., Balakin G.F., Anayban Z.V., Lebedev V.I., Kuzhuget K.S., Dabiev D.F., Soyán Sh.Ch. and other, the main problems of the republic's economy that affect the increase in poverty and low standard of living and welfare in the republic are shown. In order to overcome these and other problems, the importance and expediency of a scientifically-based approach to the integrated development of the republic, which would be aimed not only at the development of a significant natural resource potential of the region, but also at the opportunities for the development of small and medium-sized businesses in the republic in various sectors of the economy, is shown. The implementation of large investment projects would allow, on the one hand, to realize the economic potential of natural resources, create transport and energy infrastructure for the further development of the republic, on the other hand, these projects should take into account and contribute to the development of small and medium-sized producers of the republic, which, in general, reflect the economic interests of the population of the republic.

Keywords: economic, research, Tuva, history, scientists, TNR, development, infrastructure, industry, agriculture, sedenterization

Период 1944–1960 гг. Вхождение Тувы в состав Советского Союза в 1944 г. сыграло огромную роль не только в хозяйственной и культурной жизни, но и дало значительный импульс в развитии науки и становлении научных кадров республики. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), созданный 1 октября 1945 г. на базе Ученого Комитета Тувинской Народной Республики (УК ТНР)¹ по праву является первым научным институтом Тувы, в котором были организованы три сектора: языка и письменности, литературы и фольклора, истории и этнографии. Следует отметить, что в 1954 г. был создан четвертый сектор – сектор экономики, с которого и начались первые экономические исследования Тувы [16, с. 308].

Экономические исследования в этот период имеют условно два направления [4]:

- Исследование отраслей экономики Тувинской автономной области – сельское хозяйство, промышленность, внешняя торговля и т.д.
- Исследование истории отраслей и экономики Тувы, в целом, как в период ТНР, как в период Тувинской автономной области (1945–1960 гг.).

Первые кандидатские диссертации по экономике, посвященные Туве, связаны не только с проблемами и перспективами развития различных отраслей, но и с историей области в период ТНР и социалистического периода до 60-х годов XX века.

Из экономических статей выделяется работа Ковалева В.Г. на историческую тему «Из истории тувинского революционного союза молодежи», которая была издана в седьмом выпуске Ученых записок ТНИИЯЛИ [9], в котором показана история тувинской революционной молодежной организации (ревсомольцев) в период 1924 по 1944 гг.

Весьма содержательна и интересна работа Башарова П.Г. о внешнеэкономических отношениях ТНР и СССР [2]. Автор в своей работе указывает, что если в двадцатые годы XX века весомую долю во внутренней и внешней торговле занимал иностранный капитал (например, доля китайских предприятий составляла примерно 20% экспорта ТНР), то с ликвидацией класса феодалов и с вытеснением частного капитала во внутренней и во внешней торговле, которое произошло в 1930–1931 гг., значительно укрепляются экономические и культурные связи между ТНР и СССР.

---

¹ Ученый Комитет Тувинской Народной Республики – период функционирования с 1930 по 1944 гг.

Копеев В.А. – первый тувинский ученый-экономист – в своей работе «К вопросу об условиях перехода Тувы от феодальных отношений к социалистическим» [11] рассматривает не только тему внешнеторговых отношений ТНР, но и вопросы становления государственной финансовой системы ТНР, в которой роль и помощь Советского Союза оказалась неоценимой.

Укажем здесь, что в период 1944–1955 гг. произошли кардинальные изменения в экономике Тувы: были созданы новые города и поселки, в которых появились не только новые отрасли производства в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, торговле, но и появились новые школы, детские сады, поликлиники, библиотеки, дома культуры, началось жилищное строительство.

Интегрирование экономики ТНР в систему народного хозяйства Советского Союза происходило по всем направлениям: жилищному и коммунальному строительству, промышленности, сельскому хозяйству, банковской сфере, органов исполнительной власти. Например, по информации исследователей финансовой сферы Тувинской АССР Тульчинского Л.И. и Каплунова А.И., на жилищно-коммунальное строительство в период 1945–1958 гг. было направлено более 80 миллионов рублей бюджетных средств, при этом только за период 1955–1958 гг. построено более 30 тыс. кв. метров жилья за счет бюджетных средств, и столько же построено за счет государственного кредита и личных сбережений граждан [7].

Вкратце рассмотрим основные параметры экономического развития Тувы за этот период. В более чем в полтора раза выросла численность населения, при этом в более чем четыре раза выросла доля городского населения, которая уже к 1955 г. достигла 27,5% от общей численности населения области (табл. 1). Значительное увеличение численности населения в этот период связано с относительно большим притоком населения из других районов Советского Союза после добровольного вхождения Тувы в состав СССР, при этом удельный вес некоренного населения увеличился с 15 до 40% в общей численности населения.

Таблица 1

Численность населения Тувинской автономной области за 1945–1955 гг.

	1945	1950	1955
<i>Население</i>			
Всего населения, тыс. чел.	101,5	141,7	166,4
в т.ч. городское, %	6,5	21,7	27,5

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

Промышленное производство в период ТНР в целом обеспечивало внутренние потребности государства, но характеризовалось небольшими объемами производства и ограниченным разнообразием выпускаемой продукции, было распространено кустарное ремесленное производство. Например, по данным Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. из 15168 хозяйств 509 относилось к хозяйствам кустарей [17], при этом более 84% этих кустарных хозяйств были сосредоточены на территории трех хошунов из пяти – Барын-Хемчик, Зюн-Хемчик, Улуг-Хем¹.

Становление промышленного производства исследовал Ковалев А.Г., который в своей работе «Создание и развитие социалистической промышленности в Туве» рассматривает следующие этапы развития промышленности в ТНР [8]:

- Период до 1926 г., при котором в основном развивался индивидуальный кустарный промысел (столярное, обувное дело, выделка кожи, пошив одежды и т.д.)
- Период с 1926 по 1934 гг. С принятием в 1926 г. решений V съезда Тувинской народной революционной партии (ТНРП) происходит процесс кооперирования кустарных промыслов.

В период с 1934 по 1941 гг. идет формирование первых социалистических государственных промышленных предприятий (табл. 2) – строительство кожевенного и лесопильного завода в Кызыле в

¹ В настоящее время это территории Барун-Хемчикского, Бай-Тайгинского, Монгун-Тайгинского, Дзун-Хемчикского, Овюрского, Чаа-Хольского, Улуг-Хемского, Чеди-Хольского кожуунов.

1934 г., строительство и передача Советским Союзом оборудования для горной промышленности ТНР в 1935 г. на сумму 3,8 млн. руб., строительство Советским Союзом в 1936 г. электростанции в Кызыле.

Таблица 2

Объем промышленного производства в ТНР в государственных и кооперативных предприятиях в период 1932–1936 гг. (в ценах соответствующих лет, тыс. акша¹)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Кустарно-промысловые артели	553	1960	1802	1277	1382
Государственные промышленные предприятия	-	-	504	913	892
Всего	553	1960	2306	2190	2274

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

Период Великой Отечественной войны – в этот период промышленное производство ТНР было перестроено в соответствии с условиями военного времени. Было расширено производство в наиболее крупных предприятиях, построены новые цеха в ряде предприятий для производства продукции необходимых для фронта. При этом, за счет использования внутренних ресурсов, увеличился объем производства товаров широкого потребления в ТНР, которое привело к сокращению промышленных товаров, ввозимых из СССР в Туву, что было весьма важным подспорьем в условиях военного времени. В период 1941–1943 гг. доля продукции местного производства в розничном товарообороте увеличилась с 9,1 до 21,6 %.

1944–1960 гг. – период Тувинской автономной области. В этот период начинается процесс интеграции промышленности ТНР в систему общегосударственного планового социалистического хозяйства СССР.

Таблица 3

Основные показатели промышленного развития Тувинской автономной области за период 1945–1955 гг.

	1945	1950	1955
<i>Промышленное развитие</i>			
Число промышленных предприятий (единиц)	50	661	752
Валовая продукция всей промышленности (в ценах 1952 г., тыс. руб.)	21,2	79,6	137,3
<i>Выпуск основных видов продукции промышленности в натуральном выражении:</i>			
Уголь, тонн	6,5	19,7	82,0
Кирпич строительный, млн. т	0,6	3,8	7,7
Пиломатериалы, куб. м.	4,0	24,0	325,0
Обувь кожаная, тыс. пар	9,0	9,0	15,0
Обувь валяная, тыс. пар	8,0	11,0	21,0
Масло животное, тонн	3,0	38,0	55,0
Рыба (улов), тонн	79,0	106,0	53,0
Мясо, тонн	116,0	203,0	560,0
Мука, тыс. тонн	1,0	12,0	18,0
Соль (добыча), тонн	19,0	2860	1297,0

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

¹Акша – денежная единица в ТНР.

В период 1945–1950 гг. была полностью обновлена техническая и технологическая база промышленности, были переоснащены старые и созданы новые промышленные предприятия, которые обеспечили высокие темпы роста промышленного производства [1, с. 106]. Валовая продукция всей промышленности в 1955 г. по сравнению с 1945 г. увеличилась в более чем в шесть раз (табл. 3). При этом на порядок увеличился выпуск основных видов продукции промышленности: кирпича, пиломатериалов, угля, добычи соли.

Эти и другие изменения в народном хозяйстве Тувы не могли не сказаться на растущем росте энергопотребления. В период ТНР одной из острых проблем являлся дефицит электроэнергии, которого не хватало не только для предприятий народного хозяйства, «...но и даже не позволяло обеспечивать бытовые нужды городского населения» [6, с. 65].

Таблица 4

Мощность электростанций и производство электроэнергии

	1945	1950	1955
Мощность электрогенераторов всех электростанций (тыс. квт),	0,4	1,8	6,9
в т.ч. гидроэлектростанций	-	0,4	0,7
Произведено электроэнергии всеми электростанциями (млн. квтч)	0,9	3,1	9,4
в т.ч. гидроэлектростанциями	0,1	0,3	0,5

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

В табл. 4 показано, что по данным 1955 г. мощность электрогенераторов всех электростанций увеличилась по сравнению с 1944 г. в 17 раз, при этом выработка электроэнергии увеличилась в 10,4 раза. «... К концу 1950-х годов количество энергоустановок увеличилось с 7-ми до 190 единиц. В 1959 г. дала ток первая очередь Кызылской паротурбинной электростанции, в 1961 г. введена в эксплуатацию теплоэлектростанция (ТЭЦ) комбината «Тувакобальт» в пос. Хову-Аксы.» [1, с. 106].

Неудивительно, что одной из первой научных работ сектора экономики ТНИИЯЛИ следует считать статью В.В. Осиповой «Из опыта электрификации колхозного производства в Советской Туве», которая вышла во втором выпуске Ученых записок ТНИИЯЛИ [12]. В своей статье В.В. Осипова затрагивает одну из основных проблем экономики Тувы в период 50-х годов XX века – недостаток электроэнергии как для бытовых нужд, так и для механизации производства в промышленности и сельском хозяйстве, и предлагает использовать потенциал энергетических ресурсов территории: «Тувинская автономная область располагает богатыми энергетическими ресурсами, которые могут служить источниками получения дешевой электроэнергии: в области много горных рек, потенциальная мощность которых превышает более 8 млн. квт., недра Тувы таят в себе большие запасы высококачественных углей, около половины территории области покрыты лесами» [12, с. 60].

Коренным образом изменилось сельское хозяйство, а с ним и быт тувинского народа – кочевое, в большей степени натуральное хозяйство сменилось оседлым (табл. 5).

Таблица 5

Число хозяйств в сельской местности Тувинской автономной области за период 1945–1955 гг.

	1945	1950	1955
Хозяйства колхозников, (тыс. хозяйств)	4,2	10,8	16,3
Процент коллективизации, %	21,9	60,3	96,4

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

Учитывая сложность колхозного и совхозного строительства, которое происходило одновременно с переходом тувинцев на оседлую жизнь, в 50-е годы XX-века этим вопросам было уделено особое внимание. В работах Осиповой В.В [13], Конгар Н.М [10] и других авторов показывается бесспорное преимущество коллективных хозяйств перед аратскими хозяйствами.

Известно, что в 1933–34 гг. Правительство ТНР было вынуждено отказаться от коллективизации и временно признать частную инициативу в экономике, после контрреволюционных выступлений как со стороны тувинцев–аратов, так и со стороны русских крестьян, и распустить все коллективные образования, перестроить экономическую и налоговую политику на поощрение индивидуальных хозяйств, которые должны были стать основной народного хозяйства страны [13]. Эти и другие меры уже через четыре года дали положительные результаты. Значительно уменьшилось количество бедняцких хозяйств, которые имели скота до 5 бодо (с 14,9 до 6,6%), увеличились группы зажиточных середняков, к которым относились хозяйства, имевшие от 30 до 50 бодо (с 8,2 до 15,8%) и так называемой байской¹ группы, к которой относились хозяйства, имевшие от 30 до 50 бодо (с 8,2 до 15,8%). Отметим также уменьшение числа наиболее бедных хозяйств, не имевших скота (табл. 6).

Таблица 6

Группировка аратских хозяйств ТНР в период 1931–1937 гг.

Группы хозяйств	Имеется скота (переводных голов – бодо ²)	1931		1937
		Количество хозяйств	Процент хозяйств	Количество хозяйств
Не имевшие скота	0	204	1,3	151
Бедняцкие хозяйства	до 5	2304	14,7	1079
Хозяйства середняков	от 5 до 30	11330	72,4	11923
Хозяйства зажиточных середняков	от 30 до 50	1255	8,0	2580
Байские хозяйства	от 50	555	3,5	675
ИТОГО		15648	100,0	16408

Составлено по: Осипова В.В. Колхозное строительство в Туве. // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – С. 41–63.

Безусловно, в советское время исследователи не могли не заметить некоторого успеха в развитии животноводства ТНР, но эти результаты были освещены как неприемлемые для страны: «...Курс на развязывание частной инициативы и отказ от политики ограничения и вытеснения байства объективно вели ни к чему иному, как к росту капиталистических отношений в деревне, к дифференциации аратства» [13, с. 47]. С другой стороны, в условиях жесткой советской идеологии, невозможно было по другому объяснить увеличение середняков среди аратских хозяйств в период ТНР, и необходимость доказывания преимущества социалистического типа хозяйствования перед капиталистическим, в какой бы форме оно не существовало, на наш взгляд, было очень важным для авторов.

Переход на оседлость тувинцев-аратов требовал также организации учебы для их детей. По информации Сердобова Н.А., в 1945–1946 гг. семь тысяч пятьсот детей тувинцев-аратов были взяты на государственное обеспечение, а в 1956–1957 гг. были созданы первые школы-интернаты при общеобразовательных школах области, в которых училось более 7 тысяч детей аратов, родители которых работали на животноводческих фермах [15].

Безусловно, в то непростое время, эти и другие меры, принятые правительством области, были необходимыми для встраивания в советскую систему народного хозяйства, но, к большому сожалению, они имели ряд недостатков. Переход с кочевого на оседлый образ жизни, в большей своей

¹От тувинского слова бай – богатый.

²БОДО - условно приведенная единица скота в период ТНР. 1 бодо было эквивалентно 1 гол. КРС, либо 1 лошади, либо 10 гол. МРС.

части, проводился жесткими командно-административными методами. А внедрение интернатной системы образования для детей тувинцев-аратов в дальнейшем способствовало распространению у некоторой части коренного населения Тувы иждивенческих настроений [6, с. 62]. Эти и другие факторы, возможно, сыграли значительную роль в ломке духовных ценностей и потере ценностных ориентиров, которые впоследствии привели к росту преступности и смертности трудоспособного населения в республике в советское время, усугубившиеся в рыночный период [3].

Тем не менее, сельское хозяйство получило новый импульс развития: в 1945 г. в Советской Туве были созданы машинно-тракторные станции (МТС), араты-индивидуальные единоличники начали объединяться в ТОЖЗЕМы¹, которые в 1948 г. были переведены на Устав сельхозартелей, члены которых были приняты в колхозы [5]. При этом, если в 1945 г. как в растениеводстве, так и в животноводстве преобладающее положение занимали единоличные хозяйства, то уже к 1953 их доля была сведена к минимуму (табл. 7).

Таблица 7

Распределение посевных площадей, КРС, МРС, лошадей между единоличными и колхозными хозяйствами Тувинской автономной области в период 1945-56 гг.

Показатель	1945		1950		1953		1956
	у колхозов	у единоличников	у колхозов	у единоличников	у колхозов	у единоличников	у колхозов
<i>Растениеводство</i>							
Посевные площади, всего	30,1	58,0	65,2	20,1	85,6	1,2	82,8
В т.ч. под зерновыми	29,9	58,5	66,8	21,3	89,6	1,2	87,8
<i>Животноводство</i>							
КРС	2,9	66,5	24,0	30,0	45,1	3,8	51,7
МРС	2,1	62,4	37,3	31,5	70,4	3,4	79,0
Лошади	6,0	58,5	47,3	24,4	76,2	2,1	79,6

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.

Несмотря, в целом, на спокойный переход на коллективный способ хозяйствования, некоторых потерь в сельском хозяйстве не удалось избежать. По сравнению с 1945 г. к 1950 г. значительно сократилась численность крупного рогатого скота, овец и коз, лошадей, оленей (табл. 8). «... Недовольство аратов перспективой бесплатной передачи своего скота в колхозы приводило к его массовому забою», – подчеркивали Г.Ф. Балакина и А.Д. Бегзи в своей монографии, посвященной экономике Тувы [1, с. 106].

Преодолеть переходный период перехода на оседлость с одновременной коллективизацией тувинского народа стало возможным благодаря реализации комплексных мероприятий, проведенными в этот период правительством Тувы при поддержке Советского Союза: в целях роста механизации АПК была значительно укреплена материально-техническая база МТС, было широко развернуто сельскохозяйственное кредитование для развития колхозов, средства которых были направлены на производственное строительство, на строительство животноводческих помещений и электростанций и т.д. Кроме этого, для бывших аратов было начато комплексное жилищное строительство в колхозах за счет государственных ссуд [13].

Эти и другие мероприятия позволили к 1960 году стабилизировать численность поголовья скота, а по растениеводству превзойти уровень 1945 г. в несколько раз (табл. 7).

¹ТОЖЗЕМ - форма коллективного объединения аратов в период ТНР в виде товариществ по общественному развитию животноводства и земледелия.

Основные показатели сельского хозяйства Тувинской автономной области за период 1945–1960 гг.

	1945	1950	1955	1960
<i>Парк тракторов, комбайнов:</i>				
Число тракторов, шт.	98	333	631	1391
Число зерновых комбайнов, шт.	20	53	283	755
<i>Рост посевных площадей во всех категориях хозяйств (тыс. га)</i>				
Вся посевная площадь	61,4	70,5	117,2	279,8
Зерновые культуры	58,2	66,0	92,5	193,6
В т.ч. пшеница	19,8	31,8	54,7	
Кормовые культуры	2,0	2,6	20,5	80,0
Овоще-бахчевые и картофель	0,7	1,3	3,1	5,7
<i>Численность скота во всех категориях хозяйств (на конец года - тыс. голов)</i>				
КРС	143,9	102,8	113,6*	137,6
Свиньи	2,4	4,2	26,7*	26,0
Овцы и козы	538,5	413,1	661,6*	873,4
Лошади	61,6	49,5	61,2*	42,3
Олени	8,0	3,1	-	5,8
Верблюды	0,8	0,8	1,0*	-
<i>Валовый сбор сельскохозяйственных культур во всех категориях хозяйств (тыс. т)</i>				
Зерновые культуры	44,5	109,3	98,2	122,2
в т.ч. пшеница	26,2	66,3	60,8	
Картофель	1,2	3,1	4,7	25,1
Овощи	0,3	1,6	1,4	3,8

Составлено по: Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.; Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. – Кызыл: Тывастат, 2014. – 208 с.

Таким образом, за сравнительно короткий срок была осуществлен перевод тувинцев-аратов с кочевого образа жизни на оседлый с одновременным переходом с единоличного на коллективный способ хозяйствования.

Укажем здесь, что именно в этот период развития Тувы экономические исследования являлись не только отражением развития общества, выполняя агитационную роль коммунистической партии, но и становятся важным инструментом анализа, прогнозирования и планирования различных отраслей народного хозяйства в целом.

Список литературы:

1. Балакина Г.Ф., Бегзи А.Д. Экономика Тувы: возможные стратегии развития. – Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2016. – 380 с.
2. Башаров П.Г. Внешнеторговые отношения между ТНР и СССР // Ученые записки. Выпуск VII. Кызыл. – 1959. – С. 31-38.
3. Dabiev D.F. Estimation of Impact of Crime the Development on the Human Potential (the Case of Russia's Regions) // Journal of Advanced Research in Law and Economics, Volume IX, Issue. 5(35) Fall 2018. – p. 1622-1630. (Date accessed: 12 June 2019.) [https://doi.org/10.14505/jarle.v9.5\(35\).13](https://doi.org/10.14505/jarle.v9.5(35).13)
4. Дабиев Д. Ф. Экономические исследования в период Тувинской автономной области (1945–1961 гг.) // Новые исследования Тувы. – 2020. – № 2. – С. 260-275. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.18
5. Донгак С.Ч. К трансформации тувинского кочевого скотоводства в XX начале XXI вв.// Омский научный вестник. – 2007. – №4 (58). – С. 43-45.

6. История Тувы: в 3 т. – Т. III. / Под общ. Ред. Н.М. Моллерова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 455 с.
7. Каплунов А.И. Бюджет Советской Тувы. // Ученые записки. Выпуск VII. Кызыл. – 1959. – С. 39-43.
8. Ковалев А.Г. Создание и развитие социалистической промышленности в Туве // Ученые записки. Выпуск XII. Кызыл. – 1967. – С. 57-69.
9. Ковалева В.Г. «Из истории тувинского революционного союза молодежи». // Ученые записки. Выпуск VII. Кызыл. – 1959. – С. 23-30.
10. Конгар Н.М. Совхозы Тувинской автономной области. // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – С. 31-40.
11. Копеел В.А. К вопросу об условиях перехода Тувы от феодальных отношений к социалистическим // Ученые записки. Выпуск XII. – Кызыл. – 1967. – С. 186-199. (278 с.)
12. Осипова В.В. Из опыта электрификации колхозного производства в Советской Туве. // Ученые записки. Выпуск II. – Кызыл. – 1954. – С. 52-62.
13. Осипова В.В. Колхозное строительство в Туве. // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – С. 41-63.
14. Сейфуллин Х.М. Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 308 с.
15. Сердобов Н.А. Народное образование в Советской Туве. // Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – С. 104-112.
16. Тока С.К. 10 лет в Советской многонациональной семье. // Ученые записки. Выпуск II. – Кызыл. – 1954. – 183 с.
17. Тувинская автономная область в цифрах// Ученые записки. Выпуск V. – Кызыл. – 1957. – 256 с.
18. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. – М. 1933. – 169 с.
19. Тульчинский Л.И., Каплунов А.И. Очерки бюджета Тувы. отв. ред. В. П. Солдатов. Кызыл: Тувинское книжное издательство. – 1972. – 136 с.
20. Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. – Кызыл: Тывастат, 2014. – 208 с.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_10
УДК 930.1(571.56)+929Гоголев

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ: З.В. ГОГОЛЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЯКУТИИ

Петров Пантелеймон Пантелеймонович,
к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
pantpetrov48@mail.ru

Аннотация: В статье впервые предпринята попытка рассмотреть жизненный путь и проанализировать труды известного историка, участника Великой Отечественной войны З.В. Гоголева, стоявшего у руля академической гуманитарной науки в Якутии более десяти лет. Отмечено, что под его руководством Институт языка, литературы и истории вышел на новый уровень научных исследований. Были изданы фундаментальные труды по истории, этнографии, археологии, языкознанию и фольклору. Выросли новые кадры научной интеллигенции. Дана оценка вкладу З.В. Гоголева в изучение истории социально-экономического развития Якутии конца XIX – 1-ой половины XX вв.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политработник, Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, организатор науки, история Якутии, история Сибири, социально-экономическое развитие, частная собственность на землю

HISTORIANS AND HISTORY IN PERSONS: Z.V. GOGOLEV – RESEARCHER OF THE SOCIO-ECONOMIC HISTORY OF YAKUTIA

Petrov Panteleymon Panteleymonovich,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of History and Arctic Studies,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
pantpetrov48@mail.ru

Abstract. The article for the first time attempts to consider the life path and analyze the works of the famous historian, participant of the Great Patriotic War Z.V. Gogolev, who stood at the helm of academic humanities in Yakutia for more than ten years. It is noted that under his leadership, the Institute of Language, Literature and History has reached a new level of scientific research. Fundamental works on history, ethnography, archeology, linguistics and folklore were published. New cadres of scientific intelligentsia have grown. The contribution of Z.V. is evaluated. Gogoleva in the study of the history of socio-economic development of Yakutia in the late XIX – 1st half of the XX centuries.

Keywords: Great Patriotic War, political worker, Institute of Language, Literature and History of the USSR Academy of Sciences, organizer of Science, history of Yakutia, history of Siberia, socio-economic development, private ownership of land

Будущий крупный организатор науки, ученый–историк З.В. Гоголев родился 1 августа 1911 г. в Дюпсунском улусе Якутской области в семье крестьянина-середняка. После окончания Якутского педагогического техникума работал в аппарате ЦИК ЯАССР, затем в обкоме РКСМ. В 1936 г. поступил на исторический факультет Московского института истории, философии и литературы, который с отличием закончил в 1940 г. и поступил в аспирантуру на кафедру истории восточных стран.

С первых дней начала войны он записывается добровольцем в народное ополчение Ленинского района города Москвы, которое в тяжелые дни войны в ноябре 1941 г. было преобразовано в 1281-й стрелковый полк 60 стрелковой дивизии. Политрук 9-й роты З.В. Гоголев впоследствии писал: «...В первых числах октября 1941 г. наступающие части врага севернее г. Смоленска прорвали оборону Западного фронта и в районе Рославля продвинулись в направлении Москвы. Создалась опасность окружения врагом наших войск, державших оборону под г. Ельня. Наша дивизия, оказывая упорное сопротивление, отступала с большими потерями. Авиация противника постоянно бомбила наши позиции, а танки прорывали оборону дивизии. Несмотря на наступление превосходящих сил врага, с упорными боями мы вышли из окружения южнее столицы. В конце ноября во время ожесточенного боя я был тяжело ранен в ногу»¹.

Во время оборонительных сражений под г. Ельня политрук роты З.В. Гоголев замещал командира роты, лично уничтожил двух фашистов. В боях за Родину офицер З.В. Гоголев с августа 1941 г. вплоть до ранения в апреле 1942 г. находился на передовых позициях, на самых трудных участках борьбы с врагами, не раз сталкивался со смертью лицом к лицу. Весной был тяжело ранен второй раз и с августа того же года находился в резерве политуправления армии. До 1948 г. в звании капитана служил преподавателем Киевского краснознаменного военного пехотного училища. За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими оккупантами, З.В. Гоголев был награжден орденом «Боевого Красного Знамени» и медалями [1, с. 29–30; 3, с. 36; 5, с. 38].

В 1948 г. он защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Советско-турецкие отношения в 1919–1923 гг.», в которой было освещено военное сотрудничество молодых государств РСФСР и Турции. Новоиспеченного историка приглашают на работу в Институт языка, литературы и истории при Совете Министров Якутской АССР в качестве директора. С 20 октября 1949 г. по 1963 г. он возглавляет институт, а с 1958 г. – одновременно становится заместителем председателя президиума Якутского филиала АН СССР. В 1963 г. он и его семья переезжают в г. Но-

---

¹ Музей истории академической науки Якутии ИГИПМНС СО РАН. Ф.19. НВФ. № 845.

восибирск. З.В. Гоголев работает сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором общих проблем истории Института истории, филологии и философии СО АН СССР [6, с. 14–16].

Наиболее плодотворно трудился он в родной Якутии, возглавив центр гуманитарного направления республики – Институт языка, литературы и истории, созданный по инициативе П.А. Ойунского в 1935 г. В годы войны институт временно был закрыт. В 1944 г. он возобновил свою деятельность и испытывал определенные трудности в кадрах и в решении поставленных научных задач. Лишь с включением института в систему академической научной структуры союзного масштаба в 1947 г. началось подлинное его становление как научно-исследовательского учреждения, тесно связанное с именем Захара Васильевича. В период его деятельности на посту директора Институт значительно расширился, укрепился научными кадрами, оживилась его научно-исследовательская деятельность, усилился его контакт с центральными научно-исследовательскими учреждениями и учеными-якутоведами, что сыграло важную роль в изучении истории материальной и духовной культуры народов Якутии и разработке научной грамматики якутского языка.

С 1947 г. началось написание многотомной истории Якутии. Как директор института, З.В. Гоголев вплотную занимался проработкой основных направлений томов, подбора редакционной коллегии, авторского коллектива, авторов статей и глав, их экспертизы путем обсуждений, устранения недостатков и замечаний, выполнения редакторской и корректорской работы, выбора типографии, финансирования изданий и многими крупными и мелкими вопросами, утрясти которых мог только он один. К этой работе, наряду с местными научными кадрами, были привлечены и известные историки страны А.П. Окладников, С.А. Токарев, Н.Н. Степанов и др. Первый том «Истории Якутской АССР» был издан в 1949 г., а в 1955 г. вышло второе, дополненное его издание. В 1957 г. на свет появился второй том «Истории Якутской АССР», в написании которого приняли участие сотрудники института И.С. Гурвич, Ф.Г. Сафронов, О.В. Ионова. Авторскому коллективу института научную помощь оказали ленинградские и московские ученые, с которыми директор института поддерживал деловые связи. Последний третий том «Истории» вышел в 1963 г. Его авторами были З.В. Гоголев, В.В. Николаева, Д.Д. Петров, В.Н. Чемезов и др.

В 1950-е гг. одной из первоочередных задач в исследовательской работе З.В. Гоголев ставил сбор и публикацию архивных документальных материалов. Под его руководством сотрудники института впервые начали работу по выявлению, отбору, составлению сборников архивных материалов. В его период руководства институтом вышли такие капитальные сборники документальных материалов как «Дореволюционные события 1905–1907 гг.» (1956), «Борьба за установление и упрочение советской власти» в двух частях, в каждой по две книги (1957–1962).

Не прекращались этнографические исследования сотрудниками института, в результате чего были подготовлены и изданы «Сборник материалов по этнографии якутов» (1948), «Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии», вып. 2, (1961).

В полевые сезоны З.В. Гоголев продолжил археологическую работу, начатую еще А.П. Окладниковым. С этой целью он организовал этнографо-археологические экспедиции в Усть-Алданский, Амгинский и Колымский районы, результаты которых им обобщены в статьях, опубликованных в «Ученых записках» института. Он же привлек к работе молодую еще тогда С.А. Федосееву, которая в 1959–1963 гг. провела археологическую работу в зоне строительства Вилуйской гидроэлектростанции.

В начале деятельности З.В. Гоголева академический Институт состоял из двух секторов: языка и литературы и истории. В 1948 г. открылся сектор искусствоведческого направления, которым руководил композитор М.Н. Жирков. В нем плодотворно трудились известные краеведы П.В. Попов, М.М. Носов, в более позднее время М.Я. Жорницкая, И.А. Потапов.

З.В. Гоголев сумел еще тогда поставить и правильно сформулировать вопрос об открытии сектора фольклора. 10 марта 1961 г. вышло постановление Президиума АН СССР об открытии самостоятельного сектора фольклора, который в последующие годы проделал значительную работу по сохранению и изучению памятников устного народного творчества народов Якутии. Тогда же заметным достижением в деятельности института и его директора стало издание в двух томах «Исторических преданий и рассказов якутов» (1960) и «Якутских сказок» (1964).

Языковеды, в основном, работали по следующим направлениям: разработка вопросов научной грамматики, изучение диалектов и говоров якутского языка, лексического состава современного якутского языка и прикладных вопросов языка. По итогам исследовательской работы институт выпустил труды Е.И. Убрятовой, П.П. Барашкова, Л.Н. Харитоновой. Директор З.В. Гоголев неустанно работал над тем, чтобы молодые кадры защитили диссертации и тем самым повысили уровень научно-исследовательской работы института. В период его руководства институтом защитили диссертации в последующем известные языковеды, доктора наук Л.Н. Харитонов, Н.К. Антонов, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров. Знаменательным событием в культурной жизни республики и мировой тюркологии стало совместное с Отделом литературы и языка Академии наук СССР полное издание в 1958 г. «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского в трех выпусках.

З.В. Гоголев большое внимание уделял исследованию языка и культуры коренных малочисленных народов Якутии. В 1950-е годы приступили к составлению диалектологического словаря эвенкийского языка А.В. Романова и А.Н. Мыреева. В 1964 г. они выпустили «Очерки Учурского, Момского и Токкинского говоров». В 1955–1956 гг. Л.Д. Ришес занималась изучением диалектов эвенов Момского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов.

В период деятельности З.В. Гоголева институт в количественном и качественном отношении значительно вырос. Если в 1947 г. в нем было 26 научных и научно-технических работников, в том числе 7 кандидатов наук, то к концу 1967 г. – 52 человека, в том числе 2 доктора и 22 кандидата наук. С 1951 г. институт выпускал «Ученые записки». Всего вышло 5 выпусков (1951, 1955, 1956, 1958), а с 1959 г. – «Труды ИЯЛИ». В них печатались статьи сотрудников института, преподавателей ЯГУ, других научных учреждений.

Вместе с тем, следует отметить, что за время его деятельности в качестве директора института в стране произошли такие крупные общественно-политические события как смерть И.В. Сталина и разоблачение его культа личности. Научным сотрудникам, привыкшим работать в стесненных условиях идеологического диктата, было трудно пересматривать собственные сложившиеся установки.

Как известно, 6 февраля 1952 г. вышло постановление бюро Якутского обкома ВКП(б) «О буржуазно-националистических извращениях в освещении истории якутской литературы», во многом инициированное первым секретарем Якутского ОК ВКП(б) С.З. Борисовым, направленное на резкую критику книги Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», вышедшей в 1944 г. З.В. Гоголев был одним из редакторов скандально известной брошюры Н. Канаева, Г. Ефремова, Г. Тихонова «Против извращений истории якутской литературы». Серьезными недостатками страдал и изданный в 1955 г. институтом «Очерк истории якутской советской литературы».

Реабилитация незаконно репрессированных личностей, в том числе основателя института П.А. Ойунского, и пересмотр их деятельности создали новую общественно-политическую обстановку. З.В. Гоголев еще в середине 1930-х гг. опубликовал в местной прессе статью о П.А. Ойунском, что дало ему возможность более широко и глубже обозреть его творческую биографию, опубликованную в 1 томе «Сочинений» писателя. Затем З.В. Гоголев провел научную сессию Института языка, литературы и истории, посвященную 65-летию со дня рождения П.А. Ойунского и издал материалы сессии отдельной книгой «Платон Алексеевич Ойунский» (1959), в которой впервые были освещены вопросы литературной, научной и общественно-политической деятельности писателя.

После критики культа личности коллектив института, руководимый З.В. Гоголевым, начал работу с новых позиций в оценке творчества А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева, выпустив их художественные произведения: «Брыа-хоһоон» А.Е. Кулаковского (1957), «Талыллыбыт айымньылар» А.И. Софронова (1959), «Талыллыбыт айымньылар» Н.Д. Неустроева (1959), «Сочинения» П.А. Ойунского (Т.1, 2, 6 (1958, 1960)). Во многом плодотворная и последовательная работа сотрудников института, руководимого З.В. Гоголевым, подготовила почву для выхода постановления ОК КПСС от 16 февраля 1962 г. «Об исправлении ошибок в освещении некоторых вопросов истории якутской литературы», которое в последующие годы создало определенный благоприятный климат в изучении литературного наследия трех дореволюционных писателей в русле коммунистической идеологии.

Обстоятельства перевода З.В. Гоголева в Новосибирск в Институт истории, филологии и филологии СО АН СССР остаются неизвестными. Но можно предположить, что он готовил докторскую диссертацию и надеялся защитить ее в академическом институте, руководимом А.П. Окладниковым, с которым он поддерживал деловые, научные и дружественные связи. В новом Институте он вошел в редакционную коллегию и стал заместителем главного редактора пятитомной «Истории Сибири». Им были подготовлены раздел о древних якутах в первый том и разделы о народах Сибири в третий и четвертый тома.

Несмотря на большую загруженность, Захар Васильевич сумел подготовить и издать книгу «Якутия на рубеже XIX–XX вв. (Социально-экономический очерк)» в 1970 г., через два года – книгу «Социально-экономическое развитие Якутии (1917–1941 гг.)». В первой книге автор сделал подробный анализ развития промышленности, торговли, сельского хозяйства и промыслов; изложил свой взгляд на характер земельных отношений и расслоения якутского крестьянства; рассмотрел вопросы колониальной политики царизма, революционной борьбы в 1905 г., исторических событий периода Февральской революции и др. В книге показана история Якутии периода капитализма, изучены события накануне Октябрьской революции, которые подготовили почву для установления советской власти. Содержание этих книг стало основой его докторской диссертации, защищенной в 1972 г.

Сразу же после появления книги, вопросы, затрагиваемые в ней, стали предметом обсуждений. Методы исследования проблемы и положения, выдвинутые автором, итоги его исследовательского труда были подвергнуты жесткой критике Г.П. Башариным, который специально этому посвятил отдельную книгу под названием «Социально-экономические отношения в Якутии второй половины XIX–XX века (по поводу книги З.В. Гоголева «Якутия на рубеже XIX–XX вв.»). Основные расхождения двух крупных ученых того времени состояли в вопросах определения степени развития капиталистических отношений в Якутии, времени возникновения и численности буржуазии и пролетариата, выяснения развития таких сфер хозяйства как торговля, кустарно-промысловые и производственные предприятия, выявления уровня развития общественных отношений и форм классовой борьбы. Одним из самых дискуссионных стал вопрос о частной собственности на землю.

Захар Васильевич в своей книге поддержал выводы профессора Ф.Г. Сафронова об отсутствии частной собственности на землю в Якутии, утверждая, что земля принадлежала якутским общинам и русским сельским обществам, что верховным собственником земли являлось государство в лице царя. В свою очередь, Г.П. Башарин повторил свой тезис о монопольном праве собственности на землю якутскими тойонами, фактически являющихся полными распорядителями и собственниками земли, развернутый анализ которого он дал еще в книге «История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.» (М., 1956). Конечно, мы все теперь знаем, что все их труды носили отпечаток того времени, в котором они создавались, когда марксистско-ленинские догмы довлели над ними, и не только, они властвовали над всеми.

Между делом, З.В. Гоголев присоединился к археологической экспедиционной деятельности А.П. Окладникова и побывал в заполярном Зашиверске, что на территории Момского района Якутской АССР. Там же было принято решение перенести чудом сохранившуюся в первозданном виде древнюю Зашиверскую Спасскую церковь в Академический городок под Новосибирском. Он возглавил исследовательскую группу, которая занялась поисками документальных материалов в архивах страны об этом храме. Итогом деятельности этой экспедиции явилось издание капитального труда «Древний Зашиверск», соавтором которого был З.В. Гоголев.

В то же время дискуссия о проблемах социально-экономического развития Якутии на рубеже XIX–XX вв. перешла в политическую плоскость. Якутский обком КПСС, считая, что развитие общественных наук, в том числе исторической науки, находится в центре внимания партии, приступил к рассмотрению итогов дискуссий. 24–25 декабря 1974 г. в областном комитете партии состоялось совещание историков республики. В совещании приняли участие члены и кандидаты в члены бюро обкома КПСС, ответственные работники обкома партии, ученые историки Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, Якутского госуниверситета, научных учреждений Москвы и Новосибирска. Приехал тяжело больной З.В. Гоголев.

В обсуждении доклада, с которым выступил секретарь обкома партии Ю.Н. Прокопьев, приняли участие директор Института истории, филологии и философии СО АН СССР академик А.П. Окладников, председатель президиума Якутского филиала СО АН СССР, член-корреспондент АН СССР Н.В. Черский, директор Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, доктор филологических наук Е.И. Коркина, проректор Якутского государственного университета, профессор Н.С. Иванов, заведующий отделом истории Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР, профессор Ф.Г. Сафронов, профессора Якутского государственного университета Г.П. Башарин и И.М. Романов, первый секретарь Якутского горкома КПСС Н.И. Соломов, профессор Московского заочного педагогического института А.И. Новгородов, заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС А.А. Попов, старейший член КПСС А.В. Паулин, первый секретарь Якутского обкома ВЛКСМ кандидат исторических наук А.А. Томтосов, кандидаты исторических наук Р.В. Шелехова, Е.Е. Алексеев, А.А. Иванова, В.С. Познанский, В.Н. Иванов, И.А. Тарасов и др.

С большим вниманием было выслушано выступление заведующего сектором Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС профессора С.С. Хромова. На совещании с большой речью выступил первый секретарь обкома Г.И. Чиряев. Участники совещания по актуальным вопросам исторической науки Якутии приняли тогда рекомендации, которые в обобщенном виде были опубликованы в республиканских официальных газетах в марте 1975 г. Во время перерыва совещания 24 декабря 1974 г. произошел трагический случай, в результате которого оборвалась жизнь замечательного человека, видного ученого, организатора науки З.В. Гоголева. Под некрологом, помещенном в газете «Социалистическая Якутия» от 26 декабря 1974 г., подписались Ю.Н. Прокопьев, А.П. Окладников, Н.В. Черский, Н.И. Соломов, В.И. Федоров, Е.И. Коркина, А.И. Кузьмин, В.Н. Антипин, В.В. Ковальский, Н.Н. Тобуроков, Ф.Г. Сафронов, А.И. Новгородов, И.С. Гурвич, А.В. Паулин, А.А. Пономарев и др. З.В. Гоголев был похоронен на кладбище по Виллойскому переулку г. Якутска. На его могиле установлен скромный надгробный памятник из красноватого гранита без излишних надписей.

Что касается основных выводов, изложенных в его трудах, за исключением, может быть, определения, состава и численности пролетариата в городах Якутии, они были поддержаны и в дальнейшем продолжены последующими исследователями, в том числе П.П. Петровым, В.П. Захаровым, которые на большом фактическом материале подтвердили и дальше развили выводы З.В. Гоголева [2, 4]. Государственная собственность на землю, усиленное проникновение товарно-денежных отношений в хозяйство якутских и русских крестьян, втягивание экономики Якутии в общероссийский капиталистический рынок – к такому мнению после многолетней исследовательской работы пришел и В.И. Федоров [7, с. 25, 90, 124].

Таким образом, научные труды З.В. Гоголева, пройдя испытание временем и событиями, несмотря на разные точки зрения его оппонентов, заняли достойное место в сокровищнице исторической науки Якутии.

Список литературы:

1. Антонов Е.П., Грязнухина М.Э. Наука Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг. – Якутск, 2010. – 79 с.
2. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии. – Новосибирск, 1995. – 137 с.
3. Иванов И.Ф. Офицеры-якутяне – участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Биограф. справки / И.Ф. Иванов. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1995. – 208 с.
4. Петров П.П. Города Якутии. 1861–1917 гг. (Социально-экономический очерк истории). – Якутск. – 1990. – 132 с.
5. Петров П.П. Захар Васильевич Гоголев // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2015. – №1. – С. 38–42.
6. Ученые – исследователи Института гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия). Библиографический справочник. – Якутск, 2005. – С. 14–16.
7. Федоров В.И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919 гг.). 2-е изд. – Новосибирск: Гео, 2013. – 676 с.

**РАЗДЕЛ 2.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И
ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКИХ
РЕГИОНОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И
СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ОБЩЕСТВА ПРИ ПОЛЬЗОВАНИИ НЕДРАМИ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ*

Иванова Татьяна Спартаковна,
д.ю.н., профессор кафедры
арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона
Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск
ivanovats@mail.ru

Степанова Анастасия Николаевна,
магистрант юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета, г. Якутск
Anastasiya-060996@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о внедрении крупными добывающими компаниями, осуществляющими деятельность в Арктике, политики экологической и корпоративной социальной ответственности. В Российской Федерации с учетом международных норм и стандартов принимаются нормативные правовые акты, регулирующие взаимоотношения государства, недропользователей и местного сообщества, коренных малочисленных народов Севера при пользовании недрами. В своих нефинансовых отчетах, в отчетах об устойчивом развитии недропользователи представляют информацию о мерах по устранению различных рисков, в том числе связанных с негативным воздействием промышленности на окружающую среду в регионе своей ответственности, о проводимой социальной политике, соглашениях с коренными малочисленными народами. Но принимаемые меры все еще не эффективны, требуют учета мнения всех заинтересованных сторон и совершенствования законодательства.

Ключевые слова: добывающие компании, публичная нефинансовая отчетность, корпоративная социальная ответственность, экологическая ответственность, социально ответственный бизнес, стандарт ответственности.

INTERACTION OF GOVERNMENT, BUSINESS AND SOCIETY IN THE USE OF MINERAL RESOURCES IN THE ARCTIC: NEW LANDMARKS

Ivanova Tatyana Spartakovna
Doctor of Law, Professor of Department of Arctic Law and Law of the Asia-Pacific Region of the North-Eastern
Federal University, Yakutsk
ivanovats@mail.ru

Stepanova Anastasia Nikolaevna,
undergraduate student of the Law Faculty
of the North-Eastern Federal University, Yakutsk
Anastasiya-060996@mail.ru

Abstract. The article deals with the introduction of environmental and corporate social responsibility policies by large mining companies operating in the Arctic. In the Russian Federation, taking into account international norms and standards, regulatory legal acts are being introduced that regulate the relationship between the state, subsoil users and the local community, indigenous peoples of the North in the use of subsoil. In their non-financial reports, in their sustainable development reports, subsoil users provide information on measures to eliminate various risks, including

---

*Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в соответствии с исследовательским проектом № 21-510-22001 «Государственное регулирование недропользования и охраны окружающей среды во Франции и в арктической зоне Российской Федерации: сравнительное исследование, методология и практика», проводимым совместно РФФИ и Фондом «Дом наук о человеке» Франции.

those related to the negative impact of industry on the environment in the region of their responsibility, on the social policy pursued, and agreements with indigenous minorities. But the measures taken are still not effective; they require taking into account the views of all stakeholders and improving legislation.

Keywords: mining companies, public non-financial reporting, corporate social responsibility, environmental responsibility, socially responsible business, responsibility standard.

Общеизвестно, что добыча полезных ископаемых является одной из проблемных отраслей экономики в плане негативного влияния на окружающую среду. В связи с этим необходимо создать более эффективные механизмы, которые могут уменьшить негативное влияние горнодобывающих компаний на окружающую среду и социальные конфликты, возникающие на этой почве. Органам государственной власти и местным сообществам в лице муниципалитетов, общественных организаций, представителей коренных народов необходимо иметь открытую, доступную информацию об их деятельности и принятой компаниями политике ответственности.

Этому способствуют подходы компаний к формированию публичной нефинансовой отчетности в соответствии с международными нормами и стандартами.

Сегодня российские добывающие компании сталкиваются с тем, что им необходимо представлять открытую информацию о своей деятельности, значении и влиянии той или иной компании на экономику региона, окружающую среду, взаимоотношения с местным населением и властями. Особенно это становится актуальным для российской Арктики, где в последнее время наблюдается активная деятельность по освоению недр.

В целом, «нефинансовая (внебюджетная) отчетность» – понятие для российских компаний новое. Но крупные компании с государственным участием, госкорпорации с начала 2000-х гг. ежегодно публикуют на своих сайтах социальные, экологические отчеты и отчеты об устойчивом развитии. Это отчеты, в которых содержатся сведения о стратегии компании в области этического ведения бизнеса с учетом интересов всех сторон, в отношении с которыми они вступают – контрагенты, органы государственной власти и местного самоуправления, местное сообщество. Как правило, отчеты содержат показатели эффективности корпоративного управления, безопасности производства и охраны труда, качества продукции и услуг, вклада в охрану окружающей среды, информацию о социальной политике и поддержке местных сообществ, в том числе коренных малочисленных народов Севера. Нефинансовые показатели, отражаемые в отчетах, характеризуют компанию по трем направлениям, которые именуется ESG-факторы (экологические, социальные и управления). Эти факторы выступают как критерии отбора компаний в целях инвестирования их деятельности. При этом инвестиционное сообщество все больше обращает внимание на вопросы долгосрочной устойчивости добывающих компаний, политику управления нефинансовыми рисками, то есть вопросы их устойчивого развития в будущем.

Таким образом, тема устойчивого развития стала актуальной не только в мире, но и для российской добывающей отрасли. Об этом свидетельствуют решения органов государственной власти и требования финансовых институтов, в том числе мировых бирж. Экономическая эффективность все чаще рассматривается через призму показателей социальной и экологической результативности и качества управления.

Требования о раскрытии информации о результатах деятельности стали претворяться в национальное законодательство наиболее последовательно с принятия директив Совета Европы 2013/34/UE от 26 июня 2013 г. и 2014/95/UE от 22 октября 2014 г. Директивами предусмотрена публикация внебюджетной отчетности крупными предприятиями, требуется также описание своей экологической и социальной политики, основных рисков, проблем, связанных с коммерческой деятельностью и информации об управлении этими рисками. Эта внебюджетная отчетность является ежегодной. Согласно статье 4 Директивы 2014/95/UE, государства-члены ЕС должны внедрить ее положения с 2017 г. [19].

Следующим шагом стало принятие 17 декабря 2020 г. Европейским парламентом резолюции об устойчивом управлении предприятием. 10 марта 2021 г. депутаты Европарламента проголосовали за резолюцию, содержащую рекомендации об обязанности осмотрительности и ответственности

предприятий. В свою очередь, Европейская комиссия представила проект директивы взамен Директивы 2014/95/UE, который предусматривает разъяснение передаваемых данных нефинансовой отчетности, расширение предприятий, которых касается отчетность (для стран-членов ЕС с 1 января 2026 г.) и анализ данных отчетности в рамках независимого контроля [18, с. 59]. Новые тенденции расширения ответственности при предоставлении нефинансовой отчетности также непосредственно будут распространяться и на компании добывающей отрасли.

Российская Федерация также интегрировала Европейскую Директиву 2014/95/EU в свое законодательство. В настоящее время уделяется внимание разработке нормативного регулирования формирования публичной нефинансовой отчетности. Так, распоряжением Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р была утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчетности и план мероприятий по ее реализации [8]. Действие Концепции распространяется на государственные компании и корпорации, публично-правовые компании, государственные унитарные предприятия с выручкой 10 млрд руб. и более, хозяйственные общества с государственным участием не менее 50%.

Таким образом, предоставление нефинансовой отчетности является обязательным для крупных компаний, для остальных оно имеет добровольный характер, в зависимости от конкурентоспособности.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) практикует публикации аналитических обзоров и на основе анализа выявляет лидеров крупных российских компаний. РСПП разработаны индексы для Московской биржи «Ответственность и открытость» и «Вектор устойчивого развития» [7, с. 5]. Эти индексы РСПП используются в целях оценки российских компаний на международном рынке и пока остаются независимым инструментом для их продвижения. Кроме того, РСПП публикует сборники корпоративных практик «Российский бизнес и права человека», отражающие роли компаний в активном продвижении целей устойчивого развития ЦУР-2030.

РСПП на своем сайте размещает информацию о нефинансовых отчетах компаний. Так, по состоянию на 11.10.2021 г. размещены нефинансовые отчеты 197 компаний. Всего с 2000 г. зарегистрировано 1163 отчета: социальные отчеты (374), экологические отчеты (101), в области устойчивого развития (415), интегрированные отчеты (273) [6].

С указанными отчетами можно ознакомиться на сайтах таких компаний, как ГАЗПРОМ, РОС-НЕФТЬ, АЛРОСА, ЛУКОЙЛ, НОВАТЭК, НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ, осуществляющих разведку и добычу газа, нефти, алмазов и других минеральных ресурсов в Арктической зоне Российской Федерации. Как правило, публичная нефинансовая отчетность размещена в разделах «Инвесторам», «Раскрытие информации», «Устойчивое развитие», «Охрана окружающей среды».

В Российской Федерации с 15 марта 2013 г. введен в действие национальный стандарт, аналог международного стандарта, ГОСТ Р ИСО 26000-2012 «Руководство по социальной ответственности» [4]. Стандарт предназначен для всех организаций и направлен на внедрение принципов социальной ответственности, соблюдения прав человека, взаимодействия с заинтересованными сторонами.

Следуя международным стандартам корпоративной социальной и экологической ответственности, российские горнодобывающие компании добровольно принимают на себя обязательства по снижению возможных рисков и негативных последствий при разработке месторождений полезных ископаемых. В этом плане основой для политики компаний стали разработанные Всемирным фондом дикой природы (WWF) России в 2009 г. «Основные положения политики экологической и социальной ответственности горнодобывающих компаний» [12]. Документ поддержан группой неправительственных экологических организаций России.

Что касается нефтегазодобывающих компаний, становление компаний российского нефтегазового сектора достаточно специфично – компании во многом оперировали и действуют не на экологически чувствительном рынке конечного потребителя, а на рынке «продавца дефицитного товара». Тем не менее, сохраняется конкуренция за конечного потребителя между компаниями за доступ к более «длинным и дешевым» финансовым ресурсам для осуществления новых проектов.

Всемирный фонд дикой природы (WWF) России и группа «КРЕОН», основываясь на «Совместных экологических требованиях общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям» [16], с 2014 года ежегодно проводят рейтинги открытости экологической и корпоративной информации. В целом рейтинги имеют цель побудить компании к эффективному использованию углеводородных ресурсов, защите окружающей среды и ведению социально ответственного бизнеса в России.

Например, в качестве экологических показателей добычи углеводородов входят показатели использования попутного нефтяного газа (ПНГ), количество и частота прорывов нефте- и газопроводов, разливов нефти в результате аварий, а также показатели экологичности продуктов (стандарты Евро-IV, Евро-V). Качество корпоративной политики и менеджмента компании оценивается по таким показателям как публичная открытость компании и ее нефинансовой отчетности, соответствие ее проводимой социальной политики требованиям общественных организаций, наличие различных международных сертификатов качества, обсуждение новых проектов со всеми заинтересованными сторонами, независимое проведение оценки воздействия на окружающую среду и т.п. Известно, что зачастую публичные обсуждения нефинансовой отчетности добывающих компаний в муниципалитетах напоминают скорее отчет о предоставленных социальных инвестициях, а не отчет об экологической политике компании в зоне деятельности.

В рамках рейтинга открытости экологической информации с 2019 г. стал впервые проводиться мониторинг аварий и конфликтов нефтегазовых компаний [14, с. 20]. Сегодня наблюдается острая экологическая проблема в Арктике в связи с расширением активности на российском шельфе – это разливы нефтепродуктов, которые представляют особую опасность, так как ликвидация их последствий может занять несколько десятилетий.

В связи с этим возникает вопрос об эффективности проводимой компаниями политики предотвращения экологических, климатических, социальных рисков при освоении месторождений. Так, недавняя экологическая катастрофа по вине дочерней компании ПАО «ГМК «Норильский никель» показала, что эта «образцовая компания», которая лидировала по позициям рейтингов 2018–2019 гг., не имела плана ликвидации аварийных разливов нефти и страхования экологических рисков. Кроме того, проверка Росприроднадзора по результатам аварии выявила изношенность основных средств и оборудования с 1960-70-х гг., при этом не проводилось никаких реконструкций и капитального ремонта. Проверка выявила, что вывод из эксплуатации объектов капитального строительства осуществляется без реализации мероприятий по охране окружающей среды, без разработки планов по восстановлению природной среды, рекультивации или консервации земель в соответствии с действующим законодательством. В нарушение запрета практикуется сброс сточных вод с очистных сооружений на рельеф местности [15].

Поэтому при проведении рейтингов предлагается изменить существующие индикаторы (показатели) для всех добывающих компаний, с учетом экологических затрат и применения новых технологий и оборудования.

Например, тот же «Норильский никель» в 2019 г. израсходовал на экологизацию производства 4,4 % своей выручки и является лидером по выбросам в атмосферу CO₂ и SO₂, примерно 33 т на 1 т готовой продукции, в то время как Газпром с большими объемами выбросов тратит менее 1 % выручки [5, с. 51]. Из этого следует вывод, что далеко не у всех предприятий объемы затрат на экологию сопоставимы с объемами нанесенного экологического ущерба. До сих пор действующие экономико-правовые механизмы, методики возмещения ущерба направлены лишь на устранение чрезвычайных ситуаций, а не на их предотвращение.

2020 год стал знаковым для социально-экономического развития Арктики на последующие 15 лет, приняты стратегические документы для активного освоения арктической территории и реализации крупнейших экономических (инвестиционных) проектов.

Как отмечается в самом документе, «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», утвержденные Указом Президента РФ от 05.03.2020 N 164 – документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской

Федерации, и разработан в целях защиты национальных интересов Российской Федерации в Арктике, повышения качества жизни населения Арктической зоны Российской Федерации, в том числе лиц, относящихся к малочисленным народам, ускорения экономического развития территорий Арктической зоны Российской Федерации и увеличения их вклада в экономический рост страны [13].

В «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года», утвержденной указом Президента РФ от 26.10.2020 N 645, с тревогой отмечается о вероятности наступления в результате антропогенного воздействия и (или) климатических изменений в Арктической зоне событий, имеющих неблагоприятные экологические последствия, что создает глобальные риски для хозяйственной системы, окружающей среды и безопасности Российской Федерации и мира в целом [17].

Неоднозначно воспринят научным сообществом, государственными и местными институтами Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13 июля 2020 N 193-ФЗ [10].

Целью закона является государственная поддержка предпринимательства в Арктической зоне РФ, экономического развития, стимулирования и активизации деятельности инвестиционной и предпринимательской деятельности, создания экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне.

Между тем, закон обошел вниманием экологическую ответственность резидентов при промышленном освоении Арктической зоны, хотя учитывает меры государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, в том числе при принятии стандарта ответственности резидентов.

Взаимоотношения местного населения и хозяйствующих субъектов являются не менее важным аспектом в сохранении естественного своеобразия Арктики. Необходимо обязать компании учитывать мнение народов, проживающих на территориях, где ведется промышленная разработка месторождений. Международные документы защищают права коренных народов, в том числе и на традиционные знания. Так, в 2012 г. Межправительственным комитетом Всемирной организации интеллектуальной собственности по генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору разработан документ «Традиционные знания: проект статей». Норвегия, Финляндия, Канада рассматривают положения своих Конституций о сохранении традиционных знаний [3, с. 78–79]. Традиционные знания коренных народов и консультирование с этими народами по вопросам традиционного природопользования при принятии стратегических документов государства, в том числе при освоении недр в Арктике должны стать обязательными условиями. Законодательство России в этом плане делает первые шаги.

В соответствии с частью 3 статьи 28 вышеуказанного закона приказом Минвостокразвития России от 23 ноября 2020 г. N 181 утвержден стандарт ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации [9].

Приказом Минвостокразвития предусмотрено внедрение практики заключения соглашений между органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления и представителями коренных малочисленных народов, с одной стороны, и резидентами Арктической зоны, с другой стороны. Примечательно, что при освоении природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов требуется предварительное согласование проекта резидента Арктической зоны на всех этапах его осуществления, а также возмещение ущерба, причиненного в результате ведения резидентом Арктической зоны хозяйственной и иной деятельности, оказывающей влияние на исконную и культурно-социальную среду обитания коренных малочисленных народов.

Субъекты Российской Федерации в зоне деятельности добывающих компаний с начала 2014 г. практикуют подписание соглашений о социально-экономическом развитии и оказании содействия

в развитии сельского хозяйства, оленеводства, создании рабочих мест, поддержке молодых специалистов и т.д. Так, на 1 марта 2015 г. в Республике Саха (Якутия) было заключено 21 соглашение с недропользователями, в том числе:

– 5 соглашений между Республикой Саха (Якутия) и промышленными компаниями (АК «АЛРОСА (ПАО), Горно-металлургическая компания «Тимир», ПАО «Сургутнефтегаз», ООО «Газпром трансгаз Томск», ООО «Транснефть-Восток»);

– 14 соглашений с органами местного самоуправления (АК «АЛРОСА (ПАО), Горно-металлургическая компания «Тимир», ООО «Нерюнгри-Металлик», ЗАО «Прогноз», ООО «Восток Инжиниринг» ПАО «Сургутнефтегаз»); и с родовыми общинами КМНС «Ламыньинский национальный наслег» Кобяйского улуса с АО «Прогноз», родовой общиной «Тяня» и ООО «Нерюнгри-Металлик» [11].

К 2020 г. уже было заключено 31 соглашение Правительства Республики Саха (Якутия) с крупными компаниями-недропользователями [1], в рамках которых дополнительно заключаются трехсторонние соглашения с родовыми общинами, местными органами.

Это стало во многом возможным после принятия в 2010 г. Закона РС (Я) об этнологической экспертизе. В ее процессе коренные народы приобретают официально подтвержденный статус заинтересованной стороны, получают в денежной форме компенсации, в том числе на регулярной основе по мере реализации проектов. Тем самым формируются предпосылки для перехода к стратегиям совместного управления, что приближает корпоративную социальную ответственность российского бизнеса к международным стандартам [2, с. 126].

Очевидно, что добыча полезных ископаемых с целью извлечения максимальной прибыли без учета последствий изменений климата, без реализации экологической политики добывающих компаний по сохранению и восстановлению природной среды в зоне их ответственности приводит к необратимым последствиям для будущих поколений. Новая экономическая и политическая реальность толкает государства к изменению ориентиров в сторону «мягкого» освоения природных ресурсов. Поэтому государственная политика управления при недропользовании (особенно в Арктике) должна меняться в сторону поиска новых, возобновляемых источников энергии.

Практика внедрения нефинансовой отчетности и стандарта ответственности резидентов в Арктике поддерживает стремление компаний к снижению негативного воздействия на окружающую среду, поскольку направлена на повышение прозрачности добывающей отрасли. Представляется поэтому необходимым внести в Государственную Думу Российской Федерации законопроект «О публичной нефинансовой отчетности», распространив его действие на все добывающие компании.

Необходимо внедрение «зеленого» партнерства в взаимоотношения государства, бизнеса и общества, позволяющего качественно преобразовать государственное регулирование недропользованием. Роль и влияние при этом негосударственных институтов, общественных объединений, в том числе коренных малочисленных народов, местных сообществ должна иметь существенное значение.

Список литературы:

1. В парламенте обсуждены вопросы реализации закона о территориях традиционного пользования и традиционной хозяйственной деятельности КМНС. URL: <https://iltumen.ru/news/18625> (дата обращения 15.09.2021).

2. Гаврильева Т.Н., Яковлева Н.П., Боякова С.И., Иванова М.А. Корпоративная социальная ответственность в ходе промышленного освоения Якутии: опыт последнего десятилетия // Арктика: экология и экономика. — 2021. — Т. 11, — № 1. — С. 122–134.

3. Гладун Е.Ф., Захарова О.В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. — 2021. — № 3. — С. 76–87.

4. ГОСТ Р ИСО 26000-2012. Руководство по социальной ответственности. URL: https://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%A0_%D0%98%D0%A1%D0%9E_26000-2012 (дата обращения 10.09.2021).

5. Дядик Н.В., Чапаргина А.Н. Бизнес и власть: эколого-экономическая ответственность в российской Арктике // Арктика и Север. – 2020. – № 41. – С. 38–61.

6. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов. URL: <https://www.rspp.ru/activity/social/registr/> (дата обращения 10.09.2021).

7. Нефинансовая отчетность в России и мире: цели устойчивого развития в фокусе внимания / Феоктистова Е.Н. и др. Аналитический обзор корпоративных нефинансовых отчетов: 2017–2018 гг. выпуска. – М.: РСПП, 2019. – 104 с.

8. Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации: распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2021).

9. Об утверждении стандарта ответственности резидентов Арктической зоны Российской Федерации во взаимоотношениях с коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими и (или) осуществляющими традиционную хозяйственную деятельность в Арктической зоне Российской Федерации: приказ Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики от 23 ноября 2020 г. № 181. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2021).

10. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2021).

11. О рекомендациях парламентских слушаний на тему «Правовое регулирование вопросов взаимодействия промышленных компаний – недоропользователей и коренных малочисленных народов Севера в местах компактного проживания этих народов»: постановление Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 28 мая 2015 г. ГС № 609-V. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения 15.09.2021).

12. Основные положения политики экологической и социальной ответственности горнодобывающих компаний. – М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF) России, 2009. – 35 с.

13. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. N 164. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2021).

14. Рейтинг открытости нефтегазовых компаний России в сфере экологической ответственности. М.: WWF России, 2019. 28 с. URL: https://f71246df-863f-4eb1-93c4-6f5d32358c4e.filesusr.com/ugd/d526f3_edc-9d9180ad849f79b7d82606858658c.pdf.

15. Росприроднадзор выявил многочисленные нарушения в деятельности АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания». URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_vyyavil_mnogochislennye_narusheniya_v_deyatelnosti_ao_norilsko_taymyrskaya_energetich (дата обращения 15.09.2021).

16. Совместные экологические требования общественных природоохранных организаций к нефтегазовым компаниям. URL: https://wwf.ru/upload/iblock/4ac/oil_demands.pdf (дата обращения 15.09.2021).

17. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента РФ от 26 октября 2020 N 645. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.09.2021).

18. Buisine O. RSE et comptabilité environnementale // Bulletin Joly Sociétés. – 2021, septembre. – P. 58-64.

19. Директива 2014/95/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 октября 2014 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32014L0095> (дата обращения 01.09.2021).

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: О РАЗРАБОТКЕ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ*

Маклашова Елена Гавриловна,
д.социол.н., старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований, Институт
гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
maklashova@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор поднимает вопрос о разработке этносоциологической методологии в части изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера. Показаны ключевые моменты процесса поиска этносоциологической методологии, связанные с постановкой таких основных проблем: определение подхода к изучению социального самочувствия как социальной категории; выявление основных трендов современного социального развития коренных малочисленных народов Севера на основе анализа современных гуманитарных исследований Якутии; установление особенностей этнической идентификации коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, социальное самочувствие, этничность, Республика Саха (Якутия), научная база данных Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Maklashova Elena Gavrilovna,
Senior Researcher of the Center for Ethnosociological Research of the Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North
of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Yakutsk
maklashova@mail.ru

STUDY OF THE SOCIAL WELL-BEING OF THE INDEGENOUS PEOPLES OF THE NORTH: TO THE DEVELOPMENT OF ETHNIC SOCIOLOGICAL METHODOLOGY

Abstract. In this article the author raises the question of developing an ethnic sociological methodology in terms of studying the social well-being of the Indigenous peoples of the North. The key points of the process of searching for ethnic sociological methodology are shown, associated with the formulation of such basic problems as: defining an approach to the study of social well-being as a social category; identification of the main trends in the modern social development of the Indigenous peoples of the North based on the analysis of modern humanitarian studies in Yakutia; establishing the features of ethnic identification of the Indigenous peoples of the North living in Yakutia.

Keywords: Indigenous peoples of the North, social well-being, ethnicity, the Republic of Sakha (Yakutia), scientific database of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS

---

* Статья выполнена в рамках Госзадания ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» по теме «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» (регистрационный номер: 121031300008-7) в части разработки социологических индикаторов и по проекту «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» в рамках Программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (регистрационный номер: 121033100194-3) в части привлечения социологических данных и корректировки методики изучения современного состояния КМНС.

Введение. Изучение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС) представляет собой актуальную в научном и прикладном плане тему, значимость которой усиливается с ростом интересов государства и бизнеса к освоению природных запасов Арктики России, и в целом к реновации Дальнего Востока. Говоря об изучении КМНС, мы понимаем широкий спектр вопросов, вытекающий из специфики исторического развития, современной жизнедеятельности, культуры и образа жизни народов, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке, включая Арктику. Республика Саха (Якутия) как уникальный полиэтнический регион, представляет собой универсальный «полигон» изучения современных проблем развития КМНС, так как именно здесь мы можем наблюдать и фиксировать влияние на состояние КМНС промышленного освоения, урбанизации, культурной интеграции, языковой компетентности, природно-географических факторов в их порой полярных значениях.

Особенности научного изучения темы. В Якутии к коренным малочисленным народам Севера РС(Я) отнесены такие миноритарные этнические сообщества, как эвены, эвенки, долганы, чукчи и юкагиры. Изучением истории и современного состояния КМНС в Якутии занимается Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (далее ИГИ-иПМНС СО РАН) – единственное на Северо-Востоке России академическое учреждение, осуществляющее комплексные исследования социально-гуманитарных проблем КМНС.

Отметим ключевые вопросы, разрабатываемые учеными ИГИиПМНС СО РАН, прежде всего, учеными–носителями культур миноритарных этнических сообществ Севера:

- развитие территорий традиционного проживания, включая проблемы реализации федерального законодательства в отношении территорий традиционного природопользования КМН в рамках местного самоуправления [5; 12];

- состояние и сохранение традиционных видов хозяйствования в Якутии, прежде всего оленеводства, с учетом изучения влияния антропогенных, техногенных и природно-климатических факторов, а также социально-экономических и социокультурных аспектов развития оленеводства, рыболовства, пушного промысла [18; 26; 11];

- демографические особенности состояния КМНС на разных этапах исторического развития, включая расселение и миграцию, гендерные исследования [17; 21; 6];

- сохранение фольклорного наследия КМНС [30; 13; 14; 24];

- языкознание [27; 32; 7; 23];

- этнокультурные особенности жизни и жизнедеятельности КМНС, включая изучение управленческих механизмов, культурного ландшафта, традиционных и экологических знаний, этнической и арктической идентичности, поколенческих проблем в перспективе и ретроспективе [16; 9; 31; 25; 22; 8];

- адаптация КМНС на разных этапах исторического развития, включая изучение механизмов интеграции и взаимодействия с инокультурами, государственной властью, бизнесом [2; 3; 1; 4; 20; 28];

- качество жизни КМНС и его мониторинг [15; 29; 10; 33; 19; 34].

Реферирование материалов, созданных на базе ИГИиПМНС СО РАН по историко-культурному развитию КМНС с учетом современных запросов в рамках проблем сохранения устойчивости северных сообществ показало значимость расширения концептуальных знаний о социальном самочувствии индигенных народов современных полиэтнических территорий с учетом приоритета социокультурного подхода как предопределяющего этносоциальные исследования.

Проблемы разработки изучения социального самочувствия. Разработка методологии изучения социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера потребовала тщательной обработки имеющейся базы исторических, этнографических и лингвистических результатов научных исследований сотрудников ИГИиПМНС СО РАН, проведения серии методологических семинаров в Центре этносоциологических исследований Института (далее ЦЭСИ). С одной стороны, задача была вполне посильная, так как в отечественной социологической науке уже имеется большой ряд концепций изучения социального самочувствия, но с другой, требовало привлечения комплекса научных платформ, позволяющих отследить, выявить социальное самочувствие этниче-

ских групп, находящихся в положении «меньшинства». В данной статье обратим ваше внимание на формирование такого методологического комплекса на основе постановки проблем, сопровождающих формирование этносоциальной методологии.

В первую очередь мы определили «оболочку» изучения социальной категории социального самочувствия. На основе анализа научной литературы было выделено наличие трех ключевых срезов в изучении социального самочувствия населения России: философско-ценностный, психологический и социально-коммуникативный. Последний был назван нами обобщенно в отношении изучения социального самочувствия через такие акценты, как настроение, адаптация, благополучие, доверие и т.п. В первом случае социальное самочувствие анализируется на основе выявления нравственных аспектов бытия, во втором – эмоциональных личностных оснований, в третьем - на оценке места и роли личности /группы в общественной системе взаимоотношений. На этом этапе перед автором был поставлен вопрос о выборе стратегии изучения: первый, второй или третий путь, но в ходе дискуссий в ЦЭСИ был поддержан взгляд на социальное самочувствие как комплексную характеристику положения социальной группы, более того, была доказана значимость использования в методике социологического исследования трех срезов, с определением ключевых индикаторов.

Второй шаг был связан с выявлением в научном мейнстриме по проблемам КМНС наиболее острых моментов, характеризующих современное социальное состояние миноритарных народов Якутии. Кратко обозначим их:

- родные языки народов Севера находятся под пристальным вниманием государства и ученых. Статьей 46 Конституции РС(Я) закреплено, что языки коренных малочисленных народов Севера в Якутии в местах компактного проживания этих народов признаются официальными. Развитие исчезающих языков является целью государственной языковой политики Якутии, одним из важнейших направлений фундаментальных научных исследований; разрабатываются методические пособия по преподаванию миноритарных языков; в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера открыты классы с изучением родных языков, однако с каждой переписью уменьшается количество владеющих языками коренных малочисленных народов Севера;

- весьма мала доля лиц, из числа коренных малочисленных народов Севера, занятых в традиционных видах хозяйствования (оленоводство, промысловая охота, рыболовство и т.д.). В частности в ранее обозначенной программе также говорится о постоянном снижении занятых традиционными видами хозяйствования: так в 2018 г. только 1943 человек были зафиксированы как занятые традиционными видами хозяйствования. Однако власти Якутии, как и Дальневосточных регионов прилагают все усилия по восстановлению привлекательности традиционного образа жизни и традиционных форм хозяйствования, вместе с тем налицо противоречия в управлении и современной системы;

- продуктивно идет процесс по сохранению фольклора, возрождению традиций и обычаев коренных малочисленных народов Севера на общественном, управленческом и научно-исследовательском уровне. В частности в Якутии празднуются (а также поддерживаются государственной властью) календарные праздники народов Севера: «Цветение тундры», «Бакалдын», «Эвинек», «Бэйро», «Шахадьибэ», «Кильвей», профессиональный праздник оленеводов – День оленевода, поддерживается функционирование национальных танцевальных коллективов, издается художественная литература, сказки народов Севера и т.д.

- в отношении вопроса закрепления и сохранения за миноритарными этническими сообществами территорий исконного проживания стоит отметить, что несмотря на отсутствие у отдельных миноритарных этнических групп России административных территорий, признанных в качестве субъектов Российской Федерации, коренным малочисленным народам России предоставлено право на образование территорий традиционного природопользования (в том числе законодательством Республики Саха (Якутия)), на федеральном и региональном уровне (в том числе и в Якутии) закреплены места традиционного проживания. В Республике Саха (Якутия) также признается наделение административно-территориального образования в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера национальным статусом. В частности на территории Якутии

четыре административные территориальные единицы республики обладают статусом национальных, а также образовано 48 национальных наслегов. Республиканскими законом закреплено 62 территории традиционного природопользования и 70 мест традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

- помимо политико-управленческих проблем закрепления территорий за этническими группами, с учетом государственной поддержки связи «коренные народы – традиционный образ жизни - традиционное хозяйство» и в условиях активного промышленного освоения природных территорий Севера развитие территорий проживания миноритарных народов Севера сталкивается с экологическими вопросами: исконная среда обитания, а значит существование этнических групп, напрямую связывается с состоянием природного ландшафта (экологией почвы, флоры, фауны и т.д.). В республике законодательно закреплено обязательное проведение этнологических экспертиз на этапе начала промышленных разработок на территориях исконного проживания миноритарных народов Севера: территориях традиционного природопользования, мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности и т.п. Однако законодательство и методология проведения научного исследования оценки воздействия на этнологическую среду КМНС в местах промышленной разработки, являющегося основой для старта этнологической экспертизы, пока не совершенны. Так, например, уже давно ставится вопрос как сохранять образ жизни этноса, генофонд коренных малочисленных народов на фоне постоянного нарушения природного ландшафта вследствие активного промышленного освоения? Как проводит профилактические, восстановительные работы по устойчивому развитию КМНС, когда ущерб рассчитывается в денежном эквиваленте как компенсация потерянной выгоды, которая выплачивается исключительно юридическим лицам, на территории которых ведется промышленное освоение, при расчете не учитывается косвенное воздействие на окружающую среду, население, проживающее в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера?

- поддерживается активность по возрождению традиционных форм самоорганизации коренных малочисленных народов – общин. На федеральном и региональном уровне разработаны законы, регламентирующие организацию и функционирование такой формы самоорганизации миноритарных народов в Якутии, как общины. На уровне общин делается попытка восстановления иконной формы организации миноритарных этнических сообществ призванной сохранить образ жизни, среду проживания и уникальную культуру, а значит сам этнос. Создание родовых общин в Якутии связывается с рядом факторов таких, как адаптация народов Севера к новым политико-экономическим условиям и попытка восстановить утраченный индивидуальный промысел и оленеводство для личного потребления, возможность юридического закрепления территорий, а также удовлетворения этносоциальных потребностей. Стоит отметить, что кочевым общинам, предоставлено преимущественное право на использование возобновляемых биологических ресурсов.

На третьем этапе, мы провели анализ результатов социологических исследований, реализованных в ИГИИПМНС СО РАН в разные годы и прежде всего в рамках проекта 2021-2022 гг. «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций». Помимо подтверждения наличия связи между уже признанными индикаторами, влияющими на социальное самочувствие (настроение, материальное благополучие и т.п.) мы обратили внимание на наличие дифференцированных результатов по восприятию этничности, этнической принадлежности представителями разных народов, проживающих в Якутии и оказывающих влияние на региональную управленческую политику и этносоциальные процессы. Респонденты из числа КМНС свою этническую принадлежность ощущают постоянно и она по степени значимости в среднем по разным исследованиям для 80% опрошенных является как очень значимая, но имеется группа лиц, которые редко вспоминают свою этническую идентичность – примерно 19% представителей КМНС. В сравнении для большей части опрошенных русской национальности личная этническая идентификация в жизни не столь важна; для большинства якутов (от 75 до 82%) этническая идентичность является очень значимой. В целом, имеющиеся данные о значимости этнической идентификации

и этнической групповости, по нашему мнению, позволили определить уровень восприятия этнического фактора (прежде всего в рамках регионального этносоциального процесса) как ценности при дальнейшем выстраивании отношений в социальной среде и готовности индивидов к сплочению в единую этническую структуру: представители, определившиеся как русские, в меньшей степени подвержены к восприятию окружающего мира через призму этничности, глубокого осознания своих кровнородственных связей с людьми своей национальности (этничности) (что, прежде всего, связано с неоднородностью (в том числе этносоциальной) данной группы), тогда как якуты и КМНС в большей степени ощущают свою этническую идентичность, значимость своего народа (этноса, этического сообщества) и во многом этот фактор становится одним из предопределяющих их интересы и действия (например, стратегии адаптации). На основе социологических исследования были выявлены различия в значимости этнических маркеров для разных народов, проживающих в Якутии. Респондентам были предложены девять основных характеристик, положенных в основу определения этноса, объединения людей по этническому признаку: язык, обычаи и обряды, культура, родная земля и природа, черты характера, верования, историческое прошлое, родственные связи, черты внешнего облика. В итоге получены разные «наборы» объединяющих факторов для разных этнических групп. В частности, по мнению представителей КМНС, такими являются родная земля и природа, культура, обычаи и традиции и язык (хотя в иерархическом срезе он находится на одном из последних мест среди значимых факторов). В отличие от русских и якутов у КМНС «набор» объединяющих факторов наиболее широкий.

На основе проведенной работы, автор пришел к выводу, что социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера, а именно методология изучения в рамках этносоциальной науки, должна быть весьма специфичной и комплексной. Применение уже разработанных индикаторов к выявлению социального самочувствия КМНС является достаточным, но не полным.

Заключение. Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера является приоритетным направлением государственного управления, в частности в Республике Саха (Якутия). С учетом вышесказанного и активизации научного изучения историко-культурного наследия миноритарных народов Севера, актуализированы этносоциальные аспекты, в частности изучение социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера в условиях полиэтнической среды. Эта задача потребовала от автора проведение комплекса работ, сопровождавшихся постановкой ряда проблем и их пошаговыми решениями. В частности: определение подхода к изучению социального самочувствия как социальной категории; выявление основных трендов современного социального развития коренных малочисленных народов Севера на основе анализа современных гуманитарных исследований Якутии; установление особенностей этнической идентификации коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии. В целом можно отметить, что поиск методологии изучения социального самочувствия таких уникальных социальных групп, как эвены, эвенки, долганы, чукчи, юкагиры, обобщенно обозначаемые на практике и в науке как коренные малочисленные народы Севера, позволил выделить ключевые аспекты, которые будут положены в основу этносоциальной методологии изучения социального самочувствия северных миноритарных народов, проживающих в условиях полиэтнической среды.

Список литературы:

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. – 2009. – № 3 (299). – С. 108-114.
2. Астахова И.С. Власть и коренные малочисленные народы Севера: опыт взаимодействия на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. – 2011. – № 3. – С. 88-95.
3. Астахова И.С. Отношение населения к новым проектам промышленного освоения (на примере этнологических экспертиз в Оленекском районе РС(Я)) // Арктика и Север в современных гуманитарных исследованиях. [Электронный ресурс]: сборник научных статей / [науч. ред. Бурнашева Н.И., сост. Астахова И.С.] – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – С. 63-74.

4. Баишева С.М. Устойчивость и уязвимость современного развития коренных малочисленных народов Севера Якутии // Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. – Якутск, 2020. – С. 108-129.
5. Борисов В.Д., Борисова Т.Д. Оценка взаимоотношений коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний на территориях традиционного природопользования Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. – 2019. – № 3 (15). – С. 25-35.
6. Бурцева Т.Е., Уварова Т.Е., Макарова Н.В., Томский М.Н. Динамика современных демографических и медико-демографических процессов у коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) // Дальневосточный медицинский журнал. – 2008. – № 2. – С. 112-114.
7. Варламов А.Н. Перспектива применения методики «языкового гнезда» для сохранения эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития «Арктики». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Том. 1. – Якутск, 2019. – С. 354-356.
8. Варавина Г.Н. Символика реки и водная этика коренных народов Якутии (на примере эвенов) // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8 (64). – С. 159-161.
9. Васильева О.В. Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. – Якутск, 2020. – 151 с.
10. Васильева О. В., Маклашова Е. Г. Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии. – Якутск, 2018. – 177 с.
11. Винокурова Л.И., Григорьев С.А. Кочевые общества Якутии в социальных процессах XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10-1 (84). – С. 39-43.
12. Гоголев П.В. Местное самоуправление и этническая самоорганизация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: перспективы взаимодействия // Юридическая мысль. – 2014. – № 3 (83). – С. 86-95.
13. Дьяконова М.П. Эвенкийский и эвенский миф: типология структуры // Литературное обозрение: история и современность. – 2015. – № 5 (5). – С. 32-34.
14. Жукова Л.Н. Погребальный обряд тундровых юкагиров: традиции и современность // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4 (25). С. 19-27.
15. Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе [электронный ресурс]: сб. науч. ст. – Якутск, 2019. 249 с.
16. Кулаковский Г.П., Винокурова Л.И. Традиционные занятия коренного населения и сельское предпринимательство в Якутии // Региональная экономика: теория и практика. 2012. – № 17. – С. 21-26.
17. Мостахова Т.С. Проблемы локализации этносов коренных малочисленных народов Севера и хозяйственной деятельности // Природопользование в Арктике: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов I международной научно-практической конференции. – Якутск: Северо-Восточный Федеральный университет, 2015. – С. 381-388.
18. Неустроева А.Б., Самсонова И.В., Малышева М.С., Семенова Л.А. Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2020. – Т. 23. – № 3. – С. 220-245.
19. Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М., 2010. Вып. 217. – 46 с.
20. Охлопков В.Е. Инновационные аспекты взаимодействия при промышленном освоении территорий традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера // Успехи современной науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 156-164.
21. Попова А.Г. Расселение, численность и миграция коренных малочисленных народов Севера Якутии // Стратегия устойчивого развития регионов России. – 2010. – № 4. – С. 196-201.
22. Попова А.Г. Традиции коренных малочисленных народов Севера Якутии в условиях глобализации // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 15. – С. 168-173.
23. Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России [Электронный ресурс]: сборник научных статей / [редкол. Данилова Н.И., Дьячковский Ф.Н., Васильева Н.М.]; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2019. – 226 с. URL: http://igi.ysn.ru/files/publicasii/sleptsov_sbomik.pdf

24. Прокопьева П.Е. Содержательные особенности промыслового фольклора лесных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11-1 (65). – С. 36-42.

25. Романова Е.Н., Игнатьева В.Б., Алексеева Е.К. Модус многодорожья в жизненной стратегии коренных малочисленных народов Севера Якутии // Уральский исторический вестник. – 2021. – № 2 (71). – С. 118-126.

26. Самсонова И.В., Неустроева А.Б., Павлова М.Б. Взаимоотношения коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний (на материалах Мирнинского района Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3 (13). – С. 21-33.

27. Стручков К.Н. К вопросу о функциях эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития «Арктики» [Электронный ресурс]. Сб. материалов Международной науч. практ. конф., 27-29 июня 2019 г. – Якутск, 2019. – С. 224-227.

28. Томаска А.Г. Демографические факторы социальной адаптации учащихся - сельских мигрантов коренных малочисленных народов Севера (на примере Республики Саха - Якутия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – Т. 8. № 1. – С. 141-146.

29. Томаска А.Г., Боякова С.И. Уровень и качество жизни коренного населения промышленных районов РС (Я): к вопросу исследования ресурсов мобильности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 4 (25). – С. 44-50.

30. Филиппова В.В. Картографирование объектов историко-культурного наследия в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. – 2020. – № 1 (17). – С. 21-26.

31. Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2016. – № 4 (10). – С. 132-144.

32. Шарина С.И. Фиксация и документация языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития «Арктики». [Электронный ресурс]. Сб. материалов Международной науч. практ. конф., 27-29 июня 2019 г. – Якутск, 2019. – С.346-348.

33. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. / Авт.: В. Б. Игнатьева, Е. Г. Маклашова, А. Г. Томаска и др. – Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2020. –312 с.

34. Larsen, Joan Nymand Ed. (2010) Arctic Social Indicators - A follow-up to the Arctic Human Development Report. Documentation. Nordic Council of Ministers. URL: <http://library.arcticportal.org/712/> (дата обращения: 10.06.2021)

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ЯКУТИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И ЗАЩИТА СРЕДЫ ОБИТАНИЯ*

Боякова Сардана Ильинична,
д.и.н., главный научный сотрудник отдела истории и арктических
исследований Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
boyakova@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы социально-экономические риски и результаты интенсивного индустриального освоения для коренных малочисленных народов Севера. Дается историческая ретроспектива и основные этапы этого процесса применительно к Республике Саха (Якутия). Рассматривается опыт проведения этнологической экспертизы в регионе, ее значения для защиты интересов коренных северян. Даются рекомендации по уменьшению негативного воздействия промышленной разработки минерально-сырьевых ресурсов для среды обитания и систем жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, дальнейшему совершенствованию взаимоотношений компаний и местных жителей.

Ключевые слова: промышленное освоение, коренные малочисленные народы Севера, Республика Саха (Якутия), социальные риски, этнологическая экспертиза, меры по защите их прав и среды обитания.

INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE CONDITIONS OF THE NEW INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF YAKUTIA: SOCIAL RISKS AND HABITAT PROTECTION

Boyakova Sardana Ilyinichna,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department
of History and Arctic Studies of the Institute of Humanities Research and
Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
boyakova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the socio-economic risks and the results of intensive industrial development for the indigenous peoples of the North. A historical retrospective and the main stages of this process in relation to the Republic of Sakha (Yakutia) are given. The article considers the experience of conducting ethnological expertise in the region, its significance for protecting the interests of indigenous Northerners. Recommendations are given to reduce the negative impact of industrial development of mineral resources for the habitat and life support systems of the indigenous peoples of the North, to further improve the relationship between companies and local residents.

Keywords: industrial development, indigenous peoples of the North, the Republic of Sakha (Yakutia), social risks, ethnological expertise, measures to protect their rights and habitat.

Одной из составляющих российских модернизационных процессов XX века стало активное вовлечение в промышленный оборот территорий традиционного проживания коренных малочислен-

---

*Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №21-510-22001 «Государственное регулирование недропользования и охраны окружающей среды во Франции и в арктической зоне Российской Федерации: сравнительное исследование, методология и практика», проводимым совместно РФФИ и Фондом «Дом наук о человеке» Франции.

ных народов Севера. Индустриальная экспансия сопровождалась отторжением земель, разрушением основ традиционных способов хозяйствования и систем жизнеобеспечения аборигенов, вызвала ряд серьёзных социально-демографических деформаций.

За тысячелетия жизни в высоких широтах коренные народы Арктики выработали гармоничный тип адаптации человека к экстремальной природной среде, создали особую циркумполярную цивилизацию, народы которой жили в гармонии с окружающей природой, подчинив ее законам весь свой жизненный цикл. В суровых климатических условиях Севера сформировалась особая система жизнеобеспечения аборигенов, выработались уникальные биокультурные и социальные механизмы их адаптации к экстремальной природной среде. Повсеместное распространение получили присваивающие формы хозяйства: охота, рыболовства, морской зверобойный промысел, собирательство. Позднее появились производящие хозяйственные системы: оленеводство, коневодство и разведение крупного рогатого скота. Отсутствие постоянных поселений и дисперсность расселения также являлись наиболее оптимальной формой поддержания баланса экологической емкости территории на нее. Неукоснительное соблюдение принципов арктической этноэкологии (гибкость и вариантность схем природопользования, последовательное распределение нагрузки во времени и пространстве, параллельное развитие нескольких стратегий жизнеобеспечения с разной реакцией на изменения среды) стало основой формирования экологических принципов производственной деятельности автохтонов, основанных на разумном ограничении потребления и щадящем режиме использования природных ресурсов [3, с. 231]. Любой подход к преобразованиям на Севере без учета всех этих реалий таил в себе потенциальные негативные последствия. Тем не менее, эти и другие социальные факторы не были приняты в бывшем СССР во внимание: возобладали технократический подход к одностороннему наращиванию промышленного производства с преимущественным развитием добывающих отраслей. Разработанные в 20-е–30-е годы XX столетия схемы индустриального развития предусматривали масштабный характер и быстрые темпы транспортно-промышленного освоения северных территорий с целью скорейшего их включения в общесоюзную экономическую макроструктуру.

Модернизация экономики Якутии проводилась в русле общей советской стратегии освоения Севера, базировавшейся на выборочном методе разработки естественных ресурсов, эксплуатация которых диктовалась потребностями общесоюзной экономики и получением быстрого экономического эффекта. В условиях бездорожья, оторванности от индустриально развитых районов страны эта стратегия обеспечила относительно быстрые темпы промышленного освоения Заполярья. Однако у нее был один, но фундаментальный изъян – в ее основе лежали политические и экономические приоритеты, не учитывающие интересы людей, прежде всего, коренных народов Арктики.

Освободившись от бремени патернализма по отношению к народам Севера, правительство СССР решило включить коренное население осваиваемых районов в свою индустриальную политику. Характеризуя эту политику, следует выделить следующие моменты. Во-первых, государство в тот период имело определенную заинтересованность в поддержке традиционных отраслей хозяйства. Если пушной промысел являлся важнейшим источником валютных поступлений на нужды сверхиндустриализации, то остальные отрасли рассматривались в качестве основы для создания продовольственной базы промышленных и транспортных предприятий. Во-вторых, коренному населению в этой политике отводилась роль поставщика продовольствия и гужевого транспорта. Ими же проводился комплекс подготовительных: лесозаготовительных и строительных работ. И, наконец, часть местной молодежи в порядке партийно-комсомольской разрядки посылалась близлежащими колхозами на промышленные объекты, формируя тем самым отряд национального пролетариата. Таким образом, на начальном этапе коренное население играло важную роль в промышленном освоении Севера. Очаговый характер освоения сдерживал его негативное влияние на традиционный образ жизни аборигенов.

В конце 1950-х гг. наступил новый этап в промышленном развитии северных территорий СССР. С этого времени начался процесс интенсивного индустриального освоения, охвативший обширную территорию, в основном, мест традиционного проживания малочисленных народов Севера.

Накопленный к тому времени определенный научно-технический потенциал, улучшение транспортных связей, возможность привлечения значительных капитальных вложений определили широкие масштабы и быстрые темпы промышленного освоения, возложенного на ряд союзных ведомств. Коренное население промышленных районов, теснимое, а часто и выселяемое с мест своего исконного обитания, постепенно превратилось лишь в объект «шефской помощи» разместившихся на их землях объединений и предприятий.

Индустриальное освоение Севера обернулось для его коренных жителей комплексом сложнейших экологических, экономических и социальных проблем. Безудержная промышленная экспансия и беспощадная эксплуатация возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов нарушили экологическое равновесие, подорвали основы и уклад жизнедеятельности северян. Последствиями этого стали высокая смертность, низкие естественный прирост и продолжительность жизни коренных малочисленных народов. Резкий приток большого количества инонационального населения, «миграционный сквозняк», проводившаяся национальная политика КПСС привели к нивелировке традиционных духовных и моральных ценностей, утрате в значительной степени этнического своеобразия народов Арктики.

Тем не менее, новый, современный этап промышленного развития Республики Саха (Якутия) в начале XXI традиционно связывался с разработкой природных ресурсов Южной и Западной Якутии в рамках т.н. «мегапроектов», предусмотренных «Схемой комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г.». Ускоренное развитие нефтегазодобывающей промышленности, строительство нефтепроводов ВСТО и «Сила Сибири», ввод в эксплуатацию Эльгинского угольного разреза и т.д. изменили минерально-сырьевую направленность экономики РС(Я) на топливно-энергетическую. Расширение индустриального освоения неизбежно вызвало сокращение площадей, предназначенных для ведения традиционных занятий коренных народов и в какой-то мере обострило экологические проблемы региона. Эта тенденция продолжается и в настоящее время. Согласно Стратегии развития РС (Я) на 2030 г. с видением на 2050 г. базовой отраслью развития республики остается горнодобывающая промышленность. На территориях традиционного природопользования (ТПП) РС (Я) уже в ближайшей перспективе намечается реализация 15 инвестиционных проектов. Из них 7 проектов предусмотрено для Южной Якутии, еще 6 предполагается разместить на арктических и северных территориях [1, с. 41].

Полевые исследования показывают, что кроме изъятия земель в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, возможны и другие отрицательные последствия индустриального освоения: негативное воздействие на условия традиционного охотничьего и рыболовного промысла, изменение путей миграции диких оленей и водоплавающих птиц, ухудшение качества летних пастбищ и условий выпаса домашних животных (оленей, крупного рогатого скота и лошадей). Велики и социальные риски нового индустриального освоения. Изменение природных основ жизнедеятельности северных этносов, усугубленное их современным тяжелым социально-экономическим положением и низким уровнем жизни, может привести к необратимым последствиям, вплоть до депопуляции и вырождения. Потеря возможности заниматься исконными хозяйственными занятиями, может привести к таким явлениям как массовая безработица, алкоголизм, наркомания. Разрушение традиционных ценностных установок непосредственно повлияет и на духовную культуру коренных этносов.

В целях защиты среды обитания, традиционных систем жизнеобеспечения и этнической культуры Правительство РС (Я) в 1996 г. приняло закон «Об особо охраняемых природных территориях РС (Я)», а в 2010 г. первый и пока единственный в РФ закон «Об этнологической экспертизе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)». В дополнение к существующим процедурам по оценке воздействия на окружающую среду в законе 2010 г. введены оценка ущерба, наносимого традиционной хозяйственной деятельностью, и выплата компенсаций. Также предусмотрены общественное обсуждение проекта на территории его реализации и разработка комплекса мер по обеспечению устойчивости общин коренных северян [5].

Федеральным законом от 30 апреля 1999 г. №82–ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» определены права этих народов на защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни. В первую очередь это касается их коллективных прав:

– участвовать в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– участвовать в осуществлении контроля за соблюдением федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации об охране окружающей среды при промышленном использовании земель и природных ресурсов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;

– получать от органов власти, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов;

– на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами [4].

Этнологическая экспертиза проводится для выработки механизма осуществления прав, гарантированных федеральным законодательством. В ходе ее разрабатывается отчет НИР «Оценка воздействия на этнологическую среду (ОВЭС) в местах проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера», проводятся общественные слушания по проекту, этнологическая экспертиза ОВЭС. Окончательное решение о разрешении или запрещении хозяйственной деятельности промышленных компаний в зоне жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера и других уязвимых категорий населения принимает правительство РС (Я).

С 2012 по 2019 гг. в Якутии различными экспертными организациями и коллективами на основе утвержденной Правительством РФ методики исчисления размера убытков было проведено более 20 этнологических экспертиз. При этом размер ущерба и соответственно объем компенсационных выплат родовым общинам, не превышая 1% стоимости проекта, в расчете на одного члена общины варьируются от 7600 до 372 000 руб. Ряд экспертиз, проведенных после 2017 г., предусматривал более высокий размер компенсации в расчете на одного члена общины. По данным Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера РС(Я), ущерб общинам коренных народов Якутии составил 403,25 млн руб., из них выплачено 97,46 млн руб., не выплачено 67,38 млн руб., ущерб по оцененным, но замороженным проектам достиг 238,41 млн руб. Несмотря на то, что эксперты отмечают несовершенство документов, регламентирующих процесс экспертизы: отсутствие четких критериев для отбора экспертов и методик оценки воздействия на этнологическую среду (хотя правительство Якутии приняло ее регламент), отсутствие общественного мониторинга выполнения рекомендаций, этнологическая экспертиза обеспечила ряд позитивных эффектов. В ее процессе коренные народы приобретают официально подтвержденный статус заинтересованной стороны, получают в денежной форме компенсации, в том числе на регулярной основе по мере реализации проектов. Тем самым формируются предпосылки для перехода к стратегиям совместного управления, что приближает корпоративную социальную ответственность российского бизнеса, одной из составных частей которой является этнологическая экспертиза, к международным стандартам. В случае возможной отмены ОВОС, которая дискутируется в последнее время, роль этнологической экспертизы как института комплексной социально-экологической экспертизы проектов в ближайшей перспективе может качественно возрасти [2, с. 124–126].

С учетом вышеуказанного и исходя из личного опыта проведения этнологических экспертиз в РС (Я) на территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, можно предложить следующие рекомендации по минимизации негативного воздействия индустриального освоения на эти народы:

Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства и нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав и обеспечение безопасности жизнедеятельности коренных малочисленных народов в условиях интенсификации промышленного освоения Арктики и Севера.

Важным представляется, в случае прокладки технологических путей сообщения к месту эксплуатации природных ресурсов, строительство безопасных в техническом плане (пологих) подъемов и спусков для миграции диких животных, в первую очередь, для оленей. Приемку этих подъемов и спусков должно осуществлять комиссией, в составе которых должны быть специалисты-экологи и представители Ассоциации коренных малочисленных народов Севера.

В составе проектной документации по освоению месторождений полезных ископаемых нужно предусмотреть детальную Дорожную карту по предоставлению рабочих мест для коренного населения района с точными квотами и характеристиками рабочих мест. Мировой и федеральный опыт показывает, что коренное население часто оказывается квалификационно или профессионально не готово к работе в горнодобывающей промышленности. Следовательно, нужна совместная программа целенаправленной профессиональной подготовки, обучения и переобучения местных кадров, позволяющая им трудоустроиться на промышленных предприятиях.

Для смягчения негативных социальных, культурных и экологических последствий промышленного освоения в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов, рекомендуется использование положительной практики трехстороннего взаимодействия органов местного самоуправления, органов исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации, специально уполномоченных государственных природоохранных органов, коренных малочисленных народов Севера. Рекомендуется совместная разработка конкретных программ смягчения негативного воздействия проекта на традиционный образ жизни коренных народов, адаптации и устойчивого социально-экономического развития отдельных общин и сельских сообществ коренных малочисленных народов в условиях изменений, возникающих в ходе реализации проекта. Как показывает российский и международный опыт, реализация подобных программ происходит на основе заключения трехсторонних социально-экономических соглашений, которые подписываются уполномоченными представителями коренных народов Севера, органов государственной власти и местного самоуправления, промышленных компаний, реализующих проекты промышленного освоения ресурсов.

Социально-экономические соглашения (СЭС) по реализации таких программ между коренными народами, органами власти и промышленными компаниями – важный инструмент развития человеческого потенциала, экономики и самоуправления региона и поселений коренных малочисленных народов. При заключении СЭС рассматриваются все возможные способы участия коренных народов и общин, проживающих на сопредельных с проектом территориях в реализации проекта. СЭС по таким проектам ориентированы, главным образом, на развитие поселений коренных народов Севера, их общин, территорий, реализацию программ сохранения культуры с вовлечением коренных и местных сообществ в новые экономические отношения, возникающие в ходе реализации проекта. Они предусматривают не только профессиональное обучение и индивидуальное трудоустройство представителей коренных народов на промышленных предприятиях, но и взаимовыгодное сотрудничество компаний и организаций коренного населения, связанных с переработкой и маркетингом продукции традиционного природопользования (например, мяса дичи, дикоросов), традиционных промыслов (например, пошива меховых изделий, производство сувенирной продукции), участием в некоторых видах работ (например, прокладка просек, рекультивация земель), в этноэкологическом мониторинге реализации проекта. Разработка конкретных мероприятий программы сотрудничества для реализации СЭС рекомендуется на основе выявления предпочтений и возникающих проблем развития коренного и местного населения в ходе обсуждения проекта промышленного освоения ресурсов.

В целях обеспечения эффективной реализации программ и координации деятельности органов местного самоуправления, органов исполнительной и законодательной власти субъектов Российской Федерации, специально уполномоченных государственных природоохранных органов, орга-

низаций коренных малочисленных народов Севера, а также общественности предлагается образовывать постоянно действующие трехсторонние структуры – наблюдательные советы, этноэкологические советы или комиссии. Такая структура может быть создана на общественных началах, как при органах исполнительной власти РС (Я), так и при органах местного самоуправления. Для предотвращения возможных конфликтных ситуаций в комиссию должны входить представители компании, осуществляющей проект, представители общин, органов исполнительной власти и надзорных органов, а также представители общественности, которые будут осуществлять взаимодействие всех заинтересованных сторон.

Таким образом, любое промышленное освоение, ввиду особой уязвимости природы Севера, уникальности культур населяющих его народов, строительство и эксплуатация производственных предприятий и транспортных коммуникаций должно вестись с учетом того, что оленеводство, охота и рыболовство являются основой традиционного самобытного образа жизни коренных жителей региона – эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, долган. От состояния этих отраслей, по сути, являющихся частью их системы жизнеобеспечения, зависит сохранение и развитие их культуры, языка, обычаев, семейно-родовых связей, их психологический комфорт и самочувствие, в конечном счете, само существование этих народов.

Список литературы:

1. Бурцева Е.И., Слепцов А.Н. Промышленное освоение территорий традиционного природопользования Якутии: жизнедеятельность коренных народов // Право в контексте устойчивого развития Арктики: вызовы времени и новые возможности: сборник материалов междунауч.-практ. конф., посвящен. 100-летию д-ра юрид. наук, проф. М.М. Федорова (г.Якутск, 17–21 ноября 2020 г.). – Казань: Бук, 2021. – С. 37–42.

2. Гаврильева Т. Н., Яковлева Н. П., Боякова С. И., Иванова М. А. Корпоративная социальная ответственность в ходе промышленного освоения Якутии: опыт последнего десятилетия // Арктика: экология и экономика. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 122–134.

3. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / Отв. ред. С. А. Арутюнов. – М. : Наука, 1989. – 270 с.

4. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82–ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»// http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22928/?ysclid=157ilt757y874599231 (дата обращения 01.09.2021 г.)

5. Gavrilyeva T.N., Yakovleva N.P., Boyakova S.I., Bochoeva R.I. Compensation of damage to indigenous small-numbered peoples of Yakutia from industrial development of the territory// Regional research of Russia. – 2019. – Vol. 9. – №3. – P. 288–294.

БРАКИ И РАЗВОДЫ В ГОРОДАХ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 1998 – 2018 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Урожаева Татьяна Петровна
к.и.н., научный сотрудник лаборатории
исторической и политической демографии
Иркутского государственного университета, г. Иркутск,
olgoy@ya.ru

Аннотация. В статье проведен анализ бракоразводной статистики на протяжении 20-летнего периода в городах Приангарья. В городах Иркутской области число регистрируемых браков постоянно снижалось, но и число разводов по сравнению с 1980 гг. становилось все меньше. С начала 1990-х гг. и у мужчин, и у женщин стала заметной тенденция к росту окончательного безбрачия. В указанный период произошло сокращение первичных и повторных браков, кроме того, повысился возраст вступления в брак. В условиях жесточайшего рынка, конкуренции молодые люди решали сначала получить образование, специальность, найти работу, обзавестись жильем, а потом уже думали о создании семьи. Наблюдался рост числа поздних браков. Кроме того, росло количество разводов. Основными их причинами являлись злоупотребление спиртными напитками, бытовая неустроенность супругов, супружеская неверность, проблемы распределения домашних обязанностей, психологическая несовместимость. С распространением, так называемых пробных браков (без штампа в паспорте) число разводов не сократилось. В ЗАГС приходили люди с готовым решением суда. Ставилась отметка в паспорт, и выдавалось свидетельство о расторжении брака. Слом семейных отношений происходил чаще всего после 10 и 20 лет супружеской жизни.

Ключевые слова: брак, брачный возраст, ЗАГС, разводы, кризис семейно-брачных отношений.

MARRIAGES AND DIVORCES IN CITIES OF THE IRKUTSK REGION IN 1998-2018 (ON THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS)

Urozhaeva Tatyana Petrovna
Candidate of Historical Sciences,
Researcher at the Laboratory of Historical and Political Demography
Irkutsk State University, Irkutsk,
olgoy@ya.ru

Abstract. The article analyzes the divorce statistics over a 20-year period in the cities of the Angara region. In the cities of the Irkutsk region, the number of registered marriages has been constantly decreasing, but the number of divorces has become less and less in comparison with the 1980s. Since the beginning of the 1990s, both men and women have had a noticeable tendency to increase final celibacy. During this period, there was a decrease in primary and repeated marriages, in addition, the age of marriage increased. In the conditions of the most severe market, competition, young people decided first to get an education, a specialty, find a job, get a home, and then they thought about starting a family. There was an increase in the number of late marriages. In addition, the number of divorces was growing. Their main causes were alcohol abuse, domestic disorder of the spouses, marital infidelity, problems with the distribution of household duties, psychological incompatibility. With the spread of so-called trial marriages (without a stamp in the passport), the number of divorces has not decreased. People came to the registry office with a ready-made court decision. A mark was put in the passport, and a certificate of divorce was issued. The breakdown of family relations occurred most often after 10 and 20 years of married life.

Keywords: marriage, age of marriage, civil registry office, divorce, crisis of marital relations.

В 1990-е гг. семья как ячейка общества переживала трудные времена. В городах Иркутской области число регистрируемых браков постоянно снижалось, но и число разводов по сравнению с 1980 г. становилось все меньше. С начала 1990-х гг. и у мужчин, и у женщин стала заметной тенденция к росту окончательного безбрачия. Из 1 тыс. женщин 25–29 лет в 1994 г. 142 чел. ни разу не были замужем, из 45–49-летних – 46 никогда не вступали в брак. Однако гораздо чаще и успешнее стали выходить замуж женщины старше 55 лет, и связано было это с улучшением соотношения полов после 1989 г., когда пенсионного возраста достигли те из них, чьи мужья не принимали участия в войне [17, с. 3].

В 1999 г. разводом заканчивался каждый второй брак. Раньше узы Гименея были прочнее: в 1990 г. на 1 тыс. оформленных браков приходился 371 развод, а в 1999 г. – 557. Так называемый гражданский брак стал явлением весьма распространенным и практически не осуждаемым. Может быть, поэтому резко снизилось число зарегистрированных браков: в 1990 г. на 1 тыс. населения заключалось 8,6 брака, в 1998 г. – 4,8. У молодежи редко возникало желание обременять себя узами и слушать марш Мендельсона [14, с. 4].

В г. Братске в июне 2000 г. 28 % детей родилось в семьях, где родители состояли в гражданском браке, 16 % – где родителем была зарегистрирована только мама. За первое полугодие 2000 г. было зарегистрировано 574 брака и 564 официальных развода [6, с. 1].

Необычной стала 525-я свадьба, которую в августе 2000 г. отметили в Ангарском Дворце бракосочетания *А. и С. Тимошенко*. Будущий жених едва успел принять присягу на верность Родине в одной из воинских частей Читинской области, как получил телеграмму от любимой, в которой была высказана просьба о срочной необходимости узаконить отношения. К сожалению, за первое полугодие 2000 г. в г. Ангарске цифра пожелавших расторгнуть брачные узы оказалась выше и достигла отметки 598 [8, с. 1].

В 2000 г. в г. Усолье-Сибирском было зарегистрировано 238 браков. По сравнению с 1999 г. увеличилось число разводов. Всего в 2000 г. распалось 139 семей – это 60 % от числа заключенных браков. По числу разводов опережал всех жители п. Средний Усольского района. Там разводы составляли 82 % от числа заключенных браков. Крепче всего были узы Гименея в п. Тайгурка, где это же соотношение составило 41 % [5, с. 1].

В 2001 г. в г. Усть-Илимске число разводов продолжало расти. Только в 1999 г. распалось 500 семей, в 2000 г. – 568. Такая статистика разводов, впрочем, характерна не только для г. Усть-Илимска, но и для других городов Приангарья [2, с. 3].

Даже с распространением, так называемых пробных браков (без штампа в паспорте) число разводов не сократилось. В результате деградации брачно-семейных отношений за период с 1950 по 2000 г. в городах Иркутской области браки стали регистрироваться реже в 2,6 раза, а разводы, напротив, участились в 18 раз (соответственно 0,2 и 3,7 развода на 1 тыс. чел.).

В 1950 г. в расчете на 1 тыс. жителей Приангарья из дверей ЗАГСа или сельсовета выходили 14 счастливых пар, а в 2000 г. – только пять. Разумеется, отрицательную роль сыграло снижение рождаемости: в составе населения падала доля молодежи, и рос удельный вес старшего поколения.

Если в середине XX столетия на 1 тыс. заключаемых браков приходилось 12, не выдержавших тяжелых испытаний повседневностью, то через 10 лет семьи стали распадаться в пять раз чаще, а в 1970 г. на каждую 1 тыс. браков пришлось уже по 252 развода. И, наконец, 2000 г. продемонстрировал «достойное» завершение и века, и тысячелетия, упомянутый показатель возрос до 701. Расстались 10 114 супружеских пар с разным «стажем» совместной жизни, а пожелания семейного счастья и благополучия от родных и друзей выслушали 14 336 пар молодоженов. Таким образом, неумолимая статистика свидетельствовала о том, что тепло семейного очага ценилось все меньше, а узы Гименея катастрофически слабели.

Нельзя сказать, что эти новомодные нравы были присущи только жителям городов Иркутской области. Подобные «достижения» были характерны и для других регионов. В Красноярском крае, Кемеровской и Омской областях, в Республике Хакасия семьи были еще менее устойчивы (за год 735–781 развод на 1 тыс. браков).

Работникам ЗАГСов гг. Бодайбо и Шелехова в 2000 г. пришлось чаще фиксировать печальное завершение брачного союза, чем полное надежд его создание. В противовес жителей г. Тулуна и Тулунского района можно было по праву считать заповедником семейной стабильности. В 2000 г. здесь было 237 свадебных застолий и только 29 расставшихся пар. И в итоге самое благоприятное по области сочетание этих двух событий: 122 на 1 тыс. чел. В г. Нижнеудинске общее соотношение горестных и счастливых семейных событий выглядело еще лучше: 271 на 1 тыс. жителей [12, с. 3].

В Иркутской области после реорганизации 2002 г. эту работу выполняли 36 территориальных отделов, созданных во всех административно-территориальных образованиях. Так, в большинстве территорий была организована регистрация бракосочетаний, а также практиковались выездные регистрации брака и прием граждан на местах. Основным в деятельности управления ЗАГС оставалась регистрация актов гражданского состояния и работа с архивным фондом. За 11 мес. 2003 г. эта работа отразилась в следующих цифрах: браков – 16 452, о расторжении брака – 13 449 [15, с. 3].

В середине 2000-х гг. браки заключались чаще в возрасте от 23 до 30 лет и выше. Сказывалась жизнь в новой экономической среде. В условиях жесточайшего рынка, конкуренции молодые люди решали сначала встать на ноги (получить образование, специальность, найти работу, обзавестись жильем), а потом уже думали о создании семьи. Наблюдался рост числа поздних браков, когда вступают в совместную жизнь люди, которым за 50–60 лет.

Браков с иностранными гражданами регистрировали не так уж и много – менее 5 %. В г. Иркутске с 2000–2004 гг. их было 723. В целом по Иркутской области браков с иностранцами за этот срок было зарегистрировано 1213. На дальнее зарубежье приходилась меньшая часть браков – 227, на ближнее зарубежье – 496. Пик пришелся на 2002 г., когда, например, с подданными ближнего зарубежья было зарегистрировано 142 брака. Для сравнения: в 2004 г. – 86.

В 2004 г. с гражданами Азербайджана зарегистрировали 6 браков, Армении – 9, Казахстана – 7, Таджикистана – 20, Узбекистана – 15, Украины – 20. Иностранцы заключали браки не всегда с нашими соотечественницами и соотечественниками, но и между собой. Многие из них жили и учились в Приангарье, знакомились и создавали затем семьи. В 1996г. в г. Иркутске было зарегистрировано 38 браков с китайцами, в 2001 г. – 22, в 2002 г. – 24, в 2003 г. – 12, а в 2004 г. – только девять. Что касается браков с выходцами с Африканского континента, то их было ничтожно мало. Всего два за период с 2001 по 2005 г. – с гражданами Судана и республики Мали [7, с. 2].

Всероссийская перепись населения 2002 г. показала, что 24,5 тыс. женщин и 19,5 тыс. мужчин, проживающих в городах Иркутской области, будучи в возрасте 40 лет и старше, никогда не состояли в браке. Принятый в демографии расчет на 1 тыс. чел. соответствующего пола и возраста дал результат 40 и 43, т.е. 4 % несчастных судеб было среди этих людей. Впрочем, кто-то из дам, став матерью-одиночкой, обрел свое счастье в воспитании ребенка. А кто-то, возможно, всецело занят любимой работой, не оставляя времени на личную жизнь.

Если в 1989 г. на 1 тыс. взрослых жителей области 665 состояли в браке, то в 2005 г. – 581. Причем в это число были включены и незарегистрированные, так называемые гражданские браки, прежде носившие уничижительное имя «сожитительство». К ним относился каждый шестой семейный союз. Интересно, что в Иркутской области доля неофициальных браков (17,3 %) была выше, чем в целом по Сибирскому федеральному округу (14,7 %) и по стране (9,8 %).

С 1989 по 2002 г. возросло число лиц, никогда не состоявших в браке, – за 13 лет со 165 до 220 на 1 тыс. чел.

Наблюдалось увеличение еще двух категорий населения – вдовых и разошедшихся, соответственно с 91 до 108 и с 74 до 86 на 1 тыс. чел. Причем разведенных женщин было в 1,8 раза больше, чем мужчин, а вдовых – в 5,7 раза. Проще всего объяснить такую диспропорцию численным превосходством прекрасной половины человечества [13, с. 4].

В 2007 г. в Иркутской области действовали 36 отделов ЗАГС, в том числе специализированный отдел регистрации браков по г. Иркутску, обычно называемый Дворцом бракосочетания. Ежегодно в области более 19 тыс. раз звучал «Свадебный марш» Мендельсона [11, с. 3].

В 2007 г. молодые отправились в ЗАГС 7 июля, в 2008 г. – 8 августа. В 2009 г. среди новобрачных царил ажиотаж. Они торопились подать заявления, чтобы узаконить свои отношения в день «трёх девяток» – 9 сентября 2009 г. Некоторый интерес будущих молодожёнов к «красивой» дате отметили во Дворце бракосочетаний г. Иркутска. В день «трёх девяток» там поженили около 38 пар, тогда как обычно регистрировали примерно по 30. Чтобы связать себя узами брака 9 сентября 2009 г., некоторые влюблённые записывались в очередь за полгода.

Больше, чем обычно, пар зарегистрировалось 9 сентября в г. Братске. В этот день в ЗАГСе Центрального округа было оформлено около 20 браков. В прошлые «счастливые» дни в г. Братске проходило порядка 40 церемоний бракосочетаний. Желающих заполучить в паспорте «красивую» дату было меньше в 2009 г. по сравнению с прошлыми годами. Будущих молодожёнов, по словам специалистов, больше волновала атмосфера этого долгожданного дня, нежели дата вступления в брак, пусть и символичная. Та же статистика говорит, что цифры не являлись залогом семейного счастья. Многие браки, заключенные в день «трёх семёрок» или «трёх восьмёрок», уже успели распасться [9, с. 3].

О причинах разводов было судить сложно. В ЗАГС приходили люди с готовым решением суда. Ставилась отметка в паспорт, и выдавалось свидетельство о расторжении брака. Слом семейных отношений происходил чаще всего после 10 и 20 лет супружеской жизни.

В 2002 г. на 1 тыс. зарегистрированных браков пришлось 927 разводов. Статистически было подтверждено, что зачастую причиной распада семьи становились бытовые проблемы. Жилищная неустроенность занимала в этом ряду далеко не последнее место [1, с. 3].

В 2012 г. Иркутскстат привёл интересные факты, обнаруженные при предварительном просмотре анкет выборочного обследования репродуктивных планов населения. Интересны данные об отношении к регистрации брака. Принято считать, что женщины более склонны к официальному оформлению отношений. Однако предварительные выводы были таковы: мнение женщин мало отличалось от мужского, а порою было даже более радикально – только треть женщин Иркутской области (из числа рассмотренных анкет) считало, что первый брак надо регистрировать ещё до начала совместной жизни, а из мужчин – больше трети (38 %). Таким образом, мужчины проявляли большую готовность вначале узаконить отношения.

В отношении регистрации повторного брака, мнения распределились по-иному. Отдельные представители сильного пола готовы были предварительно или сразу же пойти в загс. А женщины были более осторожны, среди них подавляющее большинство (93 %) собирались официально оформлять отношения только после предварительной проверки отношений временем и совместной жизнью. Вопросы задавали женщинам в возрастной группе от 18 до 44 лет и мужчинам от 18 до 60 лет включительно. На территории Иркутской области – 345 (в том числе, в городах – 270) [18, с. 3].

С января по июль 2013 г. включительно в городах Приангарья было зарегистрировано 9015 браков. Это было на 864 больше, чем за тот же период 2012 г. По росту количества свадеб регион занимал в 2013 г. первое место в Сибирском федеральном округе. Разводов за полгода было 6569, что на 437 меньше, чем в 2012 г., и это был самый благополучный показатель по СФО. Активнее всего женились в Красноярском крае (+756) и в Хакасии (+329). В Красноярском крае больше всего и разводились (рост случаев на 626), похожая ситуация была в Алтайском крае (на 441) [3, с. 2].

За три летних месяца 2014 г. в Иркутской области было зарегистрированы 7909 браков. Большая часть из них пришлась на август – 2968 актовых записей, или 37,5% [4, с. 3]. Всего в 2014 г. было зарегистрировано 21600 браков. При этом 15927 мужчин и 15818 женщин регистрировали свой брак впервые, а для остальных граждан брак в 2014 г. стал повторным [19, с. 2].

15468 браков зарегистрировано за 10 мес. 2015 г. органами ЗАГС в городах Иркутской области, максимальное количество было зарегистрировано в июле – 2722 брака [10, с. 3]. В 2016 г. (по сравнению с 2015 г.) на 3747 записей уменьшилось количество зарегистрированных браков, или 18%. При этом, количество расторжений брака уменьшилось на 242 записи, или 2%. 16,3% от всех видов актов гражданского состояния приходилось на регистрацию заключения брака [20, с. 3].

В 2017 г. общее количество браков в регионе Приангарья составило 20248, разводов – 11778. Число браков увеличилось по сравнению с 2000 г. на 40,3%, число разводов – на 16,5 %. Коэффициент брачности в Иркутской области повысился с 5,5 на 1 тыс. чел., в 2000 г. до 8,4 в 2017 г., разводимости – с 3,8 до 4,9 соответственно. Наряду с этим повысилась доля повторных браков: в 2017 г. 28 % женихов и невест уже имели опыт семейной жизни. При этом потерявшие супруга (вдовы) редко вступали в повторный брак (1,7 % мужчин и 3,1 % женщин).

В 2017 г. на 100 браков приходилось 58 разводов. Основными их причинами являлись злоупотребление спиртными напитками, бытовая неустроенность супругов, супружеская неверность, проблемы распределения домашних обязанностей, психологическая несовместимость.

Не могло спасти брак и наличие общих детей. В 2017 г. каждая вторая пара (59 %), оформившая развод, имела детей. Причём заметно участились разводы супругов, имеющих двух и более детей (с 8% от общего числа в 2011 г. до 18% в 2017 г.). В результате разводов 9,5 тыс. детей и подростков остались с одним из родителей. Ещё одной современной тенденцией стало сокращение общей продолжительности брака. Самыми недолговечными являлись союзы продолжительностью до 5 лет (41% всех расторгнутых браков). Причём 4% браков распались в первый год семейной жизни.

В 2017 г. 31% всех новорождённых родился вне брака, из них 54% – у родителей, которые по каким-либо причинам не желали вступить в законный брак, а остальные – у матерей-одиночек [16, с. 4].

Таким образом, на протяжении 20-летнего периода в городах Приангарья произошло сокращение первичных и повторных браков, кроме того, повысился возраст вступления в брак. В условиях жесточайшего рынка, конкуренции молодые люди решали сначала получить образование, специальность, найти работу, обзавестись жильем, а потом уже думали о создании семьи. Наблюдался рост числа поздних браков. Кроме того, росло количество разводов.

Список литературы:

1. Азарова Д. Новоселье в кредит // СМ-номер один. – 2005. – 2 марта.
2. Браки и разводы в северном городе // Кстати, в Усть-Илимске. – 2001. – 15 февр.
3. Браков стало больше // Конкурент. – 2013. – 19 авг.
4. Брачный период // Конкурент. – 2014. – 16 сент.
5. Где крепче узы Гименея? // Усольские новости. – 2001. – 11 февр.
6. Дети рождаются, родители разводятся // Братский лесохимик. – 2000. – 20 июля.
7. Женихи и невесты // Вечерний Иркутск. – 2005. – 4 авг.
8. Козырев С. Солдатская свадьба на фоне статистики // Время. – 2000. – 16 авг.
9. Латынина С. В день «трёх девяток». Свадебный бум не утихает в стране уже третий год // Восточно-Сибирская правда. – 2009. – 10 сент.
10. Лето – брачная пора // Конкурент. – 2015. – 17 нояб.
11. Обитель таинства: Сегодня органы ЗАГС России отмечают юбилей // Пятница. – 2007. – 18 дек.
12. Овсянникова И. Слабеют узы Гименея или где найти спутника жизни? // Восточно-Сибирская правда. – 2001. – 17 июля.
13. Овсянникова И. Требуется сваха // СМ-номер один. – 2005. – 19 мая.
14. Овсянникова И. Этот сильный... слабый пол // Восточно-Сибирская правда. – 1999. – 11 июня.
15. Панафидин Д. С чего начинается государство // Пятница. – 2003. – 30 дек.
16. Портрет семьи // Восточно-Сибирская правда. – 2018. – 29 мая.
17. Тенденция к росту... безбрачия // СМ-номер один. – 1998. – 14 февр.
18. Хотят жениться: Иркутскстат привёл данные об отношении к браку // Конкурент. – 2012. – 1 нояб.
19. Цифры демографической статистики // Конкурент. – 2014. – 30 дек.
20. Цифры демографической статистики // Конкурент. – 2017. – 28 февр.

ХАРАКТЕРИСТИКА ГРУППЫ САМОЗАНЯТЫХ В ЯКУТСКОМ СОЦИУМЕ

Москвитина Надежда Григорьевна,
аспирант Финансово-экономического института Северо-Восточного
федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск
677005@bk.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена тем, что самозанятость является малоизученной социальной группой в социально – экономическом аспекте в Российской Федерации, не говоря уже о якутском социуме. В большинстве случаев этот тип занятости находится в неформальном секторе и является «палочкой-выручалочкой» для людей, которые попали в трудную жизненную ситуацию. Понятие «самозанятость» и «самозанятый» у населения на практике есть но, у этих понятий нет юридического статуса и законодательно-го определения. Самозанятые – это самая не защищенная группа в социально-трудовом отношении, она первая чувствует экономические удары. Интерес к самозанятости в связи с напряженной экономической ситуацией в стране, нестабильной обстановкой в государстве, с пандемией COVID-19 и большим уровнем безработицы только возрастает. В статье даётся характеристика социальной группы самозанятых в якутском социуме и даются рекомендации для совершенствования их государственного регулирования. Выявлены гендерные особенности в разрезе видов экономической деятельности и возрастных классификаций. В данной статье определена структура видов экономической деятельности самозанятых в якутском социуме и выделены основные проблемы. Использовались такие методики как анализ специальной литературы, вторичных статистических данных, анкетирование.

Ключевые слова: самозанятые, социальная группа, якутский социум, государство, налог.

CHARACTERISTICS OF A GROUP OF SELF-EMPLOYED IN THE YAKUT SOCIETY

Moskvitina Nadezhda Grigoryevna ,
PhD student, North-Eastern Federal University, Department of sociology and personnel management,
Financial and Economic Institute.
Russia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk
[e-mail: 677005@bk.ru](mailto:677005@bk.ru)

Abstract: The relevance of the research topic is due to the fact that self – employment is a poorly studied social group in the socio-economic aspect in the Russian Federation, not to mention the Yakut society. In most cases, this type of employment is located in the informal sector and is a “lifesaver” for people who are in a difficult life situation. In practice, the population has the concept of “self-employment” and “self-employed”, but these concepts do not have a legal status and a legislative definition. The self-employed are the most vulnerable group in terms of social and labor relations, they are the first to feel economic blows. The interest in self-employment due to the tense economic situation in the country, the unstable situation in the state, the COVID-19 pandemic and the high unemployment rate is only increasing. The article gives a description of the social group of the self-employed in the Yakut society and gives recommendations for improving their state regulation. Gender features are revealed in the context of types of economic activity and age classifications. This article defines the structure of the types of economic activities of the self-employed in the Yakut society and highlights the main problems. Such methods as the analysis of special literature, secondary statistical data, and questionnaires were used.

Keywords: self-employed, social group, Yakut society, state, tax.

С 2016 года самозанятые являются самой обсуждаемой социальной группой. Пока государство решает вопрос их легализации, большинство самозанятых занимает выжидательную позицию. Нормативным документом, который регулирует деятельность самозанятых, является Федеральный закон № 422-ФЗ от 27.11.2018 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»». Этот эксперимент проводится до 31 декабря 2028 года и до этого периода «не могут вноситься изменения в настоящий Федеральный закон в части увеличения налоговых ставок и (или) уменьшения предельного размера доходов». В законе нет определения «самозанятый», но дается список лиц тех, кто не вправе применять специальный налоговый режим – это те кто осуществляет реализацию подакцизных товаров, занимается перепродажей товаров, реализует полезные ископаемые, имеет работников, ведет предпринимательскую деятельность в интересах другого лица на основе договора поручения, договора комиссии, агентских договоров, применяет иные специальные налоговые режимы или ведет предпринимательскую деятельность, доходы от которой облагаются налогом на доходы физических лиц, и налогоплательщик, у которого доходы, учитываемые при определении налоговой базы, превысили в текущем календарном году 2,4 миллиона рублей [13].

Целью представленной научной статьи является исследование группы самозанятых в якутском социуме. В соответствии с поставленной целью в работе определены следующие задачи:

- рассмотреть самозанятость с теоретической точки зрения;
- исследовать самозанятость в структуре предпринимательства;
- осуществить вербально-коммуникативный метод самозанятых в якутском социуме;
- проанализировать характеристику самозанятого в якутском социуме;
- дать рекомендации по совершенствованию государственного регулирования самозанятых.

Объектом исследования являются самозанятые в столице Республики Саха (Якутия). Опрошено 300 человек в апреле 2021 года. В качестве средства для сбора сведений от респондента используется вербально-коммуникативный метод на основе анкетирования (стандартизированный опрос): заочного через социальные сети и очного в виде заполнения анкеты по специально оформленному списку вопросов, по частоте проведения одноразовый опрос. В большинстве случаев респонденты слушали и отвечали на вопросы интервьюера.

Предметом исследования являются демографические, личностные характеристики группы самозанятых в якутском социуме.

В России изучением самозанятых занимались такие исследователи как Ж.Т. Тощенко, А.Н.Покида, М.И. Лесовская, Н.М. Воловская, С.Г. Землянухина, Н.С. Землянухина, Д.В. Бондаренко и др.

Научная новизна теоретического и эмпирического исследования самозанятых в столице Республики Саха (Якутия) имеет пионерный характер в изучении самозанятых в регионе. Работа позволила составить портрет современного самозанятого в якутском социуме и дает ему определенную характеристику.

В коллективной монографии «Прекариат: становление нового класса» известного российского социолога Ж.Т. Тощенко отмечено, что «самозанятость изначально демонстрирует свою противоречивую природу. С одной стороны, работник свободен в своем выборе заказчика, графика работы, особенностей ее организации. С другой – занятость его не гарантирована, мало защищена как от макро-, так и от микроэкономических рисков, подвержена влиянию ресурсных игроков рынка и чаще всего менее конкурентоспособна хотя бы из-за заведомо меньших оборотов. Именно это противоречие делает группу самозанятых особенной во всем многообразии современных форм занятости» [10, с. 244].

Самозанятые до сих пор никак социально не защищены, у них нет правового статуса и это создает сложности для предоставления защиты и социальных гарантий. Российский социолог А.Н. Покида, проведя исследование проблемы вовлеченности граждан в самостоятельную занятость, пишет, что «в настоящее время на рынке труда действует большая группа работников на основе самостоятельной занятости, значительная часть которых не связывают себя с официальным секто-

ром экономики, что обуславливает трудности в защите трудовых прав самозанятыми и отсутствие возможностей претендовать на различные преференции и льготы. Однако, как показывает исследование, самозанятые, которые предпочитают официально оформлять свои взаимоотношения с заказчиком, также не могут похвастаться подобными возможностями» [8, с. 171].

С.Г. Землянухина и Н.С. Землянухина, изучая систему экономических отношений в сфере самозанятости населения России, очень правильно подметили что, «может, не тратить время и ресурсы государственных чиновников на легализацию самозанятости, а направить усилия на то, чтобы создать самозанятым условия для труда, который приносит уважение, достаток и успех» [6, с. 131].

В отличие от европейских стран в России на самозанятость смотрят как на налоговый эксперимент: с помощью их налоговых отчислений хотят увеличить поступления в бюджет страны. В Европе самозанятые рассматриваются как люди, нуждающиеся в помощи. В большинстве стран не удерживают налог с дохода, если сумма дохода не превышает определенную сумму, а также доплачивают им пособие по безработице для формирования первоначального капитала для самостоятельной деятельности. Надо понимать, что самозанятые – это в большинстве случаев люди, которые оказались в такой ситуации не по своей воле. Социальной группе самозанятых нужна государственная поддержка, правовая и социальная помощь.

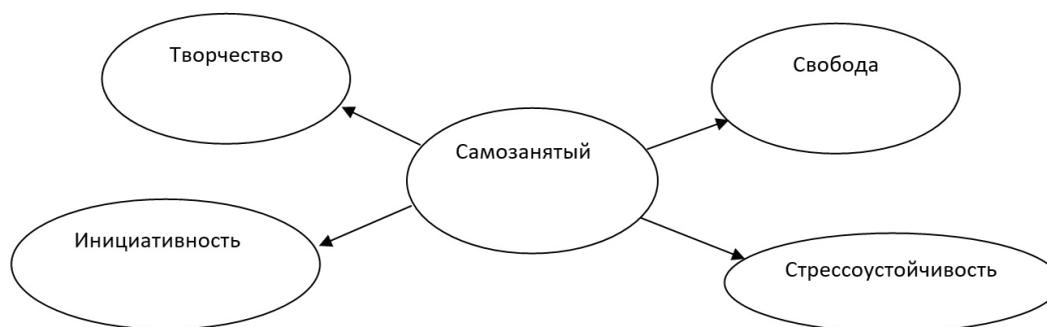
Исследуя социологический портрет самозанятых в современной России З.Т. Голенкова, Ю.В. Голиусова, Т.И. Горина отметили главное преимущество самозанятого – свобода, возможность самостоятельно принимать решения по занятости и по времени [2, с. 830]. Также, это исследование самозанятых выявило главный сдерживающий фактор при легализации самозанятых – недоверие к власти и государственным институтам.

В 2019 году Аналитический центр НАФИ провел исследование самозанятых, где были выявлены причины работы на себя, «среди них – самореализация и желание заниматься любимым делом, независимость, возможность самостоятельно планировать нагрузку и оставлять большее количество свободного времени на семью и хобби. Также выбор такого формата работы нередко оказывался ситуативным (например, причиной становилась потеря постоянной занятости)» [9].

Н.В. Тонких и А.В. Бабинцева в своем исследовании самозанятых правильно подметили что, «действующий нормативно-правовой механизм легализации теневой самостоятельной деятельности населения нуждается в дальнейшем совершенствовании. Риски и индивидуальная ответственность при самозанятости только увеличилась. Для граждан риски утраты социальных гарантий при переходе на официальную самозанятость гораздо выше, чем количество приобретаемых положительных последствий. Часть положительных аспектов использования налогового режима самозанятости имеет мнимый характер. К недостаткам действующего механизма можно отнести отсутствие социальных и пенсионных отчислений. Хотя возможность «покупки» себе года страхового стажа существует, стоимость страхового стажа определена в размере 32448 руб. Данный платеж пока является добровольным, будет индексироваться ежегодно в соответствии с уровнем инфляции, однако в настоящее время он вряд ли «подъемный»» [12, с. 181].

В 2018 году была исследована безработица и самозанятость Н.М. Воловской, Л.К. Плюсниной, А.В. Русиной. Они выявили мотивационные процессы при открытии собственного дела, отмечая, что «потеря работы оказывает серьезное воздействие на пересмотр индивидом своих ценностей, ценностных ориентаций, мотивов и является серьезной мотивацией к организации собственного дела. Самозанятость начинает рассматриваться незанятым человеком как основной выход из «унижающего» положения безработного и переход в статус занятого» [1, с. 24]. Определены такие мотивы как, возможность реализовать свои способности, обеспечить нормальную жизнь себе и своей семье, принести пользу своему селу, району.

Обобщение исследований разных авторов позволяет сделать вывод, что, безусловно, не все становятся самозанятыми – к этому приходят люди творческие, инициативные, свободные, стрессоустойчивые. Это те качества, которыми должен обладать человек, выбравший путь самостоятельной деятельности (рис. 1).

Рисунок 1. Качества, присущие самозанятым гражданам.

По данным федеральной налоговой службы по Якутии, в Республике Саха (Якутия) зарегистрировано 11 тысяч самозанятых. Также пресс-служба Министерства предпринимательства, торговли и туризма Республики Саха (Якутия) сообщает, что зарегистрироваться в качестве самозанятого можно в любой момент, не посещая налоговую инспекцию. Для этого необходимо установить приложение «Мой налог» на мобильный телефон либо зайти в сервис «Личный кабинет для плательщиков налога на профессиональный доход (самозанятых)» на сайте ФНС России [7]. Регистрация в качестве самозанятого происходит без волокиты и бюрократии, это является преимуществом нового закона. Таким образом, зарегистрироваться в качестве самозанятого легко и просто.

Стоит отметить, что, самозанятый это не официальное определение, по закону это плательщики налога на профессиональный доход, а самозанятый в современном мире – это всего лишь разговорный термин без внесения этого определения на законодательном уровне. Перейти на налоговый режим/ налог на профессиональную деятельность могут физические лица, а также индивидуальные предприниматели, без снятия своего статуса как индивидуальный предприниматель. Таким образом получается, что этот налоговый режим применяют и индивидуальные предприниматели, и физические лица в общей массе «самозанятых», что является некорректным. Надо отдельно отмечать, что все они являются не самозанятыми, а лицами, которые перешли на специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход». Такие нюансы мешают в определении понятия самозанятый. С 2018 года, когда вышел закон о проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «налог на профессиональный доход», на мой взгляд, государство создаёт хорошие условия для индивидуальных предпринимателей, но никак не помогает легализации самозанятых. На сайте ФНС есть сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». На 31 июля 2021 года зарегистрированных в Республике Саха (Якутия) всего 11132 человека, из них физических лиц 10053 человек и индивидуальных предпринимателя 1079 человек [4].

Самозанятый – это не индивидуальный предприниматель, это две совершенно разные категории лиц. Если их сравнивать, то самозанятый находится в ущемленных правах, поскольку «введенный в Российской Федерации механизм легализации самозанятых граждан не учел по разным причинам необходимость участия таких субъектов экономической деятельности в системе социального и пенсионного страхования» [11, с. 101]. Самозанятые являются отдельной самостоятельной группой; их доходы, уровень жизни, специфика работы с клиентами и наёмными работниками, отношение с государственными органами отличается от индивидуальных предпринимателей. Российский социолог, экономист и политолог Т.И. Заславская, рассматривая стратификацию современного российского общества (элита, верхний слой, средний слой, базовый слой, социальное дно), отмечала, что в 1996 году самозанятые по статусу занятости занимали верхний средний социальный слой по характеристике экономического потенциала социальных слоев [5, с. 8]. Сейчас смело можно предположить, что самозанятые находятся в базовом слое в стратификации основной

(срединной) части российского общества. Их модель – выжить и сохранить достигнутый статус в меняющихся условиях. Представители этого слоя живут за чертой бедности, к ним относятся рабочие, работники массовых профессий торговли и сервиса.

«Самозанятость не является сферой получения сверхдоходов, а скорее инструментом обеспечения достойной жизни для тех, кто не может в достаточной степени реализовать себя в экономических отношениях, регулируемых формальными институтами» [3, с. 115].

Прокомментируем результаты исследования, проведенного с помощью анкетирования самозанятых в марте и апреле 2021 года в столице Республики Саха (Якутия). В анкетировании приняли участие 124 мужчины (39%) и 193 женщины (61%) в возрасте от 18 лет до 46 лет. Дифференцируем результаты ответивших в таблице, разграничив классификацию возрастов по данным Всемирной Организации Здравоохранения (табл.1), чтобы определить самозанятых по возрастному и половому признаку.

Таблица 1

Определение самозанятых по половому признаку и по классификации возрастов.

пол	Молодые люди (молодой возраст)	Люди среднего возраста (средний возраст)
	18-44 года	45-59 лет
мужской	+36%	3%
женский	60%	1%

На вопрос «Чем вы занимаетесь?» самозанятые ответили: репетиторские услуги – 7%, блоггерство – 3%, услуги няни – 2%, парикмахеры – 6%, маникюрный сервис — 7%, мастер по бровям и ресницам - 6%, швея — 5%, фотограф — 4%, выпечка кондитерских изделий – 5%, водитель – 9%, копирайтинг – 1%, СМИ – 3%, массажист – 4%, ювелир – 4%, ремонт бытовой и компьютерной техники – 4%, аренда недвижимости и машины – 7%, дизайнер – 4%, бухгалтерские услуги – 2%, изготовление сувениров своими руками (свечи, украшения, посуда, игрушки и др.) – 2%, ремонтные работы квартир и дач – 7%, организатор торжеств и праздников – 2%, художник – 2%, риэлтор – 1%, уборка жилья – 1%, персональный тренер – 1%, разведение породистых кошек и собак – 1%. По сходным видам деятельности можно объединить в одну группу и увидеть объединенную картину (рис. 2).

Распределим гендерные особенности в разрезе видов экономической деятельности самозанятых:

Женщины-самозанятые работают в таких секторах как репетиторство, няни, услуги красоты на дому, портные и швеи, фотографирование, дизайн, кулинария, бухгалтерские услуги, изготовление сувениров, организаторы праздников и торжеств, уборка жилья, персональный тренер, разведение животных.

Мужчины-самозанятые работают в таких профессиях, как водительские услуги, копирайтинг, ювелир, ремонт бытовой и компьютерной техники, аренда, ремонтные работы квартир и дач, фотограф, художник и риэлтор.

Если смотреть на опыт самозанятости то ответы были такие: работают меньше года – 27%, от 1 до 5 лет – 41%, от 10 до 15 лет – 21%, от 15 до 20 лет – 8%, от 20 лет – 3%.

Интересно, что большинство самозанятых (44%) встали на этот путь, чтобы добиться материального благополучия; не хотят иметь проблем с законом и боятся последствий неуплаты налогов – 5%; налаживают связи, знакомятся и общаются с интересными людьми – 5%; чтобы добиться уважения и признания окружающих – 14%; самосовершенствуются, получают профессиональный рост и лично развиваются – 8%; самостоятельно планируют работу и распределяют свободное время – 16%. Надо отметить, что были ответы, где было указано, что не нашли подходящую работу по найму, которая удовлетворяет все потребности – 5%, полученное образование не соответствует желаемой работе – 3%. Самозанятые предпочитают работать дома – 77%, в офисе – 9%,

Рисунок 2. Структура самозанятых в разрезе видов экономической деятельности.

в публичных местах в кафе, ресторане – 6%, в любом другом месте ответили 8 % опрошенных самозанятых.

В современном мире люди, которые занимаются самостоятельной деятельностью, сталкиваются со множеством проблем, такими как нестабильный доход – 91%, конкуренция – 65%, риск потерять время и деньги – 35%, непонимание клиентами их работы, товаров и услуг – 24%, с ленью – 15%, со сложностью в нахождении клиентов – 78%, проблемы с продвижением испытывает 89%, с низкой стоимостью работы – 56%, недоверием клиентов – 39%, медленными результатами – 67%, давлением со стороны близких – 70%.

Выделим основные проблемные места самозанятых в виде круговорота основных проблем, которые сложно решить (рис. 3).

Рисунок 3. Основные проблемы, с которыми сталкивается самозанятые.

Таким образом, мы видим, что самозанятость в якутском социуме имеет свои особенности. К примеру, самозанятых женщин больше, чем мужчин, самозанятость имеет молодой возраст от 18 до 44 лет, занятие самозанятых в разрезе экономической деятельности обширное, начиная от репетиторов до персональных тренеров, опыт работы от 1 до 5 лет, большинство самозанятых встали на этот путь чтобы добиться материального благополучия, но за период работы столкнулись с нестабильным доходом, сложностью в нахождении клиентов и отсутствием продвижения. Мы видим распространение бедности. Государство хочет легализовать этот вид деятельности и обложить налогами социальную группу, которая находится за чертой бедности и при этом не поддерживая никакими социальными и правовыми гарантиями.

Исходя из вышесказанного, определим ряд рекомендаций для совершенствования государственного регулирования деятельности самозанятых:

1. Определить правовой статус самозанятых на законодательном уровне.

2. В налоговом режиме «Налог на профессиональный доход» при регистрации индивидуальных предпринимателей надо требовать закрытия статуса «индивидуальный предприниматель» и регистрировать их как физическое лицо. Это в дальнейшем поможет закрепить закон о самозанятых, поскольку без этого нюанса, сейчас получается создание легких условий для индивидуальных предпринимателей, без закрытия своего статуса и увеличение числа «самозанятых» с помощью привлечения к ним предпринимателей.

3. Усилить социальную поддержку самозанятых.
4. Требуется государственная поддержка в форме обучения и повышения квалификации, необходимо также на первых порах курирование самостоятельной деятельности самозанятого.
5. Финансовая поддержка самозанятого, например, в течение года выплачивать пособие для самозанятого, либо кредитование с низкими процентами.
6. Популяризовать, рекламировать этот вид деятельности, без ущемления их взглядов на жизнь с целью морально-психологической поддержки для поднятия духа самозанятого. Разъяснять и распространять виды экономической деятельности самозанятых как нужных, востребованных и исключительных профессий.

Список литературы:

1. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Иноземцева А. В. (2018). Безработица и самозанятость: ожидания и реалии (по материалам социологических исследований) // Теория и практика общественного развития.– 2018. – № 11 (129). – С. 22–31.
2. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В., Горина Т.И. Социологический портрет самозанятых в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2020.– № 4. – С.821–836.
3. Грабова О.Н., Суглобов А.Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. – 2017.– №6. – С. 108–116.
4. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Сайт Федеральной налоговой службы 2021. 31 июля URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 10.09.2021).
5. Заславская Т.И. Стратификация современного российского общества // Информационный бюллетень мониторинга. – 1996.– №1 (21). – С.7–15.
6. Землянухина С.Г., Землянухина Н.С. Система экономических отношений в сфере самозанятости населения России // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2018. – Т.18. – №2. – С.126–133.
7. Количество самозанятых в Якутии превысило 11 тыс. человек // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия) 2021. 17 авг. URL:https://www.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3284385?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 09.09.2021).
8. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Самозанятые граждане и социальные гарантии // Власть. – 2020. – №3. – С. 165–172.
9. Почему россияне становятся самозанятыми? // НАФИ Аналитический центр. – 2019. – 26 дек. URL: <https://nafi.ru/analytics/pochemu-rossiyane-stanovyatsya-samozanyatyami-issledovanie-yandeks-taksi-i-nafi/> (дата обращения: 10.09.2021).
10. Прекариат: становление нового класса (коллективная монография) /под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с.
11. Ручкина Г.Ф. К вопросу о легализации самозанятых в Российской Федерации // Имущественные отношения в РФ. – 2020. №3 (222). – С.97–106.
12. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частые проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика».– 2020. – Т.18.– №1. – С. 172–183.
13. Федеральный закон от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/30ba0412dfedfe46e8061ea063246bac59da2b69/#dst100042 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЯКУТСКОЙ АРКТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Астахова Ирина Сергеевна

младший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

Irasta@list.ru

Аннотация. В статье представлен обзор источников по истории повседневности городских поселений Усть-Янского района РС(Я) второй половины XX века. В исследуемый период было образовано семь рабочих поселков, с небольшой сетью поселений вокруг них. Распад советского государства и экономические реформы 1990-х гг. смогли пережить только три городских поселения района. По мнению автора, наиболее информативными и доступными источниками, позволяющими раскрыть тему, являются: архивные документы первичных партийных и профсоюзных организаций; эго-документы, представленные, в том числе в интернет пространстве; фото и видео материалы, позволяющие исследователю увидеть и ощутить дух времени. Автор статьи, представив источники личного происхождения, показала процесс их исследования. Фотодокументы, найденные в Муниципальном архиве Усть-Янского района, впервые водятся в научный оборот. В работе также представлена характеристика архивных источников по истории повседневности поселков.

Ключевые слова: история повседневности, исторические источники, Арктика, Якутия, Усть-Янский район, городские поселения, приезжее население.

SOURCES FOR STUDYING EVERYDAY LIFE IN URBAN SETTLEMENTS OF THE YAKUT ARCTIC IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Astakhova Irina Sergeevna

Junior Research of the Department of History and Arctic Studies,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

Irasta@list.ru

Annotation. The article provides an overview of sources on the history of everyday life of urban settlements in the Ust-Yanskiy region of the Republic of Sakha (Yakutia) in the second half of the twentieth century. During the study period, seven workers' settlements were formed, with a small network of settlements around them. The collapse of the Soviet state and the economic reforms of the 1990s only three urban settlements of the district were able to survive. According to the author, the most informative and accessible sources that allow to reveal the topic are: archival documents of primary party and trade union organizations; ego-documents, including in the Internet space; photo and video materials allowing the researcher to see and feel the spirit of the times. The author of the article, presenting sources of personal origin, showed the process of their research. The photographic documents found in the Archive of the Ust-Yansky District are for the first time in scientific circulation. The paper also presents the characteristics of archival sources on the history of everyday life in towns.

Keywords: history of everyday life, historical sources, Arctic, Yakutia, Ust-Yansky district, urban settlements, visiting population.

Во второй половине XX в. Российская Арктика из удаленной и малонаселенной территории превращается в быстро развивающийся регион страны. Открытие месторождений полезных ископаемых и начало их добычи, требовали развитие транспортной инфраструктуры и привлечение

значительных человеческих ресурсов. Первоочередной задачей являлось обеспечение рабочей силой промышленных объектов, создаваемых в районах нового освоения. Правительством СССР было принято решение о привлечении населения на Север на основе добровольной и материальной заинтересованности. Материальное стимулирование являлось лишь одним из направлений привлечения трудящихся в районы Крайнего Севера, но не самым решающим. Для формирования трудовых ресурсов в северных районах были необходимы более широкие экономические и социальные подходы. Принимается решение о строительстве постоянных поселений на Крайнем Севере, о закреплении населения на данной территории. Развернулись жилищное и культурное строительство, организация сети учреждений здравоохранения и культурно-бытового обслуживания. Создание новой системы расселения – сети крупных, средних, малых городов и рабочих поселков – должна была способствовать дальнейшему формированию постоянного контингента трудящихся.

Все эти меры привели к образованию новых крупных поселений и в якутской Арктике. Полиэтническое приездное население, обустрояясь на новом месте, формировало новое культурное пространство, которое также вбирало в себя элементы автохтонной культуры. История городских поселений якутской Арктики второй половины XX в. остается мало изученной темой и требует всестороннего исследования. В рамках данной статьи рассмотрим источники по истории повседневности городских поселений Усть-Янского района РС(Я), где в изучаемый период было образовано семь рабочих поселков, с небольшой сетью поселений вокруг них. Численность городского населения в советский период в этом районе стремительно возрастала, если в 1959 г. насчитывалось 2684 чел., то 1989 г. стало уже 35852 чел. С закрытием добывающих предприятий, «умирает» большинство городских поселений, население массово покидает поселки. На первое января 2021 г. в районе проживало лишь 3862 чел. городского населения¹.

История повседневности сегодня одно из самых востребованных направлений исторических исследований. В центре её внимания комплексное исследование повторяющегося, обыденного, конструирующего образ жизни у представителей разных социальных слоев, включая эмоциональные реакции на жизненные события и мотивы поведения [6]. Исследовательский процесс изучения повседневности предполагает объединение отдельных элементов в единую систему. В силу этого история повседневности существенно раздвигает источниковедческую базу исследований за счет микроисторических подходов и синтеза работы с различными группами источников [4, с. 24]. Изучая обыденность, можно не только уловить «дух времени», но и показать «маленького человека» в «большой истории» [2]. Для теоретического осмысления изучаемой проблемы неопределимую роль оказали исследования представителей зарубежной школы истории повседневности (А. Людке [3], М. Серто). Так, М. Серто предлагает изучать жизненные установки мира власть имущих, устанавливающих правила (стратегии), и мира потребителей, пытающихся подстроиться под эти правила (тактика). Тактику он отождествляет с народной культурой, способной подстраиваться под обстоятельства, вызванные социальными, экономическими, политическими изменениями в обществе [7]. Приезжему населению поселков, безусловно, необходимо было подстраиваться под условия жизни и труда на территориях с экстремальным климатом вдали от европейской цивилизации.

Рассмотрим самые «продуктивные» источники, передающие все грани повседневной жизни исследуемых городских поселений. В первую очередь, среди традиционных письменных источников хотелось бы выделить эго-документы: биографии, мемуары, дневники, письма. В силу исторических причин: развала государства, ликвидации промышленных предприятий, закрытия рабочих поселков, часть таких источников была безвозвратно утрачена, часть осела в личных архивах. В архивные и музейные фонды такие документы попадают крайне редко. Так, на основе материалов из личных архивов, в 2008 г. опубликовано краеведческое издание по истории поселка Депутатский и Депутатского ГОКа [1]. Автор, Г.Д. Аристакесян, за долгие годы работы журналистом в районных газетах Якутии, собрал уникальные материалы, отражающие дух времени: воспоминания, письма, фотогра-

---

¹Численность постоянного населения по муниципальным районам РС (Я). URL: <https://sakha.gks.ru> (дата обращения: 15.09.2021)

фии. Он и сам являлся очевидцем многих событий, что, безусловно, повлияло на эмоциональный фон публикации. Однако, так как книга написана в жанре очерка, и не содержит библиографического аппарата, сложно судить о качестве исторических источников, на которые автор опирался.

Публикации воспоминаний в официальных изданиях советского периода избобилуют рассказами о трудовых подвигах северян, но исследователю всегда необходимо учитывать существование в этот период обязательной цензуры. Например, в знаменитом журнале «Вокруг света» в рубрике «XX век: Человек и Север», были опубликованы зарисовки из трудовых будней тружеников Севера, в частности, шоферов-дальнобойщиков, совершавших героические рейсы в арктические районы Якутии. В статье найдены упоминания о поселке Кулар Усть-Янского района ЯАССР, о сложностях доставки грузов в отдаленный поселок, что являлось обыденным для его жителей.

«...Это было поздней весной. Стоял конец мая. Ртутный столбик термометра показывал плюс десять. Ледовые дороги Якутии превратились в реки. А в заполярный поселок Кулар, что стоит на берегу моря Лаптевых, нужно было немедленно доставить срочный груз. Он был очень громоздкий, этот груз, и авиация ничем не могла помочь, тем более, что ледовые посадочные площадки превратились в снежную кашу. И тогда из Хандыги, расположенной южнее на 1700 километров, вышла автоколонна из четырех машин. В тундре на трассе стояла вода. Ее глубина порой доходила до полутора метров. Но тяжелые «Уралы» шли вперед... Они дошли. Через месяц, в конце июня, машины появились на улицах Кулара. Жители поселка встречали их цветами...» [5].

Воспоминания, написанные уже в постсоветский период, нашли свое место в интернет-источниках. В социальных сетях сложились целые сообщества, посвященные северным поселкам и истории промышленного освоения, которые обмениваются воспоминаниями, фотографиями, видео материалами. Например, воспоминание о поселке Кулар, предположительно конца 1970-х гг., когда поселок переживал период своего расцвета. Информант повествует о своем первом знакомстве с поселком, она останавливается на природных особенностях местности, что довольно часто встречается в рассказах северян, показывая важность северной природы в формирующемся культурном пространстве. Именно о природе больше всего тоскуют навсегда покинувшие эти места. Далее подробно рассказывается о предприятиях, социальных объектах, жилой инфраструктуре поселка, что свидетельствует о благоустроенности поселения. В заключительной части о гибели Кулара информант делает выводы со слов других и видео, не являясь участником непосредственных событий. Субъективность приведенных здесь фактов бесспорна, и должна быть проверена исследователем.

«...Наконец-то мы увидели на одном из автобусов табличку «КУЛАР» и вот за окнами промелькнули тоненькие, искривленные стволы деревьев, ослепительно сверкающие заснеженные равнины, и перед нашими взорами предстал небольшой поселок, окутанный голубоватой дымкой. Автобус медленно спускался с холма к Кулару, который был прекрасно виден, словно на ладони. Центральная улица разделяла поселок на две части. В самом центре красовался Клуб, рядом находилась контора Горнообогатительного Комбината Куларзолото, магазинчики – продуктовый, овощной, хлебный, а так же Дом Быта, Банк, Почта, ДЭС – дизельная электростанция, котельная, столовая, больница, аптека, пожарная станция. Наконец, радовали взор просторный детский сад «Льдинка» и ставшая потом такой родной школа, а так же Черемушки – несколько двухэтажных деревянных домов и Старательская артель Южная...Кулар стоит на «золотой жиле» и ... поселок будут сносить. А потом... слава богу, многим из нас не довелось увидеть эту жуткую картину: началось осуществление давно запланированного уничтожения поселка. На видеокассете, привезенной родственниками, запечатлены ужасающие кадры горящей школы, где прозвучал для нас последний звонок, и где прозвучал самый первый звонок для моего сына-первоклашки. Огромный бульдозер безжалостно кромсает детский сад Льдинка...»¹.

Очередное воспоминание прекрасно иллюстрирует, какой была «в ходу» повседневная одежда и моменты ее адаптации к условиям жизни. Информант приводит имена, апеллирует точными цифрами, это говорит о том, что автор текста уверен в своих воспоминаниях.

¹ Надежда. URL: <http://kular.ucoz.ru/publ/1-1-0-13> (дата обращения 01.08.2021)

«...Для меня золотой Кулар начался в 1972 г. в самый разгар суровых якутских морозов, когда столбик термометра не поднимался выше 52-градусной отметки. Один из ветеранов Кулара, Григорий Васильевич Усатый, работавший заместителем главного инженера по ТБ шахты «Центральная», увидев бывшего студента в тоненьком пальтишке, сразу выдал мне один из 5 меховых полушубков, поступивших на всю шахту. Такая спецодежда очень высоко ценилась, и на работу её обычно не носили, а использовали в бытовой носке. На работе использовали ватную «Пургу». Валенки подшивали транспортной лентой, и у нас были известные мастера (взрывник Фильченков и Фёдор Набока), которые «обували» всех шахтёров. Всего за 5 руб. срок службы валенок продлялся с 2-х до 12 месяцев!..»¹.

Нередко воспоминания северян полны эмоционального содержания, они просто переполнены темпераментом. За этим эмоциональным потоком можно не заметить элементы повседневной жизни. Из следующего фрагмента видно, как жители решали вопрос с незаходящим солнцем в полярный день. Это очень сложная проблема, имеющая глубокие медицинские корни, это не только возможность иметь здоровый ночной отдых, но и выработка гормонов, что влияет на психологическую атмосферу в замкнутом обществе северного поселения.

«...Хочешь, я подарю тебе Север? Я подарю его тебе таким, каким его редко кто знает. И ты, быть может, тоже будешь просыпаться с бьющимся от восторга и тоски сердцем, увидев как будто наяву долгий полярный день, когда солнце не скрывается за горизонтом и всё никак не может закончить свой марафон от правого края горизонта до левого. Так и перекачивается с края на край, туда - сюда, туда - сюда, не заходя ни днём, ни теоретической ночью, как шарик пинг-понга на теннисном столе. Жители Севера очень просто выходят из этой ситуации - просто на окна вместо штор вешаются одеяла. Ну, кто же сможет заснуть, когда солнце за окном 24 часа в сутки?..»².

Следующим историческим источником, наглядно отражающим историю урбанизации арктического пространства Якутии, его можно выделить по типу фиксации информации, являются фотодокументы, а к концу советской эпохи и видеодокументы. Взгляд фотографа менялся вместе с государством. Если в послевоенные годы фотограф, как правило, это журналист, стремился показать на фото некое событие или трудовой процесс, то позже с массовым появлением любительского фото в центре внимания был уже человек. Особенно ценны не постановочные статичные фотографии, а кадры, отражающие обыденность жизни, фото в движении.

На фотографиях часто запечатлены производственные объекты, машины, трудовой процесс. Фотограф стремился показать процесс успешного промышленного развития государства, сложные условия труда человека на Севере (рис. 1, 2).

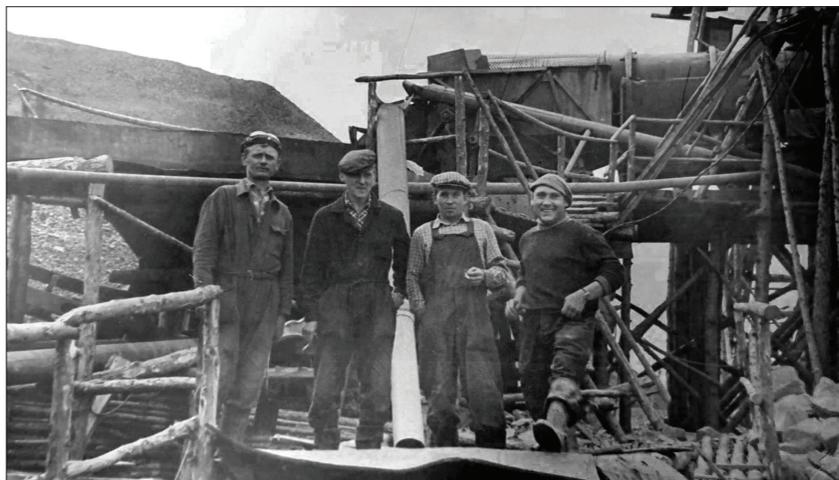

Рисунок 1. Рабочие Депутатского ГОКа. 1970-е гг.
Фотофонд Муниципального архива Усть-Янского района.

¹ Луняшин Павел Дмитриевич. Работал на Куларе с 1972 по 1995 гг. Воспоминания о золотом Куларе // URL: http://kular.ucoz.ru/publ/vospominaniya_o_zolotom_kulare/1-1-0-43 (дата обращения 07.08.2021)

² Елена Переяслова. Я подарю тебе Север // URL: <http://kular.ucoz.ru/publ/1-1-0-23> (дата обращения 04.08.2021)

Рисунок 2. Промывочный прибор. ГОК «Куларзолото». 1979 г. Фотофонд НА РС(Я). Д. 4687.

Часто встречаются фотографии торжественных общественных мероприятий: праздников, собраний, конференций, субботников. В основном это постановочные фото, и удача для исследователя обнаружить материал, отражающий дыхание времени. Например, торжественная линейка в школе по поводу Дня знаний (рис.3): в первом ряду стоят первоклассники, нарядно и тепло одетые, в руках букетики цветов или веточки каких-то растений. Далее расположились подростки и взрослые, в основном это женщины, так как мужчины заняты на производстве. Среди публики можно обнаружить лица монголоидной расы, скорее всего это коренные жители. На заднем плане виднеются двухэтажные деревянные дома. Вероятнее всего этот снимок сделан в центральной части поселка Депутатский, в настоящее время полностью разрушенной.

Рисунок 3. Будущие первоклассники. 1970-е гг., п. Депутатский.
Фотофонд Муниципального архива Усть-Янского района.

Встречаются и интересные фотографии общественных пространств (улиц, школ, клубов, магазинов). На фото запечатлен обязательный «атрибут» советской школы – соревнования по начальной военной подготовке (рис. 4). Видим радостные лица подростков, незначительное число зрителей, для небольшого поселения подобные мероприятия были событием, частью досуга.

Рисунок 4. Военная подготовка. 1970-е гг., п. Депутатский.
Фотофонд Муниципального архива Усть-Янского района.

Фото из личных архивов – это в основной своей массе портреты, сделанные в фотоателье, в отпуске за пределами республики, в детских садах и школах. Здесь надо отметить, что население из ликвидируемых поселков забирало лишь, как им казалось, самые ценные фотографии. Информанты отмечали, что те, кто не успел отправить вещи контейнером, оставляли личные фотоальбомы, забирая с собой только самые «красивые» цветные фото, а сделанные в домашних условиях черно-белые фотографии зачастую оставались брошенными. Та же участь постигла фотоальбомы учреждений, только малая толика из них по счастливой случайности попала в муниципальный архив.

Среди архивных документов, расширяющих возможность изучения повседневности советского человека в Арктике, являются материалы первичных партийных организаций и профсоюзных комитетов. В фондах Национального архива РС(Я) отложились документы комбината «Куларзолото», Депутатского ГОКа, геологоразведочных экспедиций и ряда других предприятий и учреждений района. Данные документы раскрывают проблемные сюжеты, всю широту общественной жизни, досуга жителей; отражают производственную повседневность времени. Протоколы (стенограммы) собраний профсоюзных комитетов предприятий и первичных партийных организаций, являвшихся низовым звеном в партийной иерархии, написаны простым языком с использованием разговорной речи. Документы демонстрируют обыденные и в то же время насущные проблемы и радости поселкового общества. Через партийные и профсоюзные организации зачастую проходили вопросы, затрагивающие личную жизнь граждан, где в интимных подробностях разбирались со сложившейся ситуацией и выносились иногда суровые решения. Отметим также фонд «Статистического управления ЯАССР», где хранятся любопытные отчеты предприятий, показывающие без прикрас повседневную жизнь жителей поселков, в частности обнажается проблема пьянства на предприятиях и связанное с этим возросшее число несчастных случаев и прогулов.

Таким образом, в рамках данной статьи дана характеристика источников по истории повседневности городских поселений Усть-Янского района РС(Я). Наиболее информативными и доступными источниками по теме, учитывая историческую судьбу поселений, являются: архивные материалы низового звена; эго-документы, в основном представленные в интернет пространстве; фото- и

видеоматериалы, позволяющие исследователю увидеть и ощутить дух времени. Безусловно, это не исчерпывающий перечень, перспективными источниками в изучении истории повседневности городских поселений якутской Арктики, являются материалы интервью и огромный пласт музейных материалов. В заключение хотелось бы отметить, что источники, раскрывающие повседневную жизнь арктических поселков, объединяет эмоциональный фон, который можно выразить одним словом – преодоление: себя, жизненных обстоятельств, сурового климата.

Список литературы:

1. Аристакесян Г.Д. Депутатская параллель: 1951–2007. – Якутск: Якутский край, 2008. – 240 с.
2. Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электроставского завода в советском обществе 1920-х – 1930-х гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – 352 с.
3. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М.: РОССПЭН, 2010. – 271 с.
4. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: ГУ ВШЭ, 2010. – 317 с.
5. Пономарев В. Я – трасса. // Вокруг света. – 1974. – № 9. – С. 26–29.
6. Пушкарева Н.Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках) // Вестник антропологии. – 2016. – № 3. – С. 121–140.
7. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_17

УДК 373.5+94(571.56-17)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА НА СЕВЕРЕ ЯКУТИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Васильева Нина Дмитриевна
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник
отдела истории и арктических исследований,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН, г. Якутск
oiuna@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена государственной политике по школьному строительству на севере Якутии в послевоенные десятилетия, положившей начало разрушению национального ядра традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и преемственности поколений.

Ключевые слова: национальная школа, коренные народы, интернатская система, ассимиляция.

NATIONAL SCHOOL IN THE NORTH OF YAKUTIA IN THE POST-WAR PERIOD

Vasilieva Nina Dmitrievna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Senior Research Fellow of the Department of History and Arctic Studies,
Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
oiuna@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the state policy on school construction in the north of Yakutia in the post-war decades, which marked the beginning of the destruction of the national core of the traditional culture of the indigenous small peoples of the North and the continuity of generations.

Keywords: national school, indigenous peoples, boarding school, assimilation.

За последние десятилетия в области духовного развития российского общества происходят довольно противоречивые процессы. Прежде всего, во всех регионах наблюдается бурный процесс возрождения традиционных культур и этнического самосознания. В то же время, в условиях глобализации значительно усиливаются процессы унификации, что приводит к разрушению, размыванию локальных, этнических и вообще культурных ценностей и может способствовать исчезновению отдельных самобытных этносов. Общеизвестно, что существенной трансформации этнические культуры коренных народов России, в том числе и арктического региона, подверглись в XX в., в результате целенаправленной политики советского государства. И если в первые три десятилетия политика советской власти была направлена на сохранение и развитие поликультурного ландшафта, то в послевоенный период она резко меняется в сторону ускоренной унификации. И в первую очередь, это коснулось системы народного образования, где перестройка школы занимала первостепенное значение.

В настоящее время историография Якутии по развитию общего образования представлена практически одной исторической работой В.Ф. Афанасьева, которая посвящена дореволюционному периоду и первой половине XX в. и заканчивается 1945 г. В.Ф. Афанасьев стал одним из первых исследователей истории развития образования в Якутии. Его монография «Школа и развитие педагогической мысли» посвящена особенностям воспитания детей у якутов и становлению и развитию народного образования в целом по республике [2]. Автором также уделено некоторое внимание школам Крайнего Севера. Разумеется, В.Ф. Афанасьев отмечает довольно сложную ситуацию в данной сфере на севере республики. Это и острая нехватка педагогических кадров, учебных пособий, помещений. В другой монографии «Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока» автор на основе глубокого и всестороннего анализа обобщил самобытный педагогический опыт, идеи народов региона [3].

Довольно обширна литература по педагогическим исследованиям. В некоторых из них в той или иной степени затрагиваются и исторические аспекты.

В 2006 г. вышла коллективная монография Неустроева Н.Д. и Неустроевой А.Н. «Историография развития начального образования в Якутии» [9]. В ней авторы рассматривают основные этапы становления и развития начального образования в Якутии с дореволюционных времен до современности в контексте той или иной образовательной политики, директивных документов и инновационных педагогических идей. Особое внимание уделено хронологической последовательности изложения материалов исследования, историзму подхода к разработке темы. Таким образом, в настоящее время обобщающих исследований в данных хронологических рамках практически не существует.

Несколько иная ситуация за последнее время сложилась по другим национальным регионам, которые стали непосредственно рассматривать проблему развития национальных школ [6, 7, 8]. Авторы также, опираясь на многочисленные факты, придерживаются мнения, что именно в послевоенный период начался ускоренный процесс русификации, причем на всех уровнях образования.

Надо заметить, что еще в первые десятилетия советской власти развитию национальных школ уделялось особое внимание. Однако в виду объективных (отсутствие письменности, педагогических кадров) причин не получили развития школы с обучением на родных языках малочисленных народов Севера. Все это повлекло за собой негативные последствия для сохранения традиционных культур и языков этих народов. Постепенно из праздничной культуры коренных народов также стали предаваться забвению национальные элементы. Центральные праздники якутов (ысыах), малочисленных народов Севера (бакалдын и др.) деформируются в так называемые «советские» с

докладами о подведении итогов соцсоревнования и трудовых достижениях, награждением передовиков производства, выступлениями самодеятельных художественных коллективов.

В послевоенный период данный процесс значительно ускорился в связи с дальнейшим усилением идеологизации общественной жизни и контроля над школами партийных органов, введением централизованной системы управления школьным образованием. Школы становятся десятилетними. Но в сельской местности было установлено пока обязательное семилетнее образование.

На севере Якутии повсеместно расширяется сеть интернатов [4]. Разумеется, материальная база интернатов оставалась недостаточной для качественного обеспечения потребностей народного образования. Тем не менее, дети находились на государственном обеспечении, что в первое время не влияло на расположение родителей, настроенных против практики насильственного помещения детей в интернаты [10]. Не каждый ребенок мог легко адаптироваться к непривычным условиям. Собственно, создание интернатской системы и имело решающее значение в отчуждении подрастающего поколения от традиционного образа жизни и культуры, где общение, в т.ч. и обучение было на русском, либо на якутском языке. Многие исследователи и респонденты отмечают, что в эти десятилетия в интернатах и школах даже в принудительном порядке запрещали общаться на родном языке [5, с. 110–111]. Разумеется, это было не официально принятой мерой, а во многом зависело от преподавателей, т.к. среди них были в основном русские и якуты.

По данным переписей, как пишут Е.К. Алексеева и Ю.А. Слепцов, «в Якутии у народов Севера была высока степень перехода на якутский язык. По данным переписи 1989 г. из числа народов Севера считали родным языком якутский – 11905 эвенков, т.е. 82,5%, 4708 эвенов, т.е. 54,3%, 196 юкагиров, т.е. 28,1%, 35 чукчей, т.е. 7,4%. Русский язык считали родным 1291 эвенков, т.е. 8,9%, 926 эвенов, т.е. 10,7%, 233 юкагиров, т.е. 33,4%, 135 чукчей, т.е. 28,5%. Ежегодно сокращалось число людей, считающих родным язык своей национальности: эвены: 1970 – 41,7%, 1979 – 44,1%, 1989 – 34,7%; эвенки: 1970 – 15,1 %, 1979 – 11,2%, 1989 – 8,5%; юкагиры: 1970 – 51,8%, 1979 – 39,7%, 1989 – 35,2%. В результате даже фольклор, теряя языковую основу, претерпевал тенденцию к исчезновению. С каждым годом становилось все меньше и меньше носителей языка, материальной и духовной культуры народов Севера» [1, с. 74]. Существовала и другая тенденция в среде некоторой части населения. Считалось, что при обучении будет меньшая нагрузка, поскольку при поступлении в учебные заведения не требуется знание родного языка.

Также большую роль сыграло начавшееся в 1950-х гг. интенсивное промышленное освоение, что повлекло приток иноязычного населения, при котором коренное население оказалось значительным меньшинством, и в быту, постепенно родной язык перестает оставаться необходимым для общения.

С этого момента усиливаются процессы русификации, чему способствовала и политика перевода кочевых и полукочевых народов на оседлость. Коренное население стали переселять в более крупные поселки, которое также не было всегда добровольным и имело самое непосредственное и решающее влияние на отчуждение молодого поколения от традиционных форм хозяйствования. Будучи в 2000 г. в экспедиции в Томпонском улусе в с. Тополиное (месте компактного проживания эвенов), автор статьи беседовал с респондентами, которые работали в оленеводстве. Это были представители старшего поколения. Они говорили, что современная молодежь не хочет и не может работать в традиционных отраслях: «спят до 12.00 часов дня, а в это время олени разбегаются»¹. Существовали до недавнего времени и другие объективные причины. Такие как маленькая зарплата, тяжёлые условия труда и быта, слабая обеспеченность топливом, рабочим инвентарем, который и по сей день остается практически традиционным, кроме некоторых средств передвижения.

Что касается обучения при школах традиционным трудовым навыкам и вообще традиционной культуре, то в изучаемый период, как известно, оно не занимало сколько-нибудь значимое место. Существовали даже подобные мнения среди родителей, как «наши дети не будут работать в хото-нах. Мы всю жизнь работали в грязных хотонах, в трудных условиях при кочевках в тундре»². По-

¹ Материалы, собранные в экспедиции в Томпонском улусе в 2000 г. // Полевые материалы автора (далее ПМА).

² Там же.

этому родители придавали большое значение получению образования. В эти десятилетия трудовое обучение в школе посвящалось производству, рабочим профессиям в промышленности, ну и в сельском хозяйстве. Однако, надо заметить, что коренное население практически не работало в промышленности, а в основном трудились в сфере образования, культуры и т.д.

Таким образом, на севере Якутии в рассматриваемые послевоенные десятилетия государственная политика в области школьного образования осуществлялась в общем русле союзной политики без учета традиционного образа жизни и национальных культур коренного населения. Все это, в конечном итоге привело к тому, что несколько поколений молодых северян стало отчуждаться от традиционного образа жизни и культуры. В результате это непосредственно отразилось на преемственности поколений, забвению традиционных ценностей.

Список литературы:

1. Алексеева Е.К., Слепцов Ю.А. Языковая политика в СССР и постсоветский период// Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Том 7. № 6А. – С. 71–79.
2. Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1966. – 343 с.
3. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 182 с.
4. Афанасьев В.Ф. Школьные интернаты Якутии. – Якутск, [б. и.], 1957. – 78 с.
5. Белолобская В.Г. Языки коренных народов Севера: история и современность. // Высшее образование в России. – 2005. – № 5. – С. 110–112.
6. Джурицкий А.Н. Поликультурное образование в многонациональном социуме: Учебник, 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2018. — 252 с.
7. Заморская Н. Родная речь: Как Сталин внедрял русский язык в СССР// Газета.RU URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/03/12/11679751.shtml> (Дата обращения 20.09.2021)
8. Мирошниченко В.В. Основные этапы развития национального образования в советский период // Актуальные задачи педагогики: материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, февраль 2013 г.). – Чита: Молодой ученый, 2013. – С. 10–12.
9. Неустроев Н.Д., Неустроева А.Н. Историография развития начального образования в Якутии. – М.: МПГУ, 2006. – 300 с.
10. Харченкова Л.И., Ротмистрова О.В., Дорофеева М.Г. Развитие образования на Крайнем Севере (региональный аспект) // Международный журнал экспериментального образования. – 2020. – № 6. – С. 64–70.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_18
УДК 614.2(571.56) "198"

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В РАЙОНАХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯКУТИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980 ГОДОВ

Егоров Петр Михайлович,
к.полит.н., научный сотрудник отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск,
epm77@mail.ru

Трофимова Лаура Дмитриевна,
студент медицинского института,
Северо-Восточного Федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск

Аннотация: В статье, на основе архивных источников рассматривается состояние здравоохранения в районах проживания коренных малочисленных народов Севера Якутии в первой половине 1980 годов. Здоровье

коренных народов обусловлено весьма специфическим характером жизни в суровых климатических условиях, а также характером их традиционных занятий и питания. В 1980-х гг. в Якутской АССР к районам проживания народов Севера относились 19 районов. В исследуемый период эти районы были полностью укомплектованы врачами и средним медперсоналом. В соответствии с критериями ВОЗ, арктические районы Якутии того периода, так же, как вся Россия и Якутия должны быть отнесены к территориям с очень высоким уровнем обеспечения населения больницами. Однако, в указанный период в сельских, и особенно в арктических районах Якутии так и не удалось разрешить кардинальные проблемы строительства жилищно-коммунальной инфраструктуры медицинских учреждений. Сельские медучреждения часто находились в непригодных, а значительная часть в ветхих зданиях, в которых не было водопровода, канализации и внутреннего туалета, и даже центрального отопления.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Якутия, медицина, обеспеченность населения стационарной медицинской помощью.

THE HEALTHCARE IN THE LOCAL AREAS OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH OF YAKUTIA IN THE FIRST HALF OF 1980

Egorov Petr Mihailovich

PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of History and Arctic Studies, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences Siberian Branch, Yakutsk,

epm77@mail.ru

Trofimova Laura Dmitrievna

Student, Medical Institute, North-Eastern Federal University in Yakutsk

Abstract: Based on archival sources, the article examines the state of health care in the areas of residence of the indigenous peoples of the North of Yakutia in the first half of the 1980s. The health of indigenous peoples is due to the very specific nature of life in the harsh climatic conditions, as well as the nature of their crafts and food. In the 1980s. in the Yakut ASSR, 19 regions belonged to the areas of residence of the peoples of the North. In the 1980s. in the Yakut ASSR in the areas of residence of the peoples of the North were fully staffed with doctors and nurses. In accordance with the WHO criteria, the Arctic regions of Yakutia, of that period, as well as the whole of Russia and Yakutia, should be classified as territories with a very high level of provision of the population with hospitals. However, during this period, in the rural, and especially in the Arctic regions of Yakutia, it was not possible to resolve the cardinal problems of the construction of the housing and communal infrastructure of medical institutions. Rural medical facilities were often located in unsuitable, and a significant part in dilapidated buildings, in which there was no running water, sewerage and internal toilet, and even central heating.

Keywords: indigenous small-numbered peoples of the North, Yakutia, medicine, provision of the population with inpatient medical care.

Успешное освоение природных ресурсов Арктики и Севера тесно связано со здоровьем проживающего там населения. Условия жизни в Арктике являются экстремальными для человека. Здоровье коренных народов обусловлено весьма специфическим характером жизни в суровых климатических условиях, а также характером их традиционных занятий и питания. От того насколько развита сеть медицинских учреждений, какими кадрами они обеспечены, во многом зависит состояние здоровья коренного населения [5]. Однако в то же время в современный период существует проблема сохранения этносов в условиях депопуляции коренных и малочисленных народов Севера России [2, 4].

Экстремальные климатические условия делают необходимым разработку системы жизнеобеспечения, опирающейся на накопленный опыт и создание новых принципов профилактики заболе-

ваний и медицинской помощи. В этой связи актуальной становится задача изучения советского опыта приполярной и арктической медицины, а также охраны здоровья коренных малочисленных народов Севера в Якутии в начале 1980-х гг. в условиях промышленного освоения Арктики.

Исследование основано на вторичном анализе статистических архивных источников, посвященных проблемам медицины и здравоохранения в местах проживания коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия) в 1980-х гг. Их использование, наряду с методом системного анализа, позволило изучить состояние медицины и здравоохранения в Якутии в период социальных и этнокультурных процессов 70-х и 80-х годов. XX века. Авторы в ходе своей работы опирались на принципы объективности, историзма и системности в изучаемом круге проблем, сравнительном анализе явлений, фактов и документов. Основным методом исследования был выбран в качестве системного анализа с использованием количественных и качественных методов сбора и обработки информации.

Советский период истории Якутии связан с широкомасштабным промышленным освоением её природных богатств. В 1970–1980-х годах Якутская АССР считалась индустриально-аграрной республикой с высокими перспективами дальнейшего развития промышленности в республике. В 1970–1980-е гг. во всех арктических районах Якутии действовали промышленные предприятия, однако их развитие отличалось большой неравномерностью.

В 1980-х гг. в Якутской АССР к районам проживания народов Севера относились 19 районов: Абыйский, Алданский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Кобяйский, Мирнинский, Момский, Нижнеколымский, Оймяконский, Олекминский, Оленёкский, Среднеколымский, Томпонский, Усть-Майский, Усть-Янский и с. Иенгра Нерюнгринского района. Площадь данных районов составляет 2.529.400 кв.км или 81,5 % от всей территории республики. На 1 января 1982 года в районах проживания народов Севера ЯАССР имелось 6 городов, 46 поселков городского типа, 125 сельских Советов.

Численность населения в этих районах по переписи 1979 года составила 362.500 человек или 39,7 % от общей численности населения республики, в том числе городское население 253200, сельское 109300 человек¹. По данным Всесоюзной переписи населения, в этих районах проживало более 22 народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока. Из малочисленных народов Севера здесь проживали эвены, эвенки, чукчи, юкагиры. Численность эвенков и юкагиров в сравнении с переписью 1970 года возросла соответственно на 12,7% и 13,1%, численность эвенов и чукчей незначительно снизилась. Из общей численности эвенков республики 89,5% проживали в районах проживания народностей Севера, эвенков – 86,0%, юкагиров – 88,2%, чукчей – 89,1%. Эвенки, в основном, проживают в районах: Оленёкском, Булунском, Алданском, Жиганском, Усть-Майском и в с. Иенгра Нерюнгринского района. Эвены – в Верхнеколымском, Нижнеколымском, чукчи – в Нижнеколымском районах.

В районах проживания народов Крайнего Севера на 1 января 1982 г. имелось 131 больничное учреждение, 174 фельдшерско-акушерских и фельдшерских пункта, 148 врачебно-амбулаторно-поликлинических учреждений, где работало 1214 врачей всех специальностей (без зубных) и 3881 человек среднего медицинского персонала.

Районы проживания народов Севера в 1981 году были полностью укомплектованы врачами и средним медперсоналом. Так штатных должностей врачей (без зубных) насчитывалось 1073 чел., физических лиц же 1214, то есть процент укомплектованности составлял 113,1%. Соответственно среднего медперсонала – 3551 и 3881 чел. и 109,3%. Но, несмотря на укомплектованность врачами, показатели обеспеченности (33,4) на 10000 человек населения были ниже среднего уровня ЯАССР (34,0) и ниже показателей по РСФСР (38,0). Только в одном Абыйском районе показатель обеспеченности врачами составлял 39,2, во всех других районах он был ниже республиканских и РСФСР².

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). ф.Р-70, оп. 78, д. 1898, л. 1-399.

² НА РС (Я). ф.Р-70, оп. 80, д. 467. л. 1-117.

Амбулаторно-поликлиническое обслуживание населения в районах проживания народов Севера

Годы	Сделано посещений городскими и сельскими жителями			Среднее число посещений на 1 жителя в год		
	Всего	В городской местности	В сельской местности	Всего	В городской местности	В сельской местности
1979	2256,0	1782,5	473,5	2,7	3,5	1,5
1980	2352,1	1829,3	522,8	2,7	3,4	1,6
1981	2527,7	2073,0	454,7	2,8	3,6	1,4

Составлено по: НА РС (Я), ф. Р-70, оп. 80, д. 647.

Как видно из табл.1, жители сельской местности из-за отсутствия соответствующих специалистов, как и сейчас, в 1980-х гг. были вынуждены обращаться за медицинской помощью в городские лечебные учреждения.

Для улучшения здоровья населения, предупреждения заболеваемости, травматизма во всех районах в указанный период регулярно проводились профилактические осмотры. Однако, в 1981 г., например, план подлежащих профилактических осмотров был выполнен только в Абыйском район (101,5%). Остальные районы этого плана не выполнили. В сравнении с 1980 г. процент профосмотров снизился в Алданском, Аллаиховском, Анабарском, Кобяйском, Оленекском, Томпонском и Усть-Янском районах.

В указанный период в сельских, и особенно в арктических районах Якутии не удалось разрешить кардинальные проблемы строительства жилищно-коммунальной инфраструктуры, так в 1981 г. в Якутской АССР из 716 сельских населенных пунктов только пять имели водопровод, два – канализацию, три были подключены к газовой сети. Немногим более одной трети обобщественного жилого фонда было подключено к системе центрального отопления. В этот период организационно-хозяйственного переустройства на селе основное внимание обращалось на строительство производственных объектов, а формирование сельской социально-бытовой инфраструктуры рассматривалась в схеме республиканского управления как второстепенная задача [1, с. 199].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) установила критерии обеспеченности населения стационарной медицинской помощью (в расчете на 10 тыс. жителей): минимальный уровень – ниже 40 коек; средний – от 40 до 70; высокий – от 70 до 100; очень высокий – 100 коек и более [3, с. 42.]. В соответствии с приведенными критериями арктические районы Якутии, так же как вся Россия и Якутия должны быть отнесены к территориям с очень высоким уровнем обеспечения населения больницами.

Так, обеспеченность койками на 10000 человек населения по указанным районам составила 132,7. Однако в то же время норма обеспеченности койками была ниже, чем в республике (142,3) и по РСФСР (139,0). В таких районах как Усть-Янский – 129,0, Кобяйский – 131,0, Алданский – 127,3, норма обеспеченности населения койками была ниже нормы обеспеченности в целом по районам проживания народов Севера. Недостаточная обеспеченность койками объясняется недостаточным строительством лечебных учреждений.

Однако Н.Н. Тихонов в своей работе поднимет вопрос о том, что мог ли удовлетворить этот «очень высокий» уровень обеспеченности медицинскими учреждениями население региона? Видимо, не мог. Дело в том, что подавляющее большинство сельских медучреждений Якутии было размещено в непригодных, значительная часть – в ветхих зданиях, не имеющих не только водопровода, канализации и внутреннего туалета, но даже центрального отопления. Многим сельским больницам для питья и санитарно-гигиенических нужд приходилось заготавливать озерный лед. Очевидно, что заготовить столько льда, сколько нужно для полного обеспечения нужд больни-

цы по современным санитарным стандартам, невозможно, и в подобных условиях всегда имеется опасность распространения в больнице инфекции. Поэтому трудно утверждать, что в серьезных вспышках в сельских районах вирусного гепатита, бактериальной дизентерии, туберкулеза не были в какой-то степени виноваты сами больничные учреждения [5, с.358].

В 1979 году произошло значительное увеличение заболеваемости населения острыми инфекциями, так, например, заболеваемость инфекционным гепатитом возросла на 54,8%. С 1970 года по 1979 год в расчете на 100 тыс. человек населения она увеличилась в 2,3 раза. Заболеваемость брюшным тифом в 1979 году по сравнению с 1970 годом увеличилось в 2,2 раза, с 1978 годом – на 26,1%. Наибольшее число случаев было зарегистрировано в 1979 году в Верхоянском и Орджоникидзевском (Хангаласском) районах¹.

Жители арктических районов из-за редкой сети медицинских учреждений, сложностей с транспортом переносили легкие формы заболеваний «на ногах», что вело к осложнениям, тяжелым хроническим заболеваниям или даже летальному исходу. Так показатель смертности (на 1000 человек) в Оленекском и Верхоянском районах в 1982 г. был равен 12,3 и 11,3 человека или на 40% и 28 % превышал средне республиканский. Так, например, в тундровых районах Якутии в расчете на 100 работающих наблюдалось 1,5 раза больше случаев заболевания пневмонией и в 2 раза больше туберкулезом по сравнению с пригородными районами г. Якутска, где населенные пункты размещены относительно компактно, а транспортное сообщение хорошо развито.

На заболеваемость населения желудочно-кишечными инфекциями в значительной степени влияло санитарное состояние городов и населенных пунктов и некачественная очистка сточных вод, отсутствие канализации и водопроводов. Большая переуплотненность в детских учреждениях приводила к нарушению санитарно-гигиенических норм и способствовала частому возникновению инфекционных заболеваний.

В 1980-х гг. в Якутской АССР в районах проживания народов Севера были полностью укомплектованы врачами и средним медперсоналом. Тем не менее, жители сельских поселений из-за отсутствия соответствующих специалистов, как и сейчас, в 1980-х гг. были вынуждены обращаться за медицинской помощью в городские лечебные учреждения. Для улучшения здоровья населения, предупреждения заболеваемости, травматизма во всех районах в указанный период регулярно проводились профилактические осмотры. В соответствии с критериями ВОЗ арктические районы Якутии того периода, так же, как вся Россия и Якутия, должны быть отнесены к территориям с очень высоким уровнем обеспечения населения больницами.

Однако, в указанный период в сельских, и особенно в Арктических районах Якутии не удалось разрешить кардинальные проблемы строительства жилищно-коммунальной инфраструктуры медицинских учреждений. Сельские медучреждения часто находились в непригодных, а значительная часть в ветхих зданиях, в которых не было водопровода, канализации и внутреннего туалета, и даже центрального отопления.

Список литературы:

1. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (история формирования и современные проблемы). – Якутск, – 1988. – 232 с.
2. Бурцева Т.Е., Уварова Т.Е., Н.И. Дуглас Основные тенденции демографических процессов коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. – 2009. – С. 240–248.
4. Логинова Е.А., Потехина М.В. и др. Организация и планирование сети больниц. – М., – 1985. – 254 с.
5. Надточий Л. А., Смирнова С. В., Бронникова Е.П. Депопуляция коренных и малочисленных народов и проблема сохранения этносов Северо-Востока России.// Экология человека. – 2015. – №3 – С. 3–10.
8. Тихонов Н.Н. Северное село. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, – 1996. – 384 с.

¹ НА РС (Я). ф. Р-70, оп. 78, д. 1080, л. 107.

СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ ЯКУТИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПАРАДИГМ И ПОДХОДОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГГ. XX В.

Сулейманов Александр Альбертович,
к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и
арктических исследований, Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
alexas1306@gmail.com.

Аннотация. В данной статье осуществлен исторический анализ исследований сотрудников Академии наук СССР по определению социально-экономического и этнокультурного положения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии. При этом основное внимание уделено тем работам, которые позволяют наиболее рельефно отразить изменения, произошедшие в оценке научным сообществом реализованных в советский период мероприятий, направленных на развитие аборигенных этносов и мест их традиционного проживания. При подготовке работы были привлечены материалы Архива Российской академии наук, Архива Якутского научного центра РАН, Государственного архива Российской Федерации, Научного архива Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Национального архива Республики Саха (Якутия). В статье выявлены и показаны основные векторы осуществленных исследований, рассмотрены ключевые положения, выработанные учеными по их итогам. Представленный материал свидетельствует о том, что во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в арктических районах Якутии получили развитие новые направления и методология научного поиска, а ученые региона фактически оказались в авангарде переоценки государственной политики, проводившейся по отношению к коренным малочисленным народам Севера на протяжении большей части советского периода.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, перестройка, Академия наук СССР, научные исследования.

SOCIOHUMANITARIAN STUDY OF THE ARCTIC REGIONS OF YAKUTIA: TRANSFORMATION OF RESEARCH PARADIGMS AND APPROACHES IN THE SECOND HALF OF 80S - EARLY 90S. XX CENTURY

Suleymanov Alexander Albertovich,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department
of History and Arctic Studies, The Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Yakutsk,
alexas1306@gmail.com.

Abstract. This article provides a historical analysis of the research carried out by employees of the USSR Academy of Sciences to determine the socio-economic and ethnocultural situation of the indigenous peoples of the North living in Yakutia. At the same time, the main attention is paid to those works that most vividly reflect the changes that have occurred in the assessment by the scientific community of the measures implemented during the Soviet period aimed at the development of aboriginal ethnic groups and places of their traditional residence. In preparing the work, materials from the Archives of the Russian Academy of Sciences, the Archives of the Yakutsk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, the State Archives of the Russian Federation, the Scientific Archives of the V.I. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, National Archives of

the Republic of Sakha (Yakutia). The work identifies and shows the main vectors of the research carried out, considers the key provisions developed by scientists based on their results. The presented material indicates that in the second half of the 1980s - early 1990s. In the Arctic regions of Yakutia, new directions and methodology of scientific research were developed, and the scientists of the region actually found themselves at the forefront of the reassessment of the state policy carried out in relation to the indigenous peoples of the North throughout most of the Soviet period.

Keywords: Arctic, Yakutia, Indigenous Peoples, perestroika, USSR Academy of Sciences, researches.

Неуклонный рост значения обширных арктических пространств для экономики Российской Федерации актуализирует обращение к различным аспектам накопившегося в нашей стране векового опыта освоения северных территорий и акваторий, включая богатейшие традиции их научного познания. В данной работе рассматриваются вопросы исследования коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Якутии, в течение второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. При этом, учитывая ее небезграничные рамки, основной акцент сделан на анализе динамики исследовательских подходов к оценке социально-экономического и этнокультурного положения проживающих в Якутии коренных малочисленных народов Севера, которая прослеживается на примере работ сотрудников ведущего исследовательского центра Советского Союза – Академии наук (АН) СССР.

Обозначенный временной промежуток является одним из тех интересных периодов отечественной истории, когда фактически сошлись две эпохи: прежняя, в значительной степени представлявшая собой апогей в развитии советской науки, и будущая, в ходе которой многие из господствовавших в советском североведении положений оказались пересмотрены. Именно эти две тенденции, как будет показано далее, в значительной мере и определяли характер и направленность социогуманитарных инициатив в арктических районах Якутии во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг.

Переходя к непосредственному анализу заявленной проблематики следует отметить, что вся та работа, которая велась советскими учеными на протяжении предыдущих десятилетий, огромный массив аккумулированных материалов, совершенствование методологии изысканий одним из своих выходов в рассматриваемый период имели развитие организационной структуры североведческих исследований в системе Академии наук СССР.

Так, в 1980 г. в Институте социологических исследований АН СССР был создан сектор социально-демографических проблем Севера, в 1989 г. – отдел гуманитарных проблем Севера в Институте языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения (ИЯЛИ ЯФ СО) АН СССР, в 1991 г. – первый в своем роде академический Институт проблем малочисленных народов Севера.

Другим выходом накопленных знаний и профессиональных навыков стало обогащение направлений научного поиска. Поскольку примеров подобного разнообразия было достаточно много, в данной работе будут рассмотрены самые репрезентативные из них.

В 80-е гг. XX в. под руководством директора Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, академика Ю.В. Бромлея хороший импульс получила работа проблемной группы «Особенности формирования и этнического развития обособленных популяций коренного населения Северной Евразии». Исследования осуществлялись на стыке этнографии и работ в области биологии человека совместно с Институтом клинической и экспериментальной медицины, Институтом физиологии Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР, Институтом цитологии и генетики (ИЦиГ) Сибирского отделения Академии наук СССР¹.

В течение 1985–1990 гг. ИЦиГ СО АН СССР в местах компактного проживания юкагиров и эвенов Якутии – селах Березовка, Себян-Кюель, Андрюшкино и Нелемное проводились генетико-демографические исследования, одними из важнейших задач которых являлись выявление особенностей генетической структуры популяций двух этносов и определение генетических взаимосвязей их представителей с другими коренными народами Севера [4, с. 41].

¹ Архив Российской академии наук (РАН), ф. 142, оп. 11, д. 1671, л. 1–2.

Участники изысканий осуществили тогда анализ данных похозяйственных книг сельских советов; провели опрос респондентов и составили расширенные родословные на глубину 3–5 поколений; выяснили имена, возраст, этническую принадлежность супругов, их детей и родителей; причины смерти и возраст умерших. Кроме того, у жителей исследованных населенных пунктов был произведен забор крови [4, с. 43–44].

По итогам изысканий их участница О.Л. Посух разделила каждую из изученных популяций на «чистую», т.е. не смешанную с другими национальностями, и метисированную части. При этом, например, в Нелемном только 8% юкагиров являлись прямыми потомками юкагирских родов, издавна проживавших в верховьях Колымы. Не многим лучше обстояла ситуация и в Андрюшкино, юкагирское население которого глубоко перемешалось с эвенками. В результате ученая пришла к выводу, что современные популяции юкагиров «уже не воспроизведут себя в будущем». Тенденции «растворения» О.Л. Посух выявила также среди эвенов Себян-Кюеля и Андрюшкино. В Березовке же ситуация была значительно более оптимистичной, с «вероятным» сохранением эвенского генофонда [4, с. 49].

Одновременно О.Л. Посух проанализировала распределение частот генов в популяциях эвенов и юкагиров и сравнила их с аналогичными сведениями по другим народам Севера [4, с. 58–59]. Полученная информация свидетельствовала о значительной близости юкагиров и нганасан, что на генетическом материале подтверждало концепцию И.С. Гурвича о родстве этих народов, которую он выдвинул на основе этнографических материалов, полученных в ходе Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г.¹, а также, частично, гипотезу Ю.Б. Симченко, предполагавшую наличие в тундровой зоне единого древнего уралоязычного этнического субстрата [6, с. 31].

Подобное масштабное «вторжение» исследований естественнонаучного профиля в традиционную область социогуманитарного знания, если говорить применительно к научному изучению арктических районов Якутии, было тогда осуществлено впервые.

Во многом новаторскими стали и исследования Колымской лингвоэтнографической экспедиции в мае – июле 1987 г. Экспедиция была организована в рамках выполнения совместной исследовательской темы Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР «Современная этнолингвистическая ситуация у малых народов Севера». Этнографической частью исследований руководила Г.Н. Грачева, лингвистической – Н.Б. Вахтин.

Конечно же, изыскания этнографов тесно коррелировались с работами лингвистов и ранее. Примером чему была, в частности, упомянутая Юкагирская комплексная экспедиция. Однако обращает на себя внимание, во-первых, масштаб сотрудничества – эта была многолетняя плановая тема. Во-вторых, оригинальные в сравнении с предыдущим опытом академической деятельности в Заполярной Якутии исследовательские задачи, поставленные перед участниками экспедиции. В-третьих, достаточно смелые выводы. Последнее, вероятно, было, в том числе, связано с началом общеполитических процессов перестройки в стране, позволившим ученым затрагивать целый спектр острых вопросов, включая межнациональные отношения.

Так, исследователи занимались изучением современного состояния членения жизненного цикла у коренных народов Севера, их этнической картины мира, в том числе, выясняя объемы знаний представителей исследуемого этноса о других народах, собственных субъективных отличий. Рассматривались также существующие представления о времени и пространстве, поведенческие особенности при обращении с хозяйственными предметами и одеждой².

Местом исследований был выбран Колымский регион, как место давнего и теснейшего контакта нескольких аборигенных этносов, что позволяло достаточно рельефно отразить процесс взаимовлияния культур. Вместе с тем, хотя исследование и охватило представителей всех коренных

¹ АРАН, ф. 142, оп. 1, д. 1201, л. 10.

² Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ф. К-1, оп. 2, д. 1528, л. 4–74.

малочисленных народов Севера, проживающих в Колымском регионе, в его центре все же находились юкагиры. В связи с этим были определены и места для сбора полевого материала: села Нелемное, Андрюшкино и Колымское.

Значительное внимание участники экспедиции уделили вопросам этнического самосознания. В частности, исследователи одними из первых пришли к популярному сейчас выводу о том, что «консолидация юкагиров зиждется на самосознании в гораздо большей степени, чем на традиционной культуре или языке»¹. Данный тезис основывался на выявленных в Нелемном, Андрюшкино и Колымском фактах, среди которых: запись детей от смешанных браков юкагирами для того, чтобы «национальность соответствовала среде» или сознательного увеличения численности этноса, роста престижа этнонима «юкагир», а также получения материальных льгот, включая высоко котируемые преференции при поступлении в учебные заведения. В результате, например, в Нелемном участники экспедиции определили две генеральные тенденции протекания этнических процессов. С одной стороны, шло интенсивное размывание этнических культур под воздействием глобализации. С другой – в полной мере проявлялись и этноконсолидационные процессы, основывавшиеся «отчасти на языке, общности истории и полной мере на самосознании...»².

Любопытны выявленные исследователями представления аборигенных этносов о проживающих с ними бок о бок народах. Несмотря на то, что представители близких национальностей, в основном, характеризовались положительно, в отчете экспедиции были приведены и достаточно острые «этнические оценки», данные местными жителями. В частности, удивила ученых сохранившаяся спустя целые десятилетия острейшая неприязнь верхнеколымских юкагиров к своим историческим противникам – корякам. При том, что подавляющее большинство современных юкагиров коряков никогда не видело³.

Затрагивая вопросы новизны, необходимо отметить, что именно Г.Н. Грачева была, видимо, первой ученой, отметившей значительный «экспедиционный пресс» на юкагиров. Так, в течение 1986–1987 гг. Нелемное посетили три иногородние группы: этнографы, социологи, языковеды и фольклористы из Якутска и Новосибирска, а также японская съемочная группа⁴. В последующем ситуация продолжала развиваться в аналогичном направлении – уже три десятилетия в места компактного проживания юкагиров непрерывным ручейком тянутся большие и малые группы ученых из России и других стран мира. Это конечно же приводит к определенной усталости представителей этноса от бесконечных интервью и анкетирования и в то же время, вероятно, является важным фактором конструирования их современного этнического самосознания.

Любопытно, что каждому из участников экспедиции местные жители давали прозвища. Например, Н.Б. Вахтина нарекли «Ханьил Борисович», т.е. «Орел Борисович»⁵.

Когда Г.Н. Грачева делала вывод о «значительном экспедиционном прессе», оказываемом на юкагиров, одной из исследовательских инициатив, которые она имела в виду, была проводившаяся в марте–апреле 1987 г. IV-я комплексная фольклорная экспедиция СО АН СССР. Данная инициатива была организована с целью сбора материала для юкагирского, эвенского и якутского томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Ее идейными вдохновителем и руководителем являлся руководитель сектора фольклора народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР А.Б. Соктоев [5].

Исследования стали самыми масштабными в истории научного изучения северной Якутии, если говорить об аккумулировании фольклорных материалов. Ими были охвачены 9 административных районов, преимущественно расположенных на северо-востоке Якутии.

¹ Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, ф. К-1, оп. 2, д. 1528, с. 82.

² Там же, с. 33.

³ Там же, л. 21.

⁴ Там же, л. 11.

⁵ Интервью с Л.Н. Жуковой, г. Якутск, июнь 2021 г. // Полевые материалы автора (ПМА).

Программа работ предусматривала сбор образцов устного народного творчества и их фиксацию на бумажные носители, производство высококачественных фонозаписей для музыкальных приложений к томам названной серии, а также ее обеспечение фотоиллюстративным материалом. В связи с этим участники экспедиции были относительно неплохо оснащены технически. В их распоряжении имелись фотоаппараты и профессиональные магнитофоны.

По причине достаточно сжатых сроков экспедиции важное место отводилось предварительному этапу, который включал выявление круга наиболее интересных исполнителей и, в случае необходимости, их сосредоточение в местах проведения полевых работ, чтобы приехавшие на места ведущие ученые могли сфокусироваться только на фиксации необходимых сюжетов.

В результате в общей сложности участники экспедиции от 108 сказителей получили 697 образцов фольклора коренных народов арктических районов Якутии. При этом, например, суммарная продолжительность записанного только на один магнитофон «Nagra» материала составила 1100 мин¹.

В значительной степени именно этой экспедиции мы обязаны появлению на свет уже в начале XXI столетия ряда томов серии «Памятники фольклора...». Признанием же заслуг исследователей стало присуждение ведущим исполнителям серии в 2002 г. Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Вместе с тем, как отмечалось, параллельно уже набирала обороты тенденция к пересмотру оценок, господствовавших ранее в советском североведении. «Спусковым крючком» в этом отношении, очевидно, послужили происходившие во второй половине 80-х гг. XX в. изменения в общественно-политической жизни СССР. Наряду с либерализацией и «гласностью», важнейшее место в этих трансформациях занимал и национальный вопрос. Неудивительно, что сочетание названных факторов привело к активизации различных этнических движений коренных малочисленных народов Севера, широкому обсуждению в обществе последствий проводившейся в годы советской власти политики для их традиционного хозяйства и культуры, а также анализу «свежим взглядом» устоявшихся идеологических клише, в том числе, по инициативе самих властей.

Конечно же, было бы несправедливым утверждать, что ранее исследователи не обращали внимание на проблемы в социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов Севера Якутии, связанные с советской модернизацией. Острые вопросы поднимались в работах, проводившихся под эгидой Комиссии по проблемам Севера при Совете по изучению производительных сил АН СССР в 50-е – начале 60-х гг. XX в. [7] Позднее тяжелые бытовые условия жизни представителей коренных малочисленных народов Севера подвергались обструкции со стороны Ф.С. Донского [1]. Однако в целом критиковались скорее частности. В рассматриваемых же далее работах негативную оценку получили сами подходы государства по отношению к аборигенным этносам.

В этой связи, прежде всего, следует назвать подготовленный участниками межсекторальной группы ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР под руководством У.А. Винокуровой научный отчет «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии». Основой для его подготовки послужила серия этносоциологических исследований, проведенных в 80-е гг. XX в. в целом ряде административных районов Якутии.

В документе говорилось об отсутствии «в современной концепции промышленного освоения Севера гуманистической заботы о коренных народностях», непродуманности «системы их жизнеобеспечения в новой преобразованной среде». В связи с этим, одной из основных позиций авторов документа была идея о необходимости возвращения коренным народам Севера «возможности образовывать национальные округа, районы и советы». Предоставление такого права, по замыслу исследователей, позволило бы представителям коренных народов обладать приоритетным возможностями при решении вопросов природо- и землепользования, получать компенсации от «мини-

---

¹ Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФА ЯНЦ СО) РАН, ф. 5, оп. 13, д. 257, л. 1–100.

стерств и ведомств, ведущих промышленное освоение», принимать реальное участие в выработке решений органами власти, «широко внедрять» местное самоуправление¹.

При этом, если раньше в научном мире, как правило, отстаивалась необходимость ускоренного перевода кочевого населения на оседлый образ жизни, то в рассматриваемом документе говорилось уже о «деструктивных изменениях», которые внесла такая «коренная ломка» в традиционную культуру и существующей в связи с этим «тенденции необратимости в условиях стационарного проживания»².

Во многом критическую направленность имели и экономико-социологические исследования, проведенные в феврале 1989 г. в северных районах Якутии под руководством Ф.С. Донского (Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера [ИЭКОПРС] СО АН СССР). Изыскания осуществлялись по поручению Совета Министров Якутской АССР и были направлены на выяснение последствий ликвидации в 60-е гг. XX в. Саккырырского района и распределения его территории между соседними Верхоянским и Кобяйским районами. При этом на момент передачи население района составляли преимущественно представители коренных малочисленных народов Севера и, в первую очередь, эвены [8, с. 62]. Кроме того, перед исследователями стояла задача выяснения отношения населения к возможности воссоздания Саккырырского района в прежних границах³.

Итоги изысканий были подведены в научном докладе «К вопросу восстановления Саккырырского района Якутской АССР». В нем исследователи достаточно подробно проанализировали демографическую ситуацию, экономическое положение, обеспеченность населения жилой площадью и состояние жилищного строительства, организацию медицинского, культурно-образовательного, торгового и бытового обслуживания населения, развитие транспортной системы, а также вопросы сохранности языка и этнической культуры. Все обозначенные направления проведенных изысканий свидетельствовали, по мнению ученых, о серьезных проблемах в жизнедеятельности бывших саккырырцев.

Так, по сравнению с концом 50-х гг. XX в. произошло сокращение доли коренных малочисленных народов Севера в общей численности населения территории бывшего района – с 51% до 38,5%. Укрупнение колхозов, сопровождавшееся концентрацией населения в крупных поселках, привело, по мнению исследователей, к нарушению веками сложившегося уклада жизни аборигенного населения. Кроме того, претерпели значительный секвестр области применения эвенского языка. В результате из 353 опрошенных эвенов лишь 16,9% заявили о том, что их дети свободно разговаривают на эвенском языке, подавляющее же большинство (62%) свободно владело якутским и русским (44,1%) языками⁴.

Важнейшим же итогом проведенных исследований стало определение тех сельских советов, население которых в большинстве своем хотело восстановления Саккырырского района. Таковых оказалось 3 из 5 обследованных. Так, мнение жителей Ламынхинского сельского совета Кобяйского района о необходимости его воссоздания в ходе проведенного опроса разделилось примерно поровну. Среди опрошенного же населения Кировского сельского совета вовсе лишь 7,6% поддержали такую идею⁵. 16 августа того же 1989 г. на территории поддерживавших идею восстановления Саккырырского района наслегов был образован Эвено-Бытантайский район, получивший статус национального. Подобный случай был на тот момент не только первым в республике, но и в целом по Советскому Союзу. Исследования сотрудников академических институтов позволили, таким образом, Якутии находиться в авангарде происходивших изменений.

Сменой исследовательских парадигм сопровождалась и оценка влияния современных проектов индустриального освоения на экологию и жизнь коренного населения. Данная проблематика на

¹ РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, л. 1–4.

² Там же, л. 6.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. А385, оп. 46, д. 242, л. 2–3.

⁴ ГАРФ, ф. А385, оп. 46, д. 242, л. 7–28.

⁵ Там же, л. 34–40.

рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. также получила широкий общественный резонанс. Например, в 1990 г. в республике был создан комитет «Защита реки Амга», деятельность которого фокусировалась на предотвращении строительства водоотвода для перекачки стока этой реки. В том же году был организован Общественный экологический комитет «Виллой». Его возникновение было связано, главным образом, с негативным влиянием алмазодобывающих предприятий и гидроэнергетики на экологию бассейнов рек Виллой и Марха [2].

На этом общественно-политическом фоне в Магаданской области разворачивались подготовительные работы по сооружению на реке Колыма Усть-Среднеканской ГЭС. Ситуацию осложнял тот факт, что основными «выгодополучателями» от запуска новой ГЭС являлись промышленные предприятия Магаданской области и Оймяконского района Якутии, тогда как потенциально наиболее тяжелые экологические и социально-экономические последствия приходились на население расположенных ниже по течению реки Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов.

В таких условиях в стенах Якутского ИЯЛИ СО АН СССР были организованы изыскания по теме «Этноэкология Севера в условиях гидростроительства на реке Колыма». В рамках ее разработки под руководством Т.С. Ивановой в августе 1991 г. в населенных пунктах Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов проводились исследования, направленные на определение потенциального влияния ввода в эксплуатацию Усть-Среднеканской ГЭС на жизнедеятельность и традиционный образ жизни коренного населения колымских районов Якутии, а также выяснение отношения местного населения к данной проблеме¹.

Всего в ходе экспедиции было собрано 917 анкет. По итогам их обработки исследователи установили, что более 80% опрошенных отрицательно относились к строительству Усть-Среднеканской ГЭС. Свои опасения они связывали с потенциальной угрозой источникам традиционного хозяйства и всего уклада жизни – сокращением популяций промысловых видов животных и рыб, изменением годового режима Колымы и ее притоков, в целом, нанесением непоправимого урона местной экосистеме [3]. Несмотря на это, продолжающееся до сих пор строительство ГЭС началось в том же 1991 г.

Достаточно характерным эпизодом, свидетельствующим об определенном пересмотре в отношениях к недропользователям, стало исследование, осуществленное в последний год существования Советского Союза сотрудниками ИЭКОПРС СО АН СССР, которое было направлено на определение размеров платы, вносимой в бюджет Якутии со стороны представителей оловодобывающей (Депутатский ГОК) и сурьмяной (Сарылахский и Сентачанский комплексы) промышленности республики в 1992 г. Показательно, что во введении к работе, вероятно, в качестве обоснования необходимости производства подобных расчетов указывалось на «беспорядочную выборочную разработку богатейших участков источников горного сырья без всякого экологического и социально-экономического прогноза», «беспорядочное передвижение технических и транспортных средств по льдонасыщенным грунтам» и т.д.²

Последней работой, на которой хотелось бы вкратце остановиться в представленной статье, является подготовленный в том же 1991 г. сотрудником Якутского ИЯЛИ СО АН СССР Ф.М. Зыковым научный отчет «Этнокультурные процессы у коренных народов Якутии (аспекты материальной культуры)». Работа была посвящена историко-этнографическому анализу традиционных поселений (стойбищ), жилищ, одежды, украшений, национальной кухни, традиционных промысловых орудий и средств передвижения долган, русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров и якутов³.

В плане динамики взглядов ученых относительно влияния советского периода отечественной истории на коренные народы Севера показательно одно из последних положений в рассматриваемом отчете: «Буквально до второй половины 80-х гг. в качестве высшего достижения в социальном

¹ РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, д. 98, л. 34.

² Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)), ф. Р-1530, оп. 2, д. 92, л. 3–51.

³ РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 15, д. 127, л. 8–217.

отношении считался переход на оседлый образ жизни и переселение в благоустроенные поселки..., новые формы одежды и обуви, в основном пошупные в ущерб изготовлению традиционными методами старинных видов одежды...»¹, и следующая характерная ремарка, которой, наверное, имеет смысл закончить данную статью: «такие представления мы имели вплоть до конца 80-х гг., пока страна не оказалась под угрозой экономического краха и не стала на пороге отмены государственной и коллективной собственности, перечеркивающей социализм в СССР. Как известно, современная действительность только став историей, получает право на объективную оценку»².

Список литературы:

1. Винокурова Л.И. Исследователь Российского Севера Феодосий Семенович Донской: проекты по коренным народам Якутии // Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе: сб. науч. ст. по итогам. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Феодосия Семеновича Донского (24 сентября 2019 г., г. Якутск). – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2019. – С. 7–13.
2. Григорьев С.А. Развитие экологического движения Якутии в конце XX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 19–25.
3. Иванова Т.С., Боякова С.И. Социально-экологические проблемы в бассейне реки Колымы в связи с гидростроительством // Человек и Север: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. – Ч.2. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – С. 105–106.
4. Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии // Популяционно-генетическое изучение северных народностей. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 41–65.
5. Рожнова С.П. Александр Бадмаевич Соктоев: феномен научного лидера // Филологические чтения памяти А.Б. Соктоева. Сб. статей. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 3–13.
6. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. – М.: Наука, 1976. – 312 с.
7. Сулейманов А.А. Материалы деятельности Комиссии по проблемам Севера как источник по социально-экономическому положению аборигенных этносов Советской Арктики в 50-е гг. XX в. // Вестник угроведения. – 2017. – № 3. – С. 160–167.
8. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. – Новосибирск: Наука, 2007. – 176 с.

---

¹Там же, л. 227.

²Там же. л. 227.

**РАЗДЕЛ 3.
АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ЯКУТИИ: ТРАДИЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

ОСНОВЫ ТРАДИЦИЙ ЯКУТСКОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ И АКТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ

Бровченко Марфа Иннокентьевна
к.и.н., доцент, г. Москва,
18081947@rambler.ru

Аннотация: Содержание статьи посвящено важным моментам в развитии аграрной истории в Якутии, рассмотрении ее проблем с позиций особенностей края, взаимоотношения с государственной системой по вопросам земельной собственности и форм производства. Одним из аспектов темы является степень изученности и интерес к исследованию, ведь аграрная история, ее объективно-научная установка является немаловажным фактором влияния на дальнейшее развитие сельского хозяйства. Время определенно вносит свои коррективы в научном арсенале исследований. Главное, понять правильность и эффективность их выбора. В качестве объекта исследования представлены основные направления государственной аграрной политики страны. В статье отмечен научный вклад в изучении истории сельского хозяйства Якутии Семена Ипатьевича Ковлекова. В его трудах продолжены лучшие традиции якутской аграрной школы: хронологическая преемственность изучения и освещения поставленной проблемы, обоснование выводов архивными и опубликованными источниками, комплексный подход к общим оценкам аграрных реформ и мероприятий в разные периоды XX века. Анализ последних работ якутских историков-аграрников позволяет отметить актуальность и расширение аграрной тематики в ее общественно-политической и научной значимости с применением современных научных подходов.

Ключевые слова: аграрная история, землеустройство, классовый подход, регион, крестьяноведение, крестьянство, методология, реформа, экономическая политика.

FUNDAMENTALS OF THE TRADITIONS OF THE YAKUT AGRARIAN HISTORY AND RELEVANCE OF MODERN APPROACHES IN AGRICULTURAL DEVELOPMENT RESEARCH

Brovchenko Marfa Innokentevna
Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Moscow,
18081947@rambler.ru

Abstract: The content of the article is devoted to important moments in the development of agrarian history in Yakutia, consideration of its problems from the standpoint of the peculiarities of the region, the relationship with the state system on issues of land ownership and forms of production. One of the aspects of the topic is the degree of study and interest in research, because agricultural history, its objective scientific attitude is an important factor in influencing the further development of agriculture. Time definitely makes its own adjustments in the scientific arsenal of research. The main thing is to understand the correctness and effectiveness of their choice. The main directions of the state agrarian policy of the country are presented as an object of research. The article notes the scientific contribution of Semyon Ipatievich Kovlekov to the study of the history of agriculture in Yakutia. His works continue the best traditions of the Yakut agrarian school: chronological continuity of the study and coverage of the problem, substantiation of conclusions by archival and published sources, an integrated approach to general assessments of agrarian reforms and measures in different periods of the twentieth century. The analysis of the latest works of Yakut agricultural historians makes it possible to note the relevance and expansion of agricultural topics in its socio-political and scientific significance with the use of modern scientific approaches.

Keywords: agrarian history, land management, class approach, peasant studies, peasantry, methodology, region, reform, economic policy.

Якутская аграрная история имеет свои традиции и особенности, заложенные много десятилетий назад. Основы и принципы, несомненно, связаны с именами Г.П. Башарина, В.Н. Иванова, С.И. Ковлекова, Ф.Г. Сафронова и других известных ученых социально-экономического направления. В основе традиций якутской аграрной истории лежит главный принцип, убежденно отстаивавшийся Г.П. Башариным, что методология научной разработки аграрного вопроса должна быть не узко краеведческой, а общеисторической. Что было доказано результатами аграрных исследований якутских историков. Это видно из следующего примера. В аграрной истории России были переломные рубежи критического пересмотра системы взглядов по аграрной истории, например, конец 1960-начало 1970-х гг. В 1969 г. прошла сессия Научного Совета по проблемам аграрной истории советского общества, на которой участвовал с сообщением Г.П. Башарин. Именно, на этой сессии Г.П. Башариным дано понимание аграрного вопроса, который является «не только вопросом о земле, он включает в себе совокупность ряда вопросов, неразрывно связанных друг с другом: об отношении людей к земле, как главному средству производства; об экономическом и правовом положении, быте, культуре трудовых крестьян, о взаимоотношениях между сельскими жителями и горожанами, городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством; о культуре сельскохозяйственного производства» [4, с. 76–77]. В 1969 г. он подчеркнул комплексный характер исследования, междисциплинарность изучения аграрного вопроса (экономика, право, социология, культурология, психология).

В якутской историографии аграрных проблем отразились в той или иной мере все основные теоретико-методологические установки общероссийской исторической науки, особенно, XX века. Изучение аграрного вопроса в Якутии традиционно начиналось с 1917 г. и закладывало основы последовательного научного понимания природы этой сложной проблемы в конкретном регионе, обоснование особенностей края с географической стороны, многоукладности, как устойчивого типа общественно-экономического устройства, традиционных способов ведения хозяйства. Особого внимания требовали проблемы малочисленных народов, культуры которых очень хрупки в силу малочисленности, неплотного расселения. Очевидно, что в появлении новых взглядов и научного интереса к аграрной проблеме нуждалась и региональная историческая наука. Эту потребность могло решить традиционное понимание общественно-политической и практической значимости сельского хозяйства в конкретном месте. С этой исследовательской задачей успешно справился С.И. Ковлеков. Определяя политические, социально-экономические и природно-климатические предпосылки развития сельского хозяйства Якутии в 1946–1970 гг. он писал: «Надо полагать, что опыт прошлого в какой-то мере может иметь научно-практическое значение в современных условиях поисков выхода из кризисного состояния экономики» [1, с. 5], речь шла о 1990-х годах. Работа С.И. Ковлекова показала воочию, как региональный характер исследований выполнял одну из важных своих функций: разработка огромного пласта архивного материала на местах и доказала, что в основе любой эффективной работы лежит традиционный опыт. Это богатейшее наследие и привлекает внимание к предшествующим работам современных ученых.

История и практика показали, что для любой реформы необходимо наличие идеологии и понимание что такое реформационный опыт страны. Сельское хозяйство больше всего претерпело скачкообразную историю реформ малого и большого формата. Как подчеркивает Я.М. Санникова: «Политические и экономические трансформации XX века дважды кардинально изменили жизнь коренного сельского населения Якутии... в 1930-е гг., в период окончательного формирования советской аграрной системы путем политики массовой коллективизации хозяйств, и в 1990-е гг., период трансформации экономической системы в первое десятилетие постсоветского времени» [5, с. 215]. Современность характеризуется своей стремительной скоростью к обновлению информации, технологий и оценок. Но в то же время ей присуща потребительская черта XXI века. Восточная Сибирь – богатый край, но не реализовавший в полной мере достижения научных открытий даже

второй половины XIX в. Сибирь – это масштаб и разнообразие территории и климата, многонациональный состав, многообразие неповторимых культур и верований. Отсюда и опасение, что локализация и национализация истории могут привести к тому, что проблемы глобального характера могут остаться проблемой только ближайших областей (оз. Байкал, лесные пожары и ее последствия). Люди привыкают. Наша задача – довести до современного поколения, что открытия этого региона были сделаны для человечества в целом, а не для решения только локальной проблемы. Последние качественные перемены, произошедшие на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, принесли много нового, оправданного историей и развитием общества. Но одновременно привнесено и поверхностное, быстроспелое, что со временем становится всё заметнее. Остается сожалеть, что в научных трудах последних лет Сибирь представлена локально, тем самым умаляя масштабность территориальной и потенциальной характеристики края.

По сравнению с XX в. меняются подходы, методологические инструменты оценок. Унификационные, технологические, информационные веяния накладывают свой отпечаток. Происходит невольная подмена терминов и понятий, отсюда и степень понимания сути вопроса. Феномен крестьянства, несмотря на разные определения, время и пространство, находится в центре споров, дискуссий. Автор научного труда “Русские крестьяне и Советская власть. Исследование коллективизации” М. Левин особо отмечал социальную характеристику крестьянства, как класса, когда исследователи оперировали четырьмя ленинскими категориями: батрак, бедняк, середняк и кулак. «Это была ускользающая реальность... Требуется мобилизовать общее представление об истории исследуемого общества, о ее тенденциях, чтобы в каждом конкретном случае чувствовать грань между реальным и реализовавшимся» [6, с. 272]. Крестьянство уходит в историю, но это как раз то прошлое, которое очень мощно продолжает влиять на настоящее – через культуру, тип личности и социальную психологию. Иными словами, крестьянский менталитет – мощный фактор формирования нашего общества и недооценивать его нельзя.

Исследовательская тема “Крестьянство и современность” способствовала появлению во второй половине XX в. новой обществоведческой междисциплинарной области знания – крестьяноведение (Peasant Studies), которая получила свое право на существование у нас с подачи Теоретического семинара “Современные концепции аграрного развития” (журнал «Отечественная история»). На рубеже 1980–1990-х годов наблюдаются переосмысление и преодоление стереотипов прежней концепции, понимание необходимости обновления теоретического и методологического арсенала исторической науки, углубленного анализа событий и процессов, ориентации на комплексный характер исследований. Основным в методологии данного направления гуманитарной науки является метод включенного наблюдения, т.е. внутренняя потребность и умение исследователя встать на точку зрения объекта своего исследования. Многие методологические положения были разработаны учеными-аграрниками из разных направлений науки. Проводя некую параллель между подходами в нашей аграрной истории и зарубежном крестьяноведении, можно отметить, что есть схожее и отличное. Сегодня давление политического и идеологического диктата относительно в прошлом, у ученого есть выбор использования того или иного инструментария, создание своей парадигмы понимания исторических явлений в аграрной области. Такие подходы как многопричинность, многофакторность, иерархия причин и факторов, владение методами экономического, статистического анализа, знания о параллельных реальностях, о социально-экономических и социокультурных взаимосвязях должны всячески содействовать аграрному исследованию [6, с. 591–612], но ни в коем случае не подменять принцип историзма и объективности научного исследования по аграрной истории.

Острота аграрного вопроса: что такое частная собственность на землю, по какому пути будет развиваться сельское хозяйство России и ее регионов волнует многих. Границы исследований по аграрной тематике расширяются, примером служат мировые проблемы, связанные с пандемией, потеплением и теми кризисами, которые охватывают мир мгновенно и всецело. На этом фоне проблемы аграрного сектора выкристаллизовываются и интерес к ним растет. Удельный вес аграрных исследований должен заметно возрасти, потому должны появиться современная теоретическая

база и аналитический аппарат для исследований. Изменились условия международного сотрудничества, возможности для взаимного обмена, появляются новые направления исторической науки (историческая повседневность, устная история). Но мы должны подойти к серьезному переосмыслению проблемы с позиций своего внутреннего российского видения, а для этого необходимо знать теории и труды собственных ученых (А.В. Чаянова, В.П. Данилова, И.Е. Зеленина и др.). Что можно взять из зарубежного крестьяноведения: изучение крестьянской психологии, менталитета, культуры, даже фольклора – точного индикатора положения на селе, потому что язык, а тем более в деревне, – это «организм очень живой и живучий. Он чрезвычайно чувствителен и восприимчив, но ему не так-то просто что-нибудь навязать» [3, с. 17], он отражает то, что действительно.

После довольно продолжительного времени, в 2015 г. были опубликованы академическим изданием материалы 15 заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» (В.П. Данилов, Т. Шанин) «Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке». Опубликован сборник вступительных статей В.П. Данилова «Истоки и начало деревенской трагедии» и «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах 1927–1939». В прошлом году большим событием было празднование 200-летия Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Заметным вкладом в отечественную аграрную историографию стала научная монография С.А. Козлова ««Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.)» в 3-х томах, вышедшая в 2020 г. Автором использован огромный фактический материал по истории МОСХ на основе архивных и опубликованных источников, большей частью впервые введенных в научный оборот, дана глубоко обоснованная оценка значению деятельности Общества, рассмотрены вопросы по современной аграрной и социокультурной модернизации РФ и Республики Беларусь [2]. По результатам работы юбилейной конференции вышел сборник «Историческое наследие МОСХ и модернизация аграрного сектора России». Большую работу по активизации и росту научного интереса к аграрным проблемам проводит в разных формах и Всероссийский институт аграрных проблем и информации имени А.А. Никонова под руководством А.В. Петрикова. При участии Института в 2018 г. было отмечен юбилей А.В. Чаянова, который дал импульс новому прочтению и пониманию теории известного экономиста-аграрника, ранее, в 2006 г. вышло «Экономическое наследие А.В. Чаянова». Все это дает возможность с оптимизмом верить, что история сельского хозяйства найдет своих серьезных исследователей.

Настоящий Круглый стол посвящен памяти известного ученого Семена Ипатьевича Ковлекова, которым оставлено серьезное научное наследие по аграрной истории Якутии середины и второй половины XX в. Я училась у него на историко-филологическом факультете, он много говорил о перспективах аграрного исследования, дал рекомендацию в аспирантуру, первому научному руководителю Г.П. Башарину. Это был человек широкой натуры, трудолюбивый, серьезно воспринимавший любой жизненный вопрос, справедливо относящийся к людям. Я благодарна судьбе, что моя научная и преподавательская деятельность состоялась благодаря достойной аграрной школе под руководством Г.П. Башарина, основательной методологической подготовке Л.Т. Ивановой, поддержке всех моих коллег по историческому факультету. Моя монография «Аграрный вопрос в Якутии (1917–1940 гг.)» и вручение мне медали К.А. Тимирязева «за значительный вклад в развитие аграрной науки и образования» есть высокая оценка традиций якутской аграрной исторической школы.

Список литературы:

1. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство в Якутии (1946–1970 гг.). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992. – 200 с.
2. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930гг.): в 3-х тт. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
3. Левонтина И. Русский со словарем. – М.: Изд-во АСТ; CORPUS, 2016. – 464 с.

4. Проблемы аграрной истории советского общества: материалы научной конференции 9–12 июня 1969 г. / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР, Науч. совет по проблеме «История соц. и ком. стр-ва в СССР» ; [Редкол.: М. П. Ким (отв. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1971. – 367 с.: табл.

5. Санникова Я. М. Традиционное хозяйство Севера Якутии в условиях трансформаций XX века: оленеводство на Колыме через призму времени / Я. М. Санникова // Научный диалог. – 2016. – № 7 (55). – С. 215–229

6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке/ под ред. В.В. Бабашкина. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 743 с.

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_21

УДК 63(571.56)(091)

АГРАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯКУТИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Винокурова Лилия Иннокентьевна,
к.и.н., ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических
исследований Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
lilivin@mail.ru

Аннотация В статье освещен опыт аграрных исследований в Якутии во второй половине XX и начале XXI веков. Признано, что в региональной историографии определилась тревожная тенденция сокращения работ, посвященных социальной истории села; указывается, что дефицит аграрных исследований необходимо преодолевать, опираясь на прочные традиции и богатый научный багаж предшественников. Показана глубокая связь фундаментальных работ крупных якутских ученых с аграрной проблематикой, с земельным вопросом и развитием сельского хозяйства. В заключении подчеркнуто, что аграрные исследования в Якутии в перспективе могут выйти на новый уровень, используя как традиционные подходы и методы, так и инновационные; что имеются неиспользованные методологические и источниковые ресурсы. Одним из плодотворных направлений видится аккумуляция материалов и их анализ в аспекте принадлежности Якутии к «холодным землям». Также отмечается необходимость разработки вопросов исторической реализации человеческих ресурсов сельской Якутии.

Ключевые слова: Арктика, Север, Якутия, аграрная история, коренные народы, сельское хозяйство, человеческие ресурсы, крестьянство

AGRARIAN STUDIES IN YAKUTIA: EXPERIENCE AND PROSPECTS

Vinokurova Liliia Innokentievna
Candidate of Historian Sciences, Leading Researcher of the Department
of History and Arctic Studies, The Institute of Humanities Research
and Indigenous Studies of the North, Yakutsk,
lilivin@mail.ru

Abstract The article covers the experience of agrarian research in Yakutia in the second half of the 20th and early 21st centuries. It is recognized that in the regional historiography there has been an alarming tendency to reduce the number of works devoted to the rural social history; it is pointed out that the deficit in agrarian studies must be overcome, relying on strong traditions and the rich scientific background of predecessors. The deep connection of fundamental works of major Yakut scientists with agrarian problems, with the land issue and the development of agriculture is shown. In conclusion, it is emphasized that agrarian studies in Yakutia in the future can reach a new level, using both

traditional approaches and methods, as well as innovative. One of the fruitful areas is the accumulation of materials and their analysis in terms of Yakutia's belonging to the "cold lands". It also notes the need to develop issues of historical implementation of human resources in rural Yakutia.

Keywords: the Arctic, the North, Yakutia, agrarian history, indigenous peoples, agriculture, human resources, peasantry

В сентябре 2021 г. в стенах Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Социально-экономическое развитие Северо-востока России в XIX – начале XXI вв.: исторический опыт, дискуссии, новые подходы», в рамках которой был проведен Круглый стол «Аграрная история Якутии: традиции и перспективы исследований», посвященный памяти крупного якутского историка Семена Ипатьевича Ковлекова. Состоялся чрезвычайно интересный и ценный по содержанию разговор вокруг научной деятельности ученого, в котором были поставлены и обсуждены актуальные вопросы истории сельского хозяйства и судеб крестьянства России в насыщенных событиями XX и в начале XXI веков.

Исследователи признали, что прошлое якутского села, связанное с сельскохозяйственным трудом и промыслами, опыт развития его человеческих ресурсов изучено недостаточно и содержит в себе неоправданно много «белых пятен». В последние десятилетия в региональной историографии Якутии четко определилась одна тревожная тенденция – это очевидное уменьшение трудов, посвященных социальной истории села. Данный дефицит имеет под собой как объективные, так и субъективные причины. Одной из причин видится падение интереса начинающих исследователей к аграрной тематике. Возможность авторских интерпретаций многих общественно-политических процессов прошлого, а также яркие события новейшей истории страны и региона ориентируют молодых гуманитариев на темы, не соприкасающиеся с прошлым национальных сел с их «тихим» образом жизни и хозяйственными занятиями.

Кроме всего, вероятно и интуитивное избегание ими аграрной тематики по причине трудоемкости реконструкции и концептуального анализа даже локальных сельских материалов. Ведь в дискурсе постсоветских исследований российского крестьянства часто встречаются такие понятийные единицы как «великий незнакомец», «исчезающая деревня», «речи немых» и т.п. [8, 12, 17]. Казалось бы, преимущественно в аграрной в своей тысячелетней истории стране, как могло крестьянство стать «немым незнакомцем» для своих соотечественников? Представляется, что за приведенными словосочетаниями скрывается громадный и растущий со временем пласт поисков и исканий аграрников, их индивидуальные и коллективные усилия по воссозданию правдивой истории сельской России, их стремление уловить социальный облик, уклад и образ жизни многоликого сельского сообщества во всей ускользающей сложности.

С учетом обширности страны и этно-хозяйственной мозаичности бесспорно наличие крупных лагун в историографии села и крестьянства, в том числе освещения региональной специфики, что представляет вызов для ученых и в XXI веке. Но этот вызов не строго научный, он несет в себе социальный подтекст. Общество в текущем веке терпит и использует в медийном и повседневном обороте слова «колхозник/колхозница», «крестьянка» в презрительно-уничтожительном контексте. Невольно рождается ассоциация с известной фразой «страна, которая не кормит свою армию, будет кормить чужую». Можно предположить, что забвение того, что был такой класс – крестьянство и еще существует сельский мир, продолжающий кормить значительную часть населения, чревато проблемами с продовольственной, и не только, безопасностью.

Существующая историография крестьянства – земледельческого и скотоводческого, его многовекового труда в Якутии внушительна и опирается на имена выдающихся ученых, в свое время определивших «лицо» и уровень региональной исторической науки. Достоин уважения научный путь легендарного ученого Георгия Прокопьевича Башарина (рис. 1), в годы Великой Отечественной войны защитившего кандидатскую диссертацию по деятельности основоположников национальной литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева [6]. Это пионерное

научное исследование еще и гражданский поступок: впервые был открыто поставлен вопрос о выдающейся роли представителей первого поколения этнической интеллигенции в истории края, в развитии культуры и общественно-политической мысли начала XX века. В стенах Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР, существующего сегодня как Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Г.П. Башарин приступил к исследованиям истории аграрных отношений в Якутии.

Рисунок 1. Башарин Георгий Прокопьевич (1912 – 1992) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЯАССР.

От изучения элитарного слоя якутского общества – первых писателей, мыслителей, он перешел к изысканиям в сфере земельных отношений и крестьянского труда, справедливо полагая, что именно аграрная проблема является ключевой для понимания всей истории Якутии. До последних своих дней Георгий Прокопьевич Башарин не только писал, но и публично выступал, яростно проповедуя необходимость сохранения традиций крестьянского труда, северного животноводства и уважения к культуре регионального земледелия. Невозможно забыть, как на одном из бурных перестроечных собраний 1990 г. он с горечью сказал: «Не забывайте: земля принадлежит тому народу, который на ней работает...».

Г.П. Башарин – автор свыше 450 научных и научно-популярных трудов, в том числе 18 монографий, охватывающих широкий круг вопросов литературоведения, искусствознания, фольклора и этнографии. Но главная его тема – это аграрная, а вершина научных поисков и открытий – это фундаментальные монографии «История аграрных отношений в Якутии» и «История земледелия в Якутии» [4, 5]. В этих работах ученый предстает как историк и философ, анализирующий всю историю якутского земледелия как части цивилизационного развития. Прошедший через репрессии, не предавший своих принципов ученый придерживался собственного, выношенного десятилетиями изысканий мнения, что даже в условиях рискованного земледелия на Севере можно и нужно культивировать хлебопашество. Проблема хлебопашества им воспринималась не только в ракурсе аграрной культуры, но и шире: Башарин был среди тех, кто первым в начале 1990-х обозначил вопросы продовольственной безопасности регионов в ситуации государственного распада. С крестьянской темы начинался список публикаций еще одного из патриархов якутской науки Федота Григорьевича Сафронова (рис. 2), осветившего в ней вопрос о начале земледелия у якутов [22].

Сафронов – автор свыше 500 научных и научно-популярных трудов, включая 19 монографий. В этих работах наряду с крупными историческими проблемами российского уровня, в т.ч. геополитического характера, освещены вопросы региональной экономики и культуры, антропоники, затронуты некоторые философские аспекты истории. Но в академических кругах «вечной книгой», неподвластной никакой конъюнктуре, называли его монографию, посвященную именно крестьяноведению – «Русские крестьяне в Якутии: XVII–начало XX вв» [23]. На базе этого исследования Ф.Г. Сафроновым была защищена докторская диссертация. Подвижник академической науки, пионер и крупнейший специалист по истории крестьянской колонизации бассейнов рек Лена и Илим, он фундаментально исследовал историю русского крестьянства Ленского края с XVII по XIX вв.

Рисунок 2. Сафронов Федот Григорьевич (1914 – 1995) – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР и ЯАССР.

В монографии Сафронова Ф. Г. «Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.» центральная глава называется «Крестьянское население и земледельческое освоение края» [24]. Кроме общих вопросов крестьянской колонизации Сибири, ее причин и людских ресурсов, профессор представил историю заселения русскими крестьянами Северо-Востока России – бассейнов якутских рек, Охотского побережья и Камчатки. В аспекте аграрных исследований важно, что Федот Григорьевич со свойственной ему последовательностью и дотошностью изучил выявление пахотных мест и первые опытные посевы. Также он детально остановился на таких вопросах, как наделение крестьян земельными угодьями и землепользование. Систематизировал данные по посевам и урожайности, осветил систему и технику земледелия, а также особенности регионального хлебообеспечения.

Доминирующий аграрный характер развития Якутии, неизбежно, во всех исторических исследованиях ставил вопросы сельского хозяйства и вовлеченного в него сельского населения. К начальному периоду социалистических преобразований в сельском хозяйстве края одним из первых обратился Захар Васильевич Гоголев (рис. 3) в своей монографии «Социально-экономическое развитие Якутской АССР (1917–1941 гг.)». Исследователь осветил советские этапы развития промышленности и сельского хозяйства, ход изменений в социальной структуре населения республики. Ценной частью данного труда является внимание к специфике социально-экономического развития коренных народов Якутии.

Рисунок 3. Гоголев Захар Васильевич (1911–1974) – доктор исторических наук, в 1949-1961 гг. директор Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР.

В работах З.В. Гоголева содержится обширный и очень разноплановый материал по истории советской Якутии, выявленный в российских архивах [15, 16]. Для современников полезным являются введенные им впервые в научный оборот для региональных исследований итоги хозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг., данные из колхозной переписи 1930 г. Также Захар Васильевич использовал результаты Якутской экспедиции АН СССР 1920-х гг., в первую очередь труды историко-экономического и агрономического отрядов, привлек социологические и статистические материалы Якутской экспедиции. Гоголеву удалось, в рамках господствовавшей тогда идеологической парадигмы, создать картину социальной и экономической истории Якутской республики за большой период времени, представить свое видение процессов формирования новой социальной структуры населения.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на известные концептуальные лимиты советских публикаций, содержание их продолжает привлекать новые поколения историков. В них сосредоточен обширный эмпирический и теоретический материал, по объему и качеству остающийся не только ценнейшим источником для новых работ, но и вдохновляющий на дальнейшее продолжение. Так, труды Ивана Александровича Аргунова (рис. 4), яркого представителя якутской интеллигенции второй половины XX века, не только не потеряли своего значения, но стали отправной точкой разных историко-демографических, этносоциологических и других гуманитарных исследований новейшего времени.

В монографиях «Социальное развитие якутского народа. Историко-социологическое исследование образа жизни» и «Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы», опубликованных еще в советское время, И.А. Аргунов впервые в региональной историографии поднял вопросы реального воздействия государственной политики на образ жизни коренного населения Якутии [1, 2]. Многие исторические сюжеты из этой монографии и других работ И.А. Аргунова, прежде всего, разница в уровне жизни сельских и городских поселений[3], социальные негативы в национальном селе, обусловленные административным давлением на уклад и образ жизни, бездумным разрушением традиционной культуры, продолжены уже несколькими поколениями гуманитариев республики. Созданная им якутская социологическая школа «обросла» не только состоявшимися учеными, но и учениками, продолжающими тематику социального развития коренных народов уже в XXI веке, в его память проводятся ежегодные «Аргуновские чтения».

Рисунок 4. Аргунов Иван Александрович (1922–1988) – кандидат исторических наук, основатель социологической школы в Якутии.

С учетом того, что об исследованиях социальных аспектов истории сельской Якутии в новейшее время есть относительно свежая публикация [14], здесь освещен личный вклад отдельных крупных историков. За рамками статьи остались коллективные монографии и сборники трудов историков, социологов, демографов; по этой же причине не затронуты труды специалистов другого профиля, в первую очередь, экономистов. Нужно признать, что круг качественных исследований сельской экономики, принадлежащих перу Н.Н. Тихонова [26, 27] и Я.Т. Васильева [10, 11], остается также «золотым фондом» для аграрников Якутии. Они также востребованы сегодня, особенно в междисциплинарных проектах гуманитариев, изучающих тему сельского труда, качества жизни и ее продолжительности в республике. Аграрники сегодня обращаются и к современным работам экономистов и демографов С.А. Сукневой и А.С. Барашковой, анализирующих социально-демографические проблемы коренного населения региона [7, 25].

Новым этапом аграрных исследований в Якутии стали годы перестройки: открывшиеся источники и методологические возможности позволяли новые интерпретации истории крестьянства и села по всей стране [12, 17, 20]. Символично, что в этот период выходят в свет фундаментальные работы Семена Ипатьевича Ковлекова (рис. 5) – плод его многолетних вдумчивых изысканий [18, 19]. Монографии по истории советского сельского хозяйства Якутии и сегодня находятся в активном научном обороте. В связи с тем, что в сборнике планируются отдельные тексты по научному наследию С.И. Ковлекова, здесь видится возможным лишь краткое упоминание его вклада в аграрные исследования Якутии. Прежде всего, это продолжение и развитие им выдвинутого в региональных исследованиях тезиса о придаточном характере сельского хозяйства республики, приведшему к дисбалансу между развитием городов и сельских поселений, промышленного и аграрного секторов экономики. Кропотливо анализируя темпы и характер развития хозяйств на уровне республики и районов, С.И. Ковлеков критически оценил результаты концентрации и унификации управления сельским хозяйством. Будучи специалистом по истории развития социалистического соревнования и профсоюзного движения в Якутии, он на эмпирическом уровне лучше многих знал процессы формализации труда, снижения дисциплины и прочих повседневных негативов в колхозах и совхозах.

*Рисунок 5. Ковлеков Семен Ипатьевич (1930–2003) –
кандидат исторических наук, исследователь советской истории Якутии.*

Семен Ипатьевич Ковлеков часто говорил, что отсутствие материальной заинтересованности и принижение личного подсобного хозяйства в советском сельском хозяйстве сильно подорвали интерес крестьянина в производительности труда. В своих печатных трудах он подводил аргументированную базу под заключение, что даже при мощной финансовой и материальной поддержке господство административно-командного стиля в управлении аграрном секторе ограничивает прогресс, обрекая развитие сельского хозяйства на экстенсивный, дотационный путь развития. Близки к этим его взглядом и результаты исследования истории использования человеческих ресурсов якутского села Л.И. Винокуровой [13], поставившей вопросы рациональности использования трудового потенциала и традиций сельскохозяйственного труда. Судьбоносное время для крестьянства – первые десятилетия советских реформ стали предметом внимания последователей и единомышленников С.И. Ковлекова в его научных поисках М.И. Бровченко [9] и Я.М. Санниковой [21].

В своей монографии М.И Бровченко обращается к длительному временному отрезку региональной истории – периоду с 1917 до 1940 гг., за который крестьянство Якутии пережило радикальные перемены в своей жизни. Будучи знатоком по вопросам земельных отношений, Бровченко осветила ход и последствия земельных реформ, выявила особенности социалистических преобразований в сельском хозяйстве республики. Отдельно следует отметить оценки М.И Бровченко по поводу реализации аграрной политики в 1920-е гг., когда республика только выходила из социально-экономических последствий гражданской войны, а проведение советских мероприятий в животноводческих и земледельческих хозяйствах шло со специфическим запозданием [9, с. 124].

Это особенно ценно в свете того, что период НЭП в сельском хозяйстве республики и канун массовой коллективизации остаются относительно малоизученными в региональной историографии. В начале 1920-х гг. в сельской экономике позиции Советской власти были еще непрочными, существовали лишь «точечные» точки опоры, на 1921 г. в Якутской губернии было всего три десятка коммун, артелей и товариществ по обработке земли, они были мелкими, местами даже карликовыми; в основном практиковалась лишь совместная обработка земли. Но в ближайшем будущем якутское сельское хозяйство ожидали масштабные преобразования, навсегда сломавшие уклад и образ жизни всего сельского населения. Этим событиям в свете новых подходов исторической науки посвящена монография Я.М. Санниковой [21], чьи научные интересы всегда обращены на критические периоды аграрной истории Якутии в XX веке. В настоящее время она разрабатывает пионерную тему судеб сельского хозяйства и промыслов республики в условиях

краха социалистической экономики и становления новых хозяйственных отношений. Здесь возможны интересные направления исследований, контуры которых были очерчены еще одним из корифеев-аграрников В.П. Даниловым в его работе «Аграрная реформа и крестьянство в России 1861–1994 гг. Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование», вышедшей еще в 1995 г.

Состоявшийся Круглый стол [сентябрь 2021 г. – Л.В.] собрал людей, профессионально близких к тематике аграрной истории, непреходяще актуальной в России. Для коренных народов Якутии, этнической нишей которых и в XXI остается традиционное хозяйство, привязанное к земле и природе, аграрные вопросы являются жизненно важными. Аграрная проблематика столь обширна, имеет как мощные корни, так и сложнейшие, не теряющие социальной остроты и даже болезненности, новые направления. Видимо поэтому из неохватного круга тем и сюжетов разговор сосредоточился на самых важных для региональных исследований вопросах традиций и перспектив для современных изысканий в аграрной истории. Было подчеркнуто, что в республике сложились собственные традиции аграрных исследований, накоплен солидный теоретический и эмпирический багаж, и в настоящее время имеются неиспользованные методологические и источниковые ресурсы для дальнейшей работы.

В перспективе аграрных исследований на материалах республики – расширение проблемного поля, выход на новые аспекты и ракурсы изысканий, которые могут вобрать в себя как традиционные подходы и методы, так и инновационные. Большой потенциал может быть реализован в междисциплинарных проектах, объединяющих усилия не только историков, но и специалистов других профилей: например, по исторической демографии и экологии, по культурной географии, литературоведению, исторической топонимике и лингвистике. Аккумуляция источников, в том числе нетрадиционных и ранее не применявшихся, интерпретация истории сельского хозяйства Якутии как части «холодного мира» и территории климатических рисков – это только одно из направлений будущих аграрных исследований. Малоисследованными остаются также принципиально важные вопросы исторической реализации человеческих ресурсов сельской Якутии, представленных преимущественно коренными народами, продолжающими нести на своих плечах бремя труда, связанного с землей и природой.

Список литературы:

1. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). – Новосибирск: Наука, 1985. – 319 с.
2. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. – Якутск: Кн. изд-во, 1988. – 227 с.
3. Аргунов И.А. Промышленно-техническое освоение региона в процессе урбанизации в Якутской АССР (1945 – 1985 гг.) // Современные социально-культурные процессы в городах Севера: сб. науч. трудов. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. – С. 62 – 66.
4. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии. Т. 1. – М.: Арт-Флекс, 2003. – 444 с.; Т. 2. – М.: Арт-Флекс, 2003. – 518 с.
5. Башарин Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в.–1917 г.). Т. 1. – Якутск: Кн. изд-во, 1989. – 350 с.; Т. 2. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 413 с.
6. Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. – Якутск: Республиканское общество «Книга», 1994. – 148 с.
7. Барашкова А.С. Северная семья. Демографический и социально-экономический аспекты. – Новосибирск: Наука, 2009. – 159 с.
8. Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. – М.: Ломоносов, 2015. – 326 с.
9. Бровченко М.И. Аграрный вопрос в Якутии (1917–1940 гг.). – М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2015. – 213 с.
10. Васильев Я.Т. Формирование и использование трудовых ресурсов Якутской АССР. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 173 с.

11. Васильев Я.Т. Региональная занятость и рынок труда. Основы теории, функционирования и прогнозирования. – Новосибирск: Наука, 2000. – 215 с.
12. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./ Сост. Т.Шанин. – М.: «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.
13. Винокурова Л.И. Кадры сельского хозяйства Якутии. 1961–1985 гг. – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1993. – 116 с.
14. Винокурова Л.И. Северное село в XX веке: опыт исследования социальной истории в Якутии // Аргументовские чтения: материалы междунауч. практ. конф. 17 апр. 2015 г., г. Якутск. – Якутск: ИЦ АГИКИ. – С. 46 – 51.
15. Гоголев З.В. Якутия на рубеже XIX и XX веков: социально-экономический очерк. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1970. – 234 с.
16. Гоголев З.В. Социально-экономическое развитие Якутии (1917 – июнь 1941 гг.). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1972. – 258 с.
17. Денисова Л.Н. Исчезающая деревня России. Нечерноземье в 1960–1980-е годы. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 216 с.
18. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 199 с.
19. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 119 с.
20. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. – М.: РОССПЭН, 2002. – 592 с.
21. Санникова Я.М. Коллективизация сельского хозяйства в Якутии (1929–1940 гг.). – Якутск: Бичик, 2007. – 143 с.
22. Сафронов Ф.Г. *Материалы о возникновении земледелия среди якутов* // Исторический архив. – Т. V. – М.-Л., 1950. – С. 50–73.
23. Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии. XVII–начало XX вв. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – 495 с.
24. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. – М.: Наука, 1978. – 258 с.
25. Сукнева С.А. Демографический потенциал развития населения северного региона. – Новосибирск: Наука, 2010. – 167 с.
26. Тихонов Н.Н. Социально-экономические проблемы якутской деревни. Якутск: Кн.изд-во, 1980. – 152 с.
27. Тихонов Н.Н. Северное село. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 384 с.

ИЗУЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ГИДРОМЕЛИОРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЯКУТИИ*

Боякова Сардана Ильинична,
д.и.н., главный научный сотрудник отдела истории и арктических
исследований Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск

boyakova@mail.ru

Такакура Хироки,

PhD, профессор Центра североазиатских исследований
Университета Тохоку (г. Сендай, Япония)

hiroki.takakura.a8@tohoku.ac.jp

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние региональной историографии развития гидромелиорации в Якутии. Подчеркивается, что ее изучение происходило в контексте общей аграрной истории региона и начало активно реализовываться в республике только в 1970-е гг. Отмечается пионерный характер исследований С.И. Ковлекова и его вклад в разработку темы. Хотя развертывание гидромелиоративных работ, как одного из направлений модернизации аграрного производства, рассматривалось ученым в русле традиционного, заложенного еще советской историографией подхода, тем не менее, в его работах предпринималась попытка объективного и критического осмысления массовой мелиорации с точки зрения ее влияния на хрупкую экологию Севера. Подведены также итоги изучения истории гидромелиорации в Якутии, намечены основные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: аграрная история, история мелиорации, Якутия, гидромелиорация, историография, проблемы изучения.

STUDY OF THE DEVELOPMENT OF HYDRORECLAMATION IN THE CONTEXT OF THE AGRARIAN HISTORY OF YAKUTIA

Boyakova Sardana Ilyinichna,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department
of History and Arctic Studies of the Institute of Humanities Research and
Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk

boyakova@mail.ru

Takakura Hiroki,

PhD, professor at the Center for North Asian Studies
Tohoku University (Sendai, Japan),

hiroki.takakura.a8@tohoku.ac.jp

Abstract. The article examines the current state of regional historiography of the development of hydroreclamation in Yakutia. It is emphasized that its study took place in the context of the general agrarian history of the region and

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-55-71005, Шведским исследовательским советом по вопросам окружающей среды, сельскохозяйственным наукам и пространственному планированию (проект № 2019-02332) и Японским проектом по науке и технологиям (проект № JPMJBF2003) инициативы Бельмонтского форума по Совместной исследовательской деятельности «Жизнеспособность быстроменяющихся Арктических систем (СИД Арктика II)».

began to be actively implemented in the republic only in the 1970s. The pioneering nature of S.I. Kovlekov's research and his contribution to the development of this topic are noted. Although the deployment of hydroreclamation works, as one of the directions of modernization of agricultural production, was considered by the scientist in line with the traditional approach laid down by Soviet historiography, nevertheless, in his works an attempt was made to objectively and critically comprehend mass reclamation from the point of view of its impact on the fragile ecology of the North. The results of the study of the history of hydroreclamation in Yakutia are also summed up, the main directions of further research are outlined.

Keywords: agrarian history, history of land reclamation, Yakutia, hydroreclamation, historiography, problems of study.

Характерной особенностью климата Центральной Якутии является его резкая континентальность, проявляющаяся в больших годовых колебаниях температуры и относительно малом количестве выпадающих осадков. Среднегодовое количество их составляет, по данным климатологов, всего 200–250 мм, что дает основание соотносить регион со степной и полупустынной зонами. Наиболее страдают от засушливого климата находящиеся на правом берегу реки Лены, так называемые заречные улусы Республики Саха (Якутия) – Амгинский, Мегино-Кангаласский, Таттинский, Усть-Алданский и Чурапчинский – места традиционного расселения якутского народа и развития сельского хозяйства республики.

Сумев адаптироваться к экстремальным природно-климатическим условиям Севера и развить достаточно продуктивное скотоводческое хозяйство, саха-якуты разработали собственную систему земле- и водопользования в условиях криолитозоны. В дальнейшем, с развитием земледелия и проникновением товарно-денежных отношений в традиционное хозяйство, появилась необходимость расширения пахотных и пастбищных земель, а также повышения их производительности. С этого времени мелиорация, как система мер, направленных на улучшение неблагоприятных гидрологических, почвенных и агроклиматических условий земель с целью повышения их плодородия является важной составляющей развития сельского хозяйства Якутии. Суровые климатические условия, наличие множества рек и озер, часто возникающие паводковые ситуации, необустроенность сельхозугодий определяют особую значимость гидромелиоративной деятельности в регионе, поскольку она способствует созданию прочной кормовой базы, расширению земледелия и огородничества, облагораживанию сенокосных пастбищ, а также обеспечению населения водоснабжением. Все это обусловило важность и актуальность изучения исторического опыта развития в регионе как системы мелиорации в целом, так и гидромелиорации в особенности.

Следует отметить, что и в общероссийском масштабе историография мелиоративного освоения территории страны находится на этапе своего становления. Имеется лишь ряд обобщающих работ по истории мелиорации и оросительных систем, написанных специалистами – гидрологами и гидротехниками [3, 7, 8, 10, 11], среди них можно выделить фундаментальный труд одного из корифеев отечественной гидравлики Д.В. Штеренлихта по истории гидротехнических сооружений с древнейших времен [13].

Что касается Якутии, то в той или иной степени отдельные аспекты истории водопользования коренных народов края и мелиоративного строительства в советский период затрагивали в своих трудах экономисты [9, 13 и др.] и гидрологи [2; 4, с. 179–185]. Отметим также работы известного этнографа С.И. Николаева–Сомоготто, в частности, его монографию «Народ саха» [12], увидевшую свет уже после кончины ученого, где впервые были описаны методы народной гидромелиорации якутов (саха): лиманное орошение аласных и мелководных лугов, осушение избыточно увлажненных земель путем отвода поверхностных вод и искусственное осушение (спуск) термокарстовых озер для формирования луговых угодий на землях их днищ.

Однако комплексное изучение истории гидромелиорации региона берет свое начало с середины 1970-х гг. – периода развёртывания планомерных исследований по аграрной истории Якутии в советский период – и неразрывно связано с именем Семёна Ипатьевича Ковлекова. В изданной в 1982 г. коллективной монографии «Якутская АССР в условиях развитого социализма», хронологически и структурно продолжавшей трехтомную «Историю Якутской АССР» (1955–1963) впервые

в разделах, посвященных аграрному развитию региона в 1965–1979 гг., были освещены вопросы мелиоративного строительства и его некоторые результаты [16, с. 64–65, 97–98]. Авторами соответствующих разделов являлись А.Н. Айкаров и П.С. Софронеев (глава 2) и С.И. Ковлеков (глава 3). Развитие мелиорации, наряду с механизацией и химизацией, связывалось учеными с новым этапом модернизации аграрного производства, для реализации задач которого в 1966 г. было создано отдельное ведомство – Министерство мелиорации и водного хозяйства ЯАССР, проводились широкомасштабные культуртехнические и лугомелиоративные работы, активно строились гидротехнические сооружения и т.д. Однако уже тогда, на начальном этапе своего становления как историка–аграрника, С.И. Ковлеков пытался, в отличие от своих соавторов, да и большинства советских историков, дать объективную картину состояния сельского хозяйства в республике, в том числе системы мелиорации. Резюмируя итоги развития отрасли в 1970-е гг., он писал: «В целом, мелиоративные работы еще не давали желаемой отдачи. Прежде всего, был низок коэффициент использования мелиоративных земель. Так в 1979 г. в хозяйственный оборот вовлечено лишь 48% улучшенных сенокосов, 67% земель с лиманным орошением, 57% осушенных земель и 8% долготлетних культурных пастбищ. Почти отсутствовало луговое семеноводство. Между тем мелиорация представляла отрасль капиталоемкую: за пятилетку ее доля в общем объеме вложений в сельское хозяйство составляла 25%. Большим недостатком явилось то, что мелиоративные работы нередко выполнялись без достаточных научно обоснованных и проверенных рекомендаций» [16, с. 98]. Бесспорно, для публикации в то время подобных выводов С.И. Ковлекову и ответственному редактору коллективной монографии д.и.н., проф. М.М. Хатылаеву нужно было обладать не только научной добросовестностью, но и принципиальностью и большим гражданским мужеством.

Как известно, в 1980–1990-е гг. С.И. Ковлеков продолжил плодотворное изучение истории сельского хозяйства республики во второй половине XX столетия. В обеих его фундаментальных монографиях [5, 6], написанных на основе огромного массива архивных документов, значительное место отведено развитию мелиорации в Якутии. Рассматривая водохозяйственные и культуртехнические работы в исследовавшийся им период как часть материально-технической базы аграрного производства, способствовавшей росту продукции сельского хозяйства в регионе, С.И. Ковлеков, тем не менее, отмечал: «При выборе участков для мелиорации не всегда учитывались экономическая целесообразность их освоения и экологические последствия от проведенных работ. Допускался большой разрыв между строительными работами и сельскохозяйственным освоением новых земель. Во многих колхозах и совхозах из-за низкой культуры земледелия орошаемые и осушаемые угодья использовались неудовлетворительно ... Имели место низкое качество работ по мелиорации, плохая организация труда и недостаточная материальная заинтересованность работников в достижении высоких и устойчивых урожаев на мелиорированных землях. Так, огромные трудовые и материальные затраты производились без должной отдачи» [5, с. 87]. Таким образом, С.И. Ковлеков не только первым обратился к истории гидромелиоративного строительства в Якутии, но и обратил внимание на экологические и экономические издержки этого процесса, проявившие себя уже на начальном этапе своего развития.

В настоящее время советский опыт мелиорации земель Крайнего Севера оказался вновь востребован в связи с усилением внимания мирового научного сообщества к климатическим изменениям. Одной из причин интенсивного таяния многолетней мерзлоты признается антропогенное воздействие, среди которого ведущую роль применительно к Якутии отводят мелиоративным мероприятиям. В связи с этим, для оценки масштабов антропогенного вторжения в арктические экосистемы в рамках совместного немецко-российского проекта Й.О. Хабек и А.И. Яковлев изучили развитие мелиорации в Якутии и ее влияние на изменение окружающей среды [15, 17]. На основании анализа литературы и документов Национального архива РС (Я), главным образом, фондов учреждений мелиорации и сельского хозяйства, собственных полевых материалов, исследователи впервые предприняли попытку представить периодизацию истории мелиоративного дела в Якутии: первый период – дореволюционный, охватывающий время с XIX вв., когда этнографы и путешественники описали приемы и методы землепользования якутов; второй – с начала коллективи-

зации (1929 г.) до 1947 гг. – период внедрения сельскохозяйственной техники, появление первых специалистов по землепользованию; мелиоративное дело оставалось в зачаточном состоянии из-за слабой организованности; третий – с 1947 г. по 1965 гг. – начало мелиоративного дела, внедрение методов лиманного орошения, проведение целенаправленной работы по улучшению пастбищных и сенокосных угодий; четвертый – с 1965 по 1990-гг. – период деятельности Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР; в Якутской АССР в это время в полную силу начинают проводить осушительные и обводнительные мероприятия, значительно были расширены пастбища и сенокосные угодья в колхозах и совхозах республики [15, с. 63]. В публикациях по проекту Хабек и Яковлев сделали вывод о трансформации экологических ландшафтов в Якутии в ходе мелиоративных работ, их противоречивом влиянии на производительность сельского хозяйства и повседневную жизнь народа саха в советский период [15, с. 71].

Проблемы модификации экономики и условий жизни в сельских населенных пунктах Якутии в последние 30 лет в контексте климатических изменений являлись ключевыми и для участников японо-российских междисциплинарных исследований под руководством одного из авторов данной статьи – профессора Хироки Такакуры. В ходе совместных полевых исследований было обращено внимание на исторический опыт водопользования и водоустройства саха-якутов, методы народной мелиорации; проанализировано современное состояние пастбищ и пашен, ранее охваченных мелиоративными работами [18].

Изменение общественно-политической парадигмы и пересмотр прежних историографических подходов позволили в начале XXI в. обратиться и к ранней истории развития мелиорации в Якутии. Кроме повышения интереса к традиционным мелиоративным знаниям и методам народной мелиорации, появились первые работы, посвященные истории строительства гидротехнических сооружений в досоветский период [1]. В своей статье, посвященной строительству первой технической плотины на р. Олом, инициированной и построенной под руководством известного деятеля национально-демократического движения народа саха П.А. Афанасьева, автор статьи С.И. Боякова привела также другие примеры гидромелиоративных работ в Якутской области XIX – начала XX вв.: осушения озер и строительства земляных и пр. плотин.

Таким образом, в настоящее время изучение истории гидромелиоративных работ в Якутии находится только на этапе своего становления. Рассматривавшаяся ранее лишь в русле общей аграрной истории региона, неоспоримый вклад в изучение которой внес С.И. Ковлеков, история мелиорации, ныне должна исследоваться также и в контексте экологической истории, поскольку, в конечном счете, в основе любой мелиоративной деятельности находятся взаимоотношения Человека и Природы. Первые шаги в этом направлении уже предприняты в ходе совместных междисциплинарных и международных исследований с участием якутских ученых. Необходимо дальнейшее углубление научных изысканий по изучению исторического опыта и уроков развития мелиорации в Якутии и, прежде всего, гидромелиорации, поскольку хозяйственная деятельность на Крайнем Севере тесно связаны с состоянием водных ресурсов и водного режима почв.

Список литературы:

1. Боякова С.И. Из истории мелиорации в досоветской Якутии: опыт сооружения плотины на реке Олом // Якутия на рубеже XIX–XX вв.: общество, люди, память: сборник научных статей по материалам респ. науч.-практ. конф., г. Якутск, 28 ноября 2018 г. / Отв. ред. С.И. Боякова. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2019. – С. 117–125.
2. Гаврильев П.П. Мелиорация мерзлотных земель в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1991. – 182 с.
3. История мелиорации в России: мелиоративная энциклопедия: в 3 т. –М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2002.
4. История мелиорации и водного хозяйства Якутии. – Якутск: Бичик, 2009. – 200 с.
5. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946–1970 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. – 200 с.
6. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1993. – 120 с.
7. Колганов А. В., Сухой Н. В., Шкура В. Н., Щедрин В. Н. Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения в России / под ред. В. Н. Щедрина. – Новочеркасск: РосНИИПМ, 2016. – 222 с.

8. Маслов Б.С., Колганов А.В., Гулюк Г.Г., Гусенков Е.П. История мелиорации в России. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2002. – Т. 1–3.
9. Матвеев И. А. Эффективность интенсификации сельского хозяйства Якутии. – М. : Колос, 1981. – 128 с.
10. Оросительные системы России: от поколения к поколению : Монография. В двух частях / В. Н. Щедрина, А. В. Колганов, С. М. Васильев, А. А. Чураев. – Новочеркасск : Российский научно-исследовательский институт проблем мелиорации, 2013. – 283 с.
11. Поколения оросительных систем: прошлое, настоящее, будущее: монография / под общ. ред. В. Н. Щедрина. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2012. – 164 с.
12. Сомоготто (Николаев Семён Иванович). Народ саха. – Якутск: Якутский край, 2009. – 300 с.
13. Тихонов Н.Н. Северное село. – Новосибирск: Наука, 1996. – 380 с.
14. Штеренлихт Д.В. Очерки истории гидравлики, водных и строительных искусств: в 6 т. – М.: ГЕОС, 1999–2005.
15. Яковлев А.И., Хабек Й. О. Развитие мелиорации в Якутии // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 6(63). – С. 62–72.
16. Якутская АССР в условиях развитого социализма: исторический очерк / отв. ред. М.М. Хатылаев. – Якутск: Кн. изд-во, 1982. – 179 с.
17. Habeck Joachim Otto, Yakovlev Aital Igorevich. Land improvement under conditions of permafrost: melioration and intended forms of environmental change in Soviet Yakutia // Northeast Asian Studies. – 2019. – №23. – P. 71–92.
18. Takakura Hiroki, Fujioka Yuichiro, Ignatyeva Vanda, Tanaka Toshikazu, Vinokurova Nadezhda, Grigorev Stepan, Boyakova Sardana. Differences in local perceptions about climate and environmental changes among residents in a small community in Eastern Siberia // Polar science. – 2021. – Vol.27. 100556

DOI: 10.25693/SVR_Sb21_23
УДК 334.764.44(571.56)“192/193”

ВОВЛЕЧЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ЯКУТИИ В УПРАВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВОМ В 1920-1930-Е ГОДЫ (ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С. И. КОВЛЕКОВА)

Бурнашева Наталья Ивановна,
д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории и
арктических исследований Института гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
n_burnasheva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме вовлечения трудящихся в управление производством, которое в Якутии стало активно реализовываться в 1920–1930-е гг. Для решения данной проблемы республиканские власти применяли различные формы работы с населением, среди которых наибольшее распространение получила деятельность делегатских собраний, производственных, экономических совещаний, а также организация социалистического соревнования. Решению задачи привлечения крестьянского населения к социалистическому труду способствовало оказание шефской помощи сельским жителям со стороны рабочих коллективов. Такие мероприятия являлись своеобразной школой обучения и воспитания рабочих масс в духе социалистического отношения к труду, школой борьбы с недостатками на производстве, органами выявления скрытых резервов, принятия коллективных решений по важнейшим вопросам производственной жизни, развития творческой активности масс и привлечения их к управлению народным хозяйством. Вопросы реализации этих задач в Якутской АССР впервые получили свое широкое освещение в трудах якутского историка С.И. Ковлекова. Основываясь на данных архивных источников, он смог показать историю проведения республиканскими органами власти (совместно с профсоюзными организациями) многих мероприятий, направленных на повышение трудовой активности рабочих и крестьян. В своих работах С.И. Ковлеков детально рассмотрел механизмы развития

промышленного и сельскохозяйственного производства в Якутской АССР довоенного периода, продемонстрировав непосредственную зависимость процесса развития производства от инициативы и заинтересованности работников в результатах своего труда, от активного участия трудящихся в решении производственных задач.

Ключевые слова: история Якутии, социалистический труд, управление производством, рабочий класс, крестьянство.

INVOLVEMENT OF WORKERS OF YAKUTIA IN PRODUCTION MANAGEMENT IN 1920-1930S (SCIENTIFIC HERITAGE OF S. I. KOVLEKOV)

Burnasheva Nataliya Ivanovna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Leading Researcher of the Department of History and
Arctic Studies of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
n_burnasheva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of involving the workers of Yakutia in production management, which began to be actively implemented in the 1920s-1930s. To solve this problem, the republican authorities in Yakutia used various forms of work with the population, among which the most widespread were the activities of delegate meetings, production conferences, as well as the organization of socialist competition. The solution of the problem of attracting the peasant population to socialist labor was facilitated by the provision of patronage assistance from workers' collectives to rural residents. Such events were a kind of school for teaching and educating the working masses in the spirit of a socialist attitude to labor, a school for combating shortcomings in production, organs for revealing hidden reserves, making collective decisions on the most important issues of production life, developing the creative activity of the masses and involving them in managing the national economy. The issues of the implementation of these tasks in the Yakut ASSR first received their wide coverage in the works of the Yakut historian S.I. Kovlekov. Based on data from archival sources, the author was able to show the history of the republican authorities, together with trade union organizations, of many events aimed at increasing the labor activity of workers and peasants. In his works, he was able to examine in detail the mechanisms for the development of industrial and agricultural production in the Yakut ASSR in the pre-war period, demonstrating the direct dependence of the process of development of production on the initiative and interest of workers.

Keywords: history of Yakutia, socialist labor, production management, working class, peasantry.

В реалиях нынешнего периода развития промышленного и сельскохозяйственного производства в стране, основанного на принципах индивидуального фермерского, частнособственнического хозяйствования, огромный опыт по организации социалистического производства, зачастую, предается забвению. Возможно, что подобный отказ от прошлых традиций хозяйствования, от наработанного несколькими поколениями тружеников Якутской республики практического опыта работы в суровых северных условиях и выступает одной из главных причин современных кризисных явлений в экономике. В связи с этим особую актуальность представляют труды ученых-историков, изучавших проблемы развития советской экономики. Их исследования каждому из нас предоставляют сегодня возможность сравнить и проанализировать социально-экономические события прошлого, попытаться осознать и понять значение прошлых достижений и ошибок. Рассматривая работы якутских историков с этих позиций, невозможно не выделить труды С.И. Ковлекова, который является первым исследователем, обратившим внимание на важнейшие проблемы формирования новых подходов в экономике региона, на вопросы организации промышленного и сельскохозяйственного производства в Якутии советского периода.

Одним из наиболее острых вопросов советской эпохи, находившихся на первоочередном контроле советской власти, являлось привлечение населения на сторону советской власти не только в

политическом и идеологическом смыслах. Напрямую с этой проблемой была связана активно развернувшаяся работа по пропаганде идей и принципов новой социалистической организации труда, добросовестной работы на производстве не в интересах частных собственников и тойонов, а в интересах всего общества и трудового народа. С. И. Ковлеков в своей диссертации на звание кандидата исторических наук, на основе которой позже была опубликована монография «Профсоюзы Советской Якутии (1917–1937 гг.)» (1983), в главе под названием «Роль профсоюзов в социалистическом преобразовании народного хозяйства» выделил отдельный самостоятельный параграф, посвященный первым формам привлечения рабочих к управлению производством [2].

Новая политическая власть, установившаяся в Якутии в декабре 1919 г., привнесла совершенно новые принципы в развитие существующих традиционных производственных отношений. Веками развивавшийся в русле взаимоотношений между хозяином-работодателем и частным наемным работником производственный процесс отныне дополнился новым звеном, предоставляющим трудящимся право принимать участие в управлении производством. Такой подход значительно повысил права наемного работника и одновременно был направлен на раскрытие и поддержку творческих инициатив трудового человека. Непосредственная ответственность за развитие и внедрение на практике данного аспекта производственной деятельности, а также работа по вовлечению трудящихся масс в управление производством была доверена профессиональным союзам.

Активная работа профсоюзных органов Якутии в направлении организации и мобилизации рабочих и крестьян к труду в новых условиях началась уже весной 1920 г. Первоначально она включала в себя единичные и самостоятельные мероприятия по укреплению дисциплины труда, организации первых коммунистических субботников и воскресников, участию профсоюзных объединений в работе хозяйственных и советских органов. Такие шаги нацеливались на воспитание у рабочих и служащих стремления работать в духе хозяйского отношения к делу на каждом предприятии и учреждении, что в итоге должно было способствовать выходу Якутии из состояния хозяйственной разрухи, созданию нового социалистического общества. С переходом к политике НЭП работа профсоюзов в среде трудящихся приобрела более системный характер, подчинила проводимые мероприятия единой цели – обучению трудящихся навыкам и методам управления государством и производством, воспитанию их в духе понимания государственных интересов.

Профсоюзы возглавляли огромную каждодневную практическую работу по претворению в жизнь производственных задач, проводили мероприятия с использованием различных форм и методов активизации деятельности трудовых коллективов. Так, в первой половине 1925 г. получила широкое распространение деятельность *делегатских собраний* месткомов. Делегатским собранием Водотранса, например, обсуждались вопросы о ремонтных материалах для судов, рассматривались дефектные ведомости всех судов Якутского затона и другие важные вопросы. При самом активном участии рабочих проводились также административно-технические совещания производственных предприятий Якутского пароходства, на которых обсуждались сметы пароходства, утверждались эксплуатационные планы судов на навигацию 1925 г., решались кадровые вопросы комплектования команды судов. Оживленно проходившие еженедельные профсоюзные дни, где рабочие заслушивали и обсуждали вопросы социально-экономического и политического характера, давали существенные практические результаты. Так, ряд предложений рабочих по вопросам поднятия производительности труда, открытия ученического механического цеха при мастерской были приняты администрацией пароходства к рассмотрению и рекомендованы к реализации.

В начале 1920-х гг. на предприятиях и учреждениях страны стала активно внедряться практика проведения *производственных и экономических совещаний*, руководство которыми возлагалось на производственные комиссии фабрично-заводских комитетов. Задачами производственных совещаний являлись вовлечение широкого круга рабочих в производственную жизнь предприятий, оказание действенного влияния на работу хозяйственных органов при полном невмешательстве их в административно-хозяйственную деятельность, с одновременной функцией выявления всех недочетов в производственно-хозяйственной и управленческой деятельности организаций. Большое значение на производственных совещаниях уделялось воспитательной работе в коллективе по вне-

дрению новой социалистической дисциплины труда, развитию производства путем использования накопленного практического опыта, содействия взаимопониманию и сближению администрации с трудовым коллективом, технического персонала с рабочими для сплочения их в единое целое.

В Якутии производственные совещания, по данным 1927 г. на Алдане, где сложилась наиболее высокая концентрация рабочей силы на территории республики, были организованы при четырех основных низовых ячейках союза горнорабочих. В ходе 53 заседаний производственных комиссий и совещаний за этот год было обсуждено 145 вопросов и внесено 296 предложений. Из 145 вопросов 106 были непосредственно связаны с развитием производства, а 25 – с деятельностью хозяйственных органов. Из принятых 246 предложений 181 было направлено на непосредственное повышение производительности золотодобычи, остальные 65 сводились к улучшению организации снабжения рабочих товарами, а также к совершенствованию работы аппарата треста и управлений приисков [2, с. 63].

Повышению производительности труда на предприятиях республики и активному привлечению рабочих к управлению производством способствовал подъем трудового энтузиазма трудящихся, связанный с развернувшимся по всей стране *социалистическим соревнованием* [3]. В Якутии зачинателями массового социалистического соревнования выступили весной 1929 г. комсомольцы Алдана. Производственные совещания при этом были признаны наиболее удачной формой мобилизации творческой активности рабочих, наиболее действенным способом привлечения их к управлению социалистическим производством. Так, в период с января по июнь 1929 г. на Алданском золотодобывающем предприятии было проведено 34 совещания с участием 2142 чел., внесено 161 предложение (в том числе 95 от рабочих), из которых на практическую реализацию было направлено 136 предложений [2, с. 68]. В ходе производственных совещаний рабочие вносили конкретные рационализаторские предложения, направленные на улучшение организации производства и совершенствование навыков работы с техникой [1].

Вместе с тем решение поставленных задач значительно затруднялось отсутствием достаточного числа квалифицированных кадров, без которых невозможно было в полной мере претворять в жизнь стоящие задачи. Острой становилась необходимость подготовки хозяйственных и технических кадров из среды рабочих и крестьян, повышения технического уровня трудящихся и их производственной квалификации. В связи с этим усилия профсоюзов, в первую очередь, стали направляться на организацию разнообразных курсов и кружков для рабочих. При условии успешного окончания обучения рабочие получили возможность выдвинуться на руководящие и хозяйственно-административные должности.

В 1920-1930-е гг. одним из ключевых путей вовлечения трудового крестьянства в управление сельскохозяйственным производством, в строительство новой жизни на селе стала выступать задача установления и укрепления союза между рабочим классом и крестьянством. В ходе этого процесса рабочие должны были передавать крестьянам свой политический и организационный опыт социалистического строительства. В Якутии эту задачу предстояло решать в достаточно сложных и специфических условиях, связанных с тем, что возникший в 1923 г. крупный очаг промышленности на Алдане находился достаточно далеко от мест проживания основной массы крестьянства, развивался в малонаселенной части республики, а подавляющая масса крестьянского населения была расселена по огромной территории республики. Несмотря на это, уже с осени 1924 г. Якутия активно включилась в развернувшееся в стране добровольное движение за организацию шефских обществ. В первые годы *шефская работа* носила в республике, главным образом, политико-просветительский и культурно-воспитательный характер. Но с момента завершения земельной реформы в 1930 г. она получила возможность перехода на новый этап развития, при котором шефская работа приобрела преимущественно производственный характер. Так, в ходе посевной кампании 1930 г. для оказания практической помощи крестьянам были созданы рабочие бригады из 67 добровольцев, которые развернули свою работу в деревнях, расположенных вокруг г. Якутска, а также в Намском, Усть-Алданском, Мегинском, Западно- и Восточно-Кангаласском, Амгинском, Чурапчинском, Таттинском, Усть-Майском и Олекминском районах. Рабочие бригады

вели широкую разъяснительную работу о значении посевной кампании, оказывали помощь в организации колхозов и вовлечении в них крестьян, занимались ремонтом сельскохозяйственной техники, проводили лекции и беседы по актуальным политическим вопросам. В последующие годы активное участие в организации посевных кампаний стали принимать профсоюзные организации рабочих.

Помимо этого, в период с 1928 по 1937 г. большое внимание профсоюзов было уделено подготовке организаторов сельскохозяйственного производства. Различными видами обучения в эти годы было охвачено 14488 председателей колхозов, счетоводов, бригадиров полеводческих бригад, землеустроителей, трактористов и водителей [2, с. 101]. Конечно же, в силу малочисленности рабочего класса в Якутии, вопрос об укреплении деревни пролетарскими кадрами практически не ставился. Тем не менее, помощь рабочих коллективов в проведении государственной политики в области сельского хозяйства, содействие в активизации производственных процессов, происходивших в эти годы в якутской деревне, являлась довольно ощутимой.

Таким образом, в современных условиях развития российской экономики, когда многие вопросы требуют внимательного изучения и анализа, крайне необходимой является опора на исторический опыт организации промышленного и сельскохозяйственного производства, богатые традиции управленческой деятельности предприятий советской эпохи, которые несут в себе огромный потенциал идей и практических достижений. Проблемы, связанные с формами и способами организации производственного процесса, с вопросами организации работы с кадрами и, пожалуй, самое главное, о путях повышения заинтересованности работников в результатах своего труда, вовлечения их в управление производством остаются актуальными и в современных условиях. Ответы на многие из них мы сегодня можем почерпнуть из трудов ученых, внимательно изучавших пути реализации целей и задач социалистического строительства. К их числу, несомненно, следует отнести научные исследования С.И. Ковлекова, выделившего многие аспекты организации промышленного и сельскохозяйственного производства в специфических условиях нашего северного края. В первую очередь им была отмечена роль производственных совещаний, целью которых являлся переход рабочего человека от решения простых производственных вопросов, связанных, в частности, с работой у станка, к пониманию «общеколлективных и народнохозяйственных интересов всего социалистического государства» [2, с. 60–61]. Новые для того времени методы работы, внедрявшиеся производственными предприятиями, способствовали мобилизации и усилению заинтересованности рабочих в результатах своего труда, заметно активизировали процесс вовлечения трудящихся в сложный механизм развития производства.

Список литературы:

1. Ковлеков С.И. В вечном поиске. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 112 с.
2. Ковлеков С.И. Профсоюзы Советской Якутии (1917–1937 гг.). – Якутск: Книжное издательство, 1983. – 164 с.
3. Ковлеков С.И. Социалистическое соревнование в Якутии (1935–1958 гг.). – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1988. – 176 с.

ТРАДИЦИОННОЕ ХОЗЯЙСТВО АРКТИКИ В ПЕРВЫЙ ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЯКУТИИ XX ВЕКА

Санникова Яна Михайловна,
к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и
арктических исследований Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск
sannikowa@mail.ru

Аннотация. В постановочном плане представлена тема изучения традиционного хозяйства Арктики в первый постсоветский период в контексте аграрной истории Якутии XX века. Дан краткий обзор степени изученности проблемы, концептуально обозначены труды, направленные на исторические и современные исследования сельского хозяйства России и региона в конце XX века. Отдельно сказано об историческом анализе первого постсоветского периода в сельском хозяйстве региона в статье ученого – аграрника Семена Ипатьевича Ковлекова «Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991-1995 гг.». Выделены пять отправных позиций в историческом исследовании предлагаемой темы: основные дефиниции понятия традиционного хозяйства; природно-хозяйственное районирование 15 изучаемых арктических и северных районов Якутии; постоянное население изучаемых районов; этнический состав коренных народов изучаемой территории; места традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Поставлены цель и задачи предлагаемого комплексного исследования по аграрной истории Якутии конца XX века. В качестве примера приведены вопросы, изучаемые в исследовании аграрной политики в 1990-е гг. относительно управления арктических хозяйств на основе архивных и опубликованных источников.

Ключевые слова: сельское хозяйство, традиционное хозяйство, Арктика, Якутия, первый постсоветский период, XX век, Семен Ипатьевич Ковлеков.

TRADITIONAL ARCTIC ECONOMY IN THE FIRST POST-SOVIET PERIOD IN THE CONTEXT OF THE AGRARIAN HISTORY OF YAKUTIA OF THE XX CENTURY

Sannikova Yana Mikhailovna,
Candidate of Historian Sciences, Senior Researcher of the Department
of History and Arctic studies, The Institute of Humanities
Research and Indigenous Studies of the North
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
sannikowa@mail.ru

Abstract. The article presents the topic of studying the traditional economy of the Arctic in the first post-Soviet period as part of a study on the agrarian history of Yakutia in the twentieth century. A review of the degree of knowledge of the problem is briefly made. The works devoted to the historical and modern research of agriculture in Russia and Yakutia at the end of the twentieth century are named. Separately, it is said about the meaning of the article by the agricultural scientist Semyon Ipatievich Kovlekov “Agrarian reform in the Republic of Sakha (Yakutia) in 1991-1995.” Five important points in the historical research of the proposed topic are highlighted: the main definitions of the concept of a traditional economy; natural and economic zoning of 15 studied Arctic and northern regions of Yakutia; the permanent population of the study areas; ethnic composition of the indigenous peoples of the study area; places of traditional economic activity of the indigenous small-numbered peoples of the North. The goal and objectives of the

stated research on the agrarian history of Yakutia at the end of the twentieth century are set. As an example, the questions that need to be studied in the study of agricultural policy in the 1990s are shown. on the management of Arctic farms based on archival and published sources.

Keywords: agriculture, traditional economy, the Arctic, Yakutia, the first post-Soviet period, the twentieth century, Semyon Ipatievich Kovlekov.

Научное изучение истории развития сельского хозяйства в первый постсоветский период конца XX века только переходит с позиций современного исследования новейшего периода на новый уровень комплексного исторического исследования, так сказать, в жанре классической аграрной истории. В этом плане, несмотря на наличие достаточного количества специальных трудов по проблеме, они в основном представлены в сельскохозяйственных, экономических, общественных работах [см. например, 12; 16; 13; 3; 14; 1; 22]. В контексте аграрной истории проведены ряд известных исследований, которые хронологически охватывают и первый постсоветский период [2; 4]. В этом плане, как и ранее подчеркивалось, единственным исследователем по аграрной истории Якутии советского и постсоветского периодов, оставившим свои труды, основанные на солидной фундаментальной источниковой базе, которые дают основные концептуальные направления в историческом изучении проблем развития сельского хозяйства региона является Семен Ипатьевич Ковлеков [9; 10]. Исторический анализ первого постсоветского периода в сельском хозяйстве представлен ученым – аграрником в статье «Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг.», где подробно освещены трудности, ошибки, результаты первого этапа реформы и дана статистическая динамика основных показателей развития сельского хозяйства. Несмотря на то, что работа подготовлена во второй половине последнего десятилетия XX века, в условиях активных трансформационных процессов в изучаемой сфере, основные выводы С.И. Ковлекова, как показало время, были подтверждены ходом исторического процесса в аграрном секторе республики. Среди современных исследований нужно отметить труды и издания на региональном уровне, посвященные изучению вопросов, раскрывающих, в том числе, различные стороны жизнедеятельности в традиционном хозяйстве Арктики и Севера [5; 7; 15; 19].

Касаемо непосредственно изучения заявленной темы необходимо остановиться на следующих отправных исследовательских позициях, некоторые были ранее обоснованы автором в предыдущих публикациях [см например, 17; 18].

Основные дефиниции понятия традиционного хозяйства относятся к этнологическим определениям. За основу понятия традиционное хозяйство приняты следующие подходы. Система традиционного хозяйствования, согласно И.И. Крупнику, имеет ввиду целую систему ведения хозяйства – включая экономику, социальное устройство, демографию, природопользование и экологию общества исследуемого региона. Также является наиболее полно раскрывающим критерии определения ключевого понятия работы подход А.Н. Ямскова о том, что к “традиционному хозяйству” в условиях России стоит относить такие формы ведения любой из отраслей хозяйства современным населением, при которых это население сохраняет преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (в период до начала коллективизации) в каждом из следующих аспектов хозяйства: типы используемых природных ресурсов; типы трудовой деятельности; используемая территория или акватория; типы получаемой первичной продукции. При подобном подходе полностью снимаются как не относящиеся к содержанию предлагаемой дефиниции “традиционного хозяйства” вопросы, с одной стороны, о наличии и степени распространенности технологических инноваций в данной области (в частности, таких как внедрение в ряде районов Севера снегоходов, моторных лодок и сетеподъемников, и т.п.), а с другой стороны – о целях хозяйственной деятельности (в частности, не оценивается уровень товарности производства либо близости его к натуральному хозяйству). Данная особенность предлагаемой дефиниции “традиционного хозяйства” имеет важное значение, ибо в предложенном виде она исключает возможность законодательного установления и закрепления барьеров на пути как технической модернизации традиционных

отраслей хозяйства, так и увеличения их товарности и доходности, а значит и повышения уровня жизни практикующих их групп коренного населения. Дополнительно К.Б. Клоков подчеркивает применительно к традиционному хозяйству, что традиция по своей сути – это то, что передается от поколения к поколению, от человека к человеку при непосредственном их контакте, то есть это то, чему нельзя научиться по учебникам или чему нельзя научиться, окончив какие-нибудь специальные, скажем, курсы или институт. В этом надо участвовать [25; 11]. Таким образом, при изучении явления традиционного хозяйства будут учитываться все вышеуказанные критерии, включаемые в данное понятие. Закljučая разъяснение понятия «традиционное хозяйство» можно говорить о том, что оно охватывает все направления традиционных хозяйственных занятий коренных народов изучаемой территории, включая разведение оленей, охоту, рыболовство, разведение табунных лошадей и крупного рогатого скота.

Природно-хозяйственное районирование 15 изучаемых арктических и северных районов Якутии. В ареал изучения включены все категории хозяйств, осуществлявших деятельность в сфере сельского хозяйства и промыслов (оленоводства, табунного коневодства, скотоводства, охотничьего и рыболовного промыслов) на территории 15 арктических и северных районов Якутии (условно разделенных на три группы по природно-хозяйственному районированию) в период первых постсоветских трансформаций 1992–1999 гг. На основе двух принятых классификаций: Н.Н. Тихонова по сельскохозяйственному зонированию и И.И. Поисеева по эколого-экономическому районированию применяется природно-хозяйственная дифференциация 15 изучаемых улусов (районов) на три группы. В первую Северо-западно-прибрежную (оленоводческо-промысловую) группу вошли пять прибрежных арктических улусов – Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский и прилегающие северо-западные, заполярные Жиганский и Оленекский улусы – в этих семи улусах исторически сложившееся комплексное направление традиционного хозяйства – олениводческо-промысловое (основная специализация – олениводство, рыболовный и охотничий промыслы). Вторая Северо-восточная группа представлена пятью северо-восточными улусами – Верхоянский, Момский, Оймяконский, Томпонский, Эвено-Бытантайский, где специализируются на животноводческо-олениводческо-промысловом направлении (олениводство, коневодство, скотоводство и охотничий промысел). Третья Индигиро-колымская группа включает три индигиро-колымских улуса – Абыйский, Верхнеколымский, Среднеколымский, в них развивается животноводческо-промысловое направление с локальным олениводством. Во всех 15 улусах были представлены в относительно разных размерах все виды животноводства и промыслов, локально – весь комплекс арктического (северного) хозяйства.

Постоянное население изучаемых районов. Говоря о традиционном образе жизни как в изучаемых районах, так и в Якутии в целом, имеем ввиду что повседневная жизнь здесь в определяющей степени зависит от традиционного хозяйственного развития коренного сельского населения. В этом плане не такая крупная численность непосредственно работающих в сфере сельского хозяйства и промыслов не является определяющей, так как, в целом, сложившийся образ жизни коренного сельского населения во всех его проявлениях в основе берет свое начало с традиционного хозяйственного уклада арктической жизни. Но и данное разделение достаточно условно, если иметь ввиду, что жизнь городских жителей (городов и поселков городского типа районного значения) во многих районах мало отличается от сельских, значимость традиционных занятий также высока в их повседневной жизни. На фоне снижения численности населения всей республики за 1991–1999 гг. на 12,5% (на 137,8 тыс. чел.), в том числе сельского на 5,4% (на 19,9 тыс. чел.) в 15 изучаемых районах численность населения снизилась на 64,6 тыс. чел. (33,0%), в том числе сельского – на 12,4 тыс. чел. (16,4%). Если рассматривать по трем группам районов, то динамика снижения численности населения имела такие особенности: в северо-западно-прибрежной группе численность населения снизилась на 41,2% (на 35,8 тыс. чел.), в том числе сельского – на 12,8% (на 3,7 тыс. чел.); в северо-восточной – на 29,2% (на 24,2 тыс. чел.), в том числе сельского – на 20,7% (на 7,4 тыс. чел.), в индигиро-колымской – на 17,8% (на 4,6 тыс. чел.), в том числе сельского – на 12,0% (на 1,3 тыс. чел.) [23; 24; 20].

Коренные народы изучаемой территории. Коренными народами Якутии являются эвенки, эвены, чукчи, юкагиры, долганы, саха, русские старожилы. По переписи 1989 г. в изучаемых 15 районах коренные народы Якутии составляли 30,7% (64095 чел.) всего населения данных районов (не считая русских старожилы) и 66,2% (50979 чел.) сельского населения. При этом этнический состав был представлен в следующем соотношении: эвенки – 10,7% (в том числе сельское население – 12,7%); эвены – 9,5% (10,3%); чукчи – 0,6% (0,7%); юкагиры – 0,9% (0,9%); долганы – 0,5% (0,5%); саха – 77,7% (74,7%). По следующей переписи 2002 г., практически в динамике за период изучаемых 1990-х гг., в 15 изучаемых районах коренные народы составили 56,6% (65316 чел.) всего населения этих районов, в том числе 87,7% (49935 чел.) сельского населения. Этническое соотношение среди коренных народов в них сложилось следующим образом (не считая русских старожилы): эвенки – 12,3% (в том числе сельское население – 14,8%); эвены – 11,6% (12,0%); чукчи – 0,8% (0,8%); юкагиры – 1,2% (1,2%), долганы – 1,6% (2,0%); саха – 72,5% (69,1%) [21; 8].

Места традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В изучаемых районах исторически сложились сельские поселения, с 1993 г. официально относящиеся к районам проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации. Согласно Постановления Правительства РФ от 11 января 1993 г. №22 «О перечне районов проживания малочисленных народов Севера» (с изменениями и дополнениями) в перечень по Республике Саха (Якутия) входили полностью все сельские поселения десяти и национальные наслеги четырех изучаемых районов: Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Верхнеколымский, Жиганский, Момский, Оленекский, Эвено-Бытантайский, Булунский (кроме рабочего поселка Тикси), Нижнеколымский (кроме рабочего поселка Черский) и Борогонский 2-1, Ючюгейский наслеги Оймяконского, Березовский национальный (кочевой) наслег Среднеколымского, Томпонский наслег Томпонского, Казачинский, Омолойский, Силяннихский, Туматский, Усть-Янский, Уяндинский, Юкагирский (кочевой) национальные наслеги Усть-Янского районов. Таким образом, кроме Верхоянского, все изучаемые районы в исследуемый период входили в состав районов проживания коренных малочисленных народов Севера.

На основе обозначенных позиций целью предлагаемого исследования является изучение процесса исторического развития традиционного хозяйства коренного населения Якутской Арктики в условиях трансформационных процессов первого постсоветского периода конца XX века. В связи с этим решаются следующие задачи: рассмотрение теоретико-методологических подходов в изучении основных вопросов проблемы развития традиционного хозяйства и традиционного образа жизни коренных этносов Якутии; анализ аграрной политики государства в области сельского хозяйства через призму опыта проведения аграрной реформы и истории деятельности управленческих структур в регионе; исследование проблем экономического развития традиционных отраслей арктического хозяйства как основы хозяйственного развития коренного населения изучаемых территорий; показ социальных последствий трансформаций в хозяйствовании северян; освещение проблем рационального использования природных ресурсов и экологических последствий произошедших в последнее время изменений; раскрытие вопросов взаимодействия социально-экономических интересов традиционного и промышленного природопользования. Например, касательно вопросов, изучаемых в исследовании аграрной политики в 1990-е гг. относительно управления арктических хозяйств на основе архивных и опубликованных источников должны быть изучены следующие: положение хозяйств накануне и в начале аграрной реформы; реорганизация системы управления северными хозяйствами в первый постсоветский год; проектные инициативы АПК «Север» по управлению хозяйствами в 1993 г.; особенности формирования и переход в единое управленческое пространство в аграрном секторе республики; решения и некоторые итоги деятельности НАОК «Таба»; официальное экспертное мнение от профильного министерства; дальнейшие ориентиры управления северными хозяйствами профильного министерства.

Таким образом, актуальной остается проблема проведения комплексных исследований по аграрной истории Якутии, в том числе по заявленной теме изучения традиционного арктического хозяйства в первый постсоветский период с учетом всех основных позиций в стратегии исследования.

Список литературы:

1. Авраамова Е.М. Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. – 2005. – №6. – С. 5–15.
2. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX в. Очерки истории / Отв. ред. В.А. Ильиных. – Новосибирск, 2008. – 308 с.
3. Буздалов И.Н. Аграрная теория: концептуальные основы, исторические тенденции, современные представления. – М., 2005. – 343 с.
4. Вербицкая О.М. Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг. – М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 408 с.
5. Винокурова Л.И. Аборигенные этносы РС(Я) в модернизирующемся обществе // *Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия)*. – Новосибирск, 2000. – С. 163–187.
6. Донской Ф.С. Проблемы обеспечения равноправия коренным малочисленным народам Севера и Арктики // *Феодосий Семенович Донской: биобиблиогр. указ. к 100-летию со дня рождения* / сост. Е.А. Васильева; отв. ред. С.М. Баишева; Федер. гос. бюджет. учреждение науки, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, ИГиИПМНС СО РАН. – Якутск, 2019. – 78 с.
7. Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Том. 1. – Якутск, 2002. – 338 с.; Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Том. 2. – Якутск, 2004. – 320 с.; Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Том. 3. – Новосибирск: Наука, 2006. – 427 с.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г.: Национальный состав населения ЯАССР. – Якутск, 1990. – 107 с.
9. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1971–1985 гг.). – Якутск, 1993. – 120 с.
10. Ковлеков С.И. Аграрная реформа в Республике Саха (Якутия) в 1991–1995 гг. / *Суверенная Республика Саха (Якутия) (1991–1996гг.): проблемы коренных преобразований*. – Якутск, 1999. – С.76–110.
11. Клоков К.Б. Для освоения Арктики нужен компромисс с интересами коренных народов URL: http://www.rian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html (дата обращения 18.09.2021 г.)
12. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (сер.80-х – 90-е гг. XX в.). – М., 2001. – 620 с.
13. Никольский С.А. Аграрный курс России: мировоззрение реформаторов и практика аграрной реформы в социально-историческом, экономическом и философском контекстах. – М., 2003. – 376 с.
14. Покровский Н.Е. Сельские регионы российского Севера: что в будущем? // *Общественные науки и современность*. – 2009. – №1. – С. 58–68.
15. Проблемы Крайнего Севера Якутии: состояние и пути решения. – Якутск: Северовед, 2001. – 180 с.
16. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований крестьянской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. – М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. – 592 с.
17. Санникова Я.М. Традиционное хозяйство российской Арктики в условиях трансформаций постсоветского периода как тема исследования по аграрной истории Якутии // *Академические исследования в Якутии: «территория историка»: Сб. статей, посвященных юбилею профессора Д.А. Шириной*. – Якутск: Алаас, 2016. – С. 275–285.
18. Санникова Я.М. К изучению регионального аспекта развития традиционного хозяйства народов Севера в контексте аграрной политики государства // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. – 2016. – №4. – С. 41–46.
19. Современная Арктика: опыт изучения и проблемы. Сб. науч; ст. / Отв. ред. С.И. Боякова. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якут, фил., 2005. – 200 с.
20. Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия): Стат. Сборник / ТОФСГС по РС(Я). – Якутск, 2016. – 709 с.
21. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX в. – Новосибирск: Наука. 2007. – 176 с.
22. Шпаратан О.И. Иванов И.М., Иняевский С.А. Анализ социально-экономического неравенства россиян // *Общественные науки и современность*. – 2005. – №6. – С.23–39.
23. Экономика улусов и городов Республики Саха (Якутия). 1985–1998 гг.: статистический сборник (Госкомстат РС(Я). – Якутск, 1999. – 142 с.
24. Экономика улусов и городов Республики Саха (Якутия). 1985–1999 гг.: статистический сборник (Госкомстат РС(Я). – Якутск, 2000. – 144 с.

25. Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Ред. Новикова Н.И., Тишков В.А. – М.: Издательский дом «Стратегия», 2000. – С. 172–185.

Научное издание

**Социально-экономическое развитие Северо-востока России в XIX – начале XXI вв.:
исторический опыт, дискуссии, новые подходы**

Сборник научных статей

Составитель: к.и.н. А.И. Архипова

Электронный ресурс

Компьютерная верстка: Степанова А.Н.

Издатель:

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук - обособленное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, тел.: +7(411)236-14-49

E-mail: inip@ysn.ru

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Подписано в печать 24.11.2021. Формат 60x90^{1/8}. Усл.п.л.19,25. Уч.изд.л. 16,94.